

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ УКРАИНЫ
ХАРЬКОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. Н. КАРАЗИНА

На правах рукописи

ПОНИКАРЕВА АЛИНА ЮРЬЕВНА

УДК 811.111'367.335'42

**АРГУМЕНТАТИВНО-СУГГЕСТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ
СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

Специальность 10.02.04 – германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель –
Мартынюк Алла Петровна,
доктор филологических наук,
профессор

Харьков – 2016

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	6
ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АРГУМЕНТАТИВНО-СУГГЕСТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	14
1.1. Англоязычный политический дискурс как контекст лингвистического исследования сложного синтаксиса	14
1.1.1. Деятельностное понимание дискурса	14
1.1.2. Дифференциальные признаки публичной речи политика как жанра политического дискурса.....	17
1.1.3. Аргументация и суггестия в политическом дискурсе	21
1.2. Сложные предложения как объект лингвистического анализа	26
1.2.1. Предикативность как базовый признак предложения- высказывания	26
1.2.2. Сложное предложение как полипредикативная единица	33
1.2.3. Актуальное членение сложного предложения	38
Выводы к главе 1	41
ГЛАВА 2. МЕТОДИКА АНАЛИЗА СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ Б. ОБАМЫ И Д. КЕМЕРОНА	43
2.1. Определение коммуникативного потенциала сложных синтаксических структур в терминах актуального членения предложения.....	43
2.1.1. Структурно-семантические типы сложных предложений, базирующихся на подчинительной связи	44

2.1.2. Структурно-семантические типы сложных предложений, базирующихся на сочинительной связи.....	51
2.2. Определение коммуникативного потенциала сложных синтаксических структур разных структурно-семантических типов в терминах когнитивных операций распределения внимания	55
2.2.1. Когнитивный инструментальный анализа распределения внимания в сложных предложениях	55
2.2.2. Определение схем распределения внимания в структурно- семантических типах сложных предложений, базирующихся на подчинительной связи.....	62
2.2.3. Определение схем распределения внимания в структурно- семантических типах сложных предложений, базирующихся на сочинительной связи.....	66
2.3. Единицы анализа аргументативного и суггестивного потенциала синтаксиса политического дискурса	68
Выводы к главе 2	70
ГЛАВА 3. АРГУМЕНТАТИВНО-СУГГЕСТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, БАЗИРУЮЩИХСЯ НА СТРУКТУРНЫХ СВЯЗЯХ ПОДЧИНЕНИЯ	74
3.1. Распределение внимания в сложноподчиненных предложениях.....	74
3.1.1. Двухкомпонентные сложноподчиненные предложения	74
3.1.2. Трехкомпонентные сложноподчиненные предложения	80
3.1.3. Четырехкомпонентные сложноподчиненные предложения	98
3.1.4. Пятикомпонентные сложноподчиненные предложения.....	110
3.1.5. Шестикомпонентные сложноподчиненные предложения	113
3.2. Распределение внимания в сложноподчиненных предложениях с вкраплением сочинения	115
3.2.1. Трехкомпонентные сложноподчиненные предложения с вкраплением сочинения	116

3.2.2. Четырехкомпонентные сложноподчиненные предложения с вкраплением сочинения	119
3.2.3. Пятикомпонентные сложноподчиненные предложения с вкраплением сочинения	124
3.2.4. Шестикомпонентные сложноподчиненные предложения с вкраплением сочинения	128
3.3. Суггестивные и аргументативные паттерны сложных предложений, базирующихся на структурных связях подчинения	129
Выводы к главе 3	131
ГЛАВА 4. АРГУМЕНТАТИВНО-СУГГЕСТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, БАЗИРУЮЩИХСЯ НА СТРУКТУРНЫХ СВЯЗЯХ СОЧИНЕНИЯ	136
4.1. Распределение внимания в сложносочиненных предложениях	136
4.1.1. Двухкомпонентные сложносочиненные предложения	136
4.1.2. Трехкомпонентные сложносочиненные предложения	139
4.2. Распределение внимания в сложносочиненных предложениях с вкраплением подчинения	143
4.2.1. Трехкомпонентные сложносочиненные предложения с вкраплением подчинения	144
4.2.2. Четырехкомпонентные сложносочиненные предложения с вкраплением подчинения	151
4.2.3. Пятикомпонентные сложносочиненные предложения с вкраплением подчинения	156
4.2.4. Шестикомпонентные сложносочиненные предложения с вкраплением подчинения	161
4.3. Суггестивные и аргументативные паттерны сложных предложений, базирующихся на структурных связях сочинения	165
Выводы к главе 4	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	169

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	173
СПИСОК СПРАВОЧНЫХ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ	223
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА	224
ПРИЛОЖЕНИЕ	230

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- A – присоединенная предикация / клауза сложносочиненного предложения (от attached clause)
- G – фон (ground)
- F – фигура (figure)
- I – инициальная предикация / клауза сложносочиненного предложения (initial clause)
- It (Sbj) – структурное подлежащее (subject), выраженное местоимением it
- M – главная предикация / клауза сложноподчиненного предложения (main clause)
- PR – точка референции (point of reference)
- R – рема (rheme)
- S – подчиненная предикация / клауза сложноподчиненного предложения (subordinate clause)
- S(Sbj) – подчиненная предикация / клауза в функции подлежащего (subject clause)
- T – тема (theme)

ВВЕДЕНИЕ

В контексте утвердившейся в сегодняшнем языкознании когнитивно-дискурсивной парадигмы (Р. Харре [423, с. 146]) внимание исследователей все чаще привлекают механизмы речевого воздействия, регулирующие как коммуникативное, так и социальное поведение человека: А. Н. Баранов [19], А.Д. Белова [38], Р.М. Блакар [41], П. Браун [363], Т.А. Дейк [384], В.З. Демьянков [100], О.С. Иссерс [127, 128], В.И. Карасик [138], Р. Лакофф [448], Ч. Ларсон [453], С. Левинсон [454], А.П. Мартынюк [186], Е.И. Морозова [198], И.Б. Морозова [205, 203, 204], П. Б. Паршин [227], И.А. Стернин [297], И.Е. Фролова [313, 312], И.Ю. Черепанова [319], В.Е. Чернявская [320], Е.В. Шелестюк [343] и др.

Значительным аргументативно-суггестивным потенциалом обладает политический дискурс и его прототипный жанр – публичное выступление политического лидера (В.И. Герасимов, М.В. Ильин [85], П. Рикер [265]). Политический дискурс является объектом изучения психологии и психолингвистики (Д.М. Калищук [137], С.В. Новоселецкая и Н.В. Шапран [217]), PR-технологии и имиджеологии (И. Гоффман [91], С.Н. Плотникова [239], Ю.И. Бойко [49]), нейро-лингвистического программирования (Р. Дилтс [103]), теории речевого воздействия (Р.М. Блакар [41], Т.А. Дейк [386], О.С. Иссерс [127], Р. Лакофф [448], Е.Г. Мусаева [211], А.В. Олянич [219], И.М. Сальникова [267]), теории аргументации (Э. Аронсон [9], А.Д. Белова [31], Ф.Х. Еемеерен [395], В.И. Охрименко [220]), лингвальной теории информационных войн (Е.В. Бондаренко [51], С.А. Жаботинская [109], Почепцов Г.Г. [256]), политической лингвистики (Д.Р. Акопова [5], Н.В. Базилевич [17], А.Н. Баранов [21], М.Г. Божеску [47], Э.В. Будаев [56], Т.М. Ващук [66], А.А. Вольфовская [78], Л.В. Завальская [111], А.В. Зайцев [112], Г.Д. Заньковская [115], З.И. Комарова [151], Краснова [156], А.А. Найчук [213], Раунтри [473], Н.В. Петлюченко [231], Т.В. Свиридчук [272], А.А. Сидак [279], Л.Л. Славова [282], А.В. Сотников [291], М.Б. Тхир [307],

О.А. Черновол-Ткаченко [325], И.С. Шевченко [336], Е.И. Шейгал [342; 341], А.И. Яновец [353]).

В большинстве исследований языковые средства речевого воздействия описывают в терминах стилистических приемов фонетического, лексического и синтаксического уровней. За пределами таких описаний остается аргументативно-суггестивный потенциал сложных синтаксических структур, в частности, сложноподчиненных, сложносочиненных, сложноподчиненно-сочиненных и сложносочиненно-подчиненных предложений.

Между тем, применение когнитивных инструментов анализа управления вниманием (Р. Ленекер [452], Л. Талми [488], Д. Круз, В. Крофт [379]) в публичном выступлении англоязычных политических лидеров Б. Обамы и Д. Кемерона дает все основания полагать, что сложные предложения разных структурно-семантических типов обладают разным потенциалом речевого воздействия, ориентированным на аргументацию или суггестию. Это положение и составило гипотезу исследования.

Актуальность темы исследования определяется, во-первых, значимостью изучения аргументативно-суггестивного потенциала англоязычного политического дискурса и его прототипического жанра, публичного выступления политического лидера, для понимания роли языка в регулировании социального поведения человека; во-вторых, необходимостью уяснения роли синтаксического аранжирования речи в оказании аргументативного / суггестивного речевого воздействия.

Связь с научными темами. Проблематика диссертации отвечает профилю исследований, которые проводятся на факультете иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина в рамках научных тем «Когнитивно-дискурсивные исследования языка как регулятора социального поведения» (номер государственной регистрации 0111U10009), «Когнитивно-дискурсивные исследования языка и перевода» (номер государственной регистрации 0114U004320).

Цель исследования состоит в выявлении роли структурно-семантического типа синтаксической структуры в осуществлении

аргументативного и суггестивного речевого воздействия англоязычными политическими лидерами Б. Обамой и Д. Кемероном.

Поставленная цель предполагает решение таких задач:

- выявить дифференциальные признаки публичного выступления англоязычного политического лидера как прототипного жанра англоязычного политического дискурса;
- определить структурно-семантические типы аранжирования сложных синтаксических структур в публичных выступлениях двух политических лидеров;
- установить коммуникативный потенциал сложных синтаксических структур в терминах актуального членения предложения;
- раскрыть когнитивные операции управления вниманием, лежащие в основе разных типов структурно-семантического аранжирования анализируемых структур;
- выявить аргументативный и суггестивный потенциал анализируемых структур;
- раскрыть количественные соотношения аргументативных и суггестивных структур в речи двух политических лидеров.

Объектом исследования являются структурно-семантические паттерны синтаксического аранжирования сложных предложений в публичных выступлениях Б. Обамы и Д. Кемерона, ориентированные на аргументативное и суггестивное речевое воздействие, а **предметом** – когнитивные операции управления вниманием аудитории, обеспечивающие это воздействие.

Материалом исследования служат 3150 сложных предложений в речи Б. Обамы (540 сложносочиненных и 2610 сложноподчиненных) и 2940 сложных предложений в речи Д. Кемерона (540 сложносочиненных и 2400 сложноподчиненных), выделенных из 27 транскриптов публичных выступлений Барака Обамы и 27 – Дэвида Кемерона в период 2010–2015.

Методологическую основу исследования составляет когнитивно-дискурсивный подход к анализу языка, опирающийся на деятельностный стиль мышления (Л. Витгенштейн [494], Ж. Делез, Ф. Гваттари [383], У. Эко [348],

У. Матурана и Ф. Варела [193], М. Фуко [314]), в рамках которого дискурс понимается как «ситуативно обусловленная интерактивная речемыслительная деятельность, целью которой есть взаимная ориентация в жизненном пространстве на основе наполнения языковой формы семиотической значимостью» [496, с. 12].

Методика исследования включает *структурно-семантический синтаксический анализ*, применяемый для выделения структурно-семантических паттернов аранжирования речи; *инструментарий когнитивных операций конструирования значения*, в частности операций управления вниманием (Р. Ленекер [452], Л. Талми [488], Д. Круз, В. Крофт [379]) – для выявления аргументативного и суггестивного потенциала структурно-семантических паттернов; *пропозициональный анализ* – для установления пропозиционального содержания предикаций сложных предложений; *интерпретационно-текстовый анализ* – для выявления логико-смысловых связей между предикациями; *количественный анализ* – для определения количественных соотношений аргументативных и суггестивных паттернов.

Научная новизна исследования заключается в выявлении аргументативно-суггестивного потенциала структурно-семантических паттернов аранжирования сложных предложений в политических выступлениях Б. Обамы и Д. Кемерона. В частности, уточнены дифференциальные признаки публичного выступления политического лидера как прототипического жанра политического дискурса; установлены когнитивные механизмы управления вниманием аудитории путем структурно-семантического аранжирования сложных предложений в речи двух англоязычных политических лидеров; определены количественные соотношения аргументом и суггестом в речи двух политических лидеров, свидетельствующие о превалировании суггестии в этом жанре англоязычного политического дискурса.

Научная новизна полученных результатов обобщается в **положениях, выносимых на защиту**:

1. Публичное выступление политического лидера есть прототипическим жанром политического дискурса, главной коммуникативной целью которого

является борьба за власть, осуществляемая с помощью двух основных способов речевого воздействия – аргументации и суггестии.

2. Аргументация осуществляется с помощью аргументом, т.е. типов структурно-семантического синтаксического аранжирования предикаций сложного предложения, наделяющих его рационально-логическим потенциалом доказательства на основе отношений каузации.

3. Суггестия реализуется с помощью суггестем, т.е. типов структурно-семантического синтаксического аранжирования предикаций сложного предложения, наделяющих его потенциалом внушения за счет ритмизации речи и автоматизации ее восприятия.

4. Аргументативные типы (смысловое инкорпорирование и цепочное присоединение, базирующиеся на логико-смысловых связях подчинения) задают нелинейную схему смены фона и фигуры (фокуса внимания). Нелинейная схема нарушает автоматизированность восприятия, сосредоточивая внимание аудитории на каузальных зависимостях пропозиций объединяемых в предложения предикаций, а иногда и изменяя привычное прогрессивное движение фокуса внимания в процессе разворачивания речевой синтагматической цепочки на регрессивное.

5. Суггестивные типы (структурно-смысловое и цепочное инкорпорирование, а также цепочное присоединение, базирующиеся на логико-смысловых связях сочинения) обеспечивают линейную схему смены фона и фигуры. Линейная схема совпадает с прогрессивным движением фокуса внимания и тем самым способствует ритмизации речи и автоматизирует восприятие аудитории.

6. Количественное преобладание суггестивных паттернов в анализируемых публичных выступлениях свидетельствуют о том, что англоязычные политические лидеры ориентированы на суггестивные способы речевого воздействия.

Теоретическая значимость исследования обусловливается его вкладом в дискуртологию (установление конститутивных характеристик публичного

выступления политического лидера как прототипического жанра англоязычного политического дискурса); теорию речевого воздействия, теорию аргументации, суггестивную лингвистику (выделение и описание синтаксических единиц аргументативного и суггестивного речевого воздействия в терминах структурно-семантических паттернов аранжирования сложных предложений); когнитивную лингвистику (установление когнитивных операций управления вниманием аудитории путем структурно-семантического аранжирования сложных предложений).

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут использоваться в преподавании курсов теоретической грамматики английского языка (раздел «Сложное предложение»), общего языкознания (раздел «Язык и мышление»), стилистики английского языка (раздел «Стилистический синтаксис»), а также спецкурсов по теории речевого воздействия, когнитивной лингвистике, дискурсологии. Результаты исследования также могут быть полезны политическим деятелям, политтехнологам, спичрайтерам, PR-менеджерам, журналистам.

Апробация полученных результатов. Основные теоретические положения и результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры делового иностранного языка и перевода факультета иностранных языков Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина (2011–2016), а также на шести конференциях: XII, XIII и XV международных научных конференциях в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина «Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація» (Харків 2013, 2014, 2015); всеукраинской научной конференции памяти доктора филологических наук, профессора Д. И. Квеселевича (1935–2003) «Сучасний стан і перспективи лінгвістичних досліджень та проблем перекладу» (Житомир 2015); VI международном научном форуме в Харьковском национальном университете имени В. Н. Каразина «Сучасна англїстика: до 85-річчя кафедри англійської філології» (Харків 2015).

Публикации. Основные положения и результаты диссертационного исследования отображены в 12 публикациях автора: 6 статьях, из которых 4 опубликованы в специализированных научных изданиях Украины (из них 1 – в соавторстве), 2 – в зарубежных изданиях; и 6 тезисах докладов на международных научных конференциях (в целом – 3,7 печатных листа).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав с выводами к каждой, заключения, списков использованной (495 источников) и справочной (6 источников) литературы, источников иллюстративного материала (55 позиций). Общий объем работы составляет 232 страницы, объем основного текста – 172 страницы. Работа содержит 12 рисунков.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ АРГУМЕНТАТИВНО-СУГГЕСТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Обоснование теоретико-методологических основ исследования аргументативно-суггестивного потенциала сложных синтаксических структур англоязычного политического дискурса предполагает: изложение деятельностного понимания англоязычного политического дискурса как контекста лингвистического исследования сложных синтаксических структур; описание конститутивных признаков сложных синтаксических структур как объекта лингвистического анализа их аргументативно-суггестивного потенциала.

1.1. Англоязычный политический дискурс как контекст лингвистического исследования сложного синтаксиса

Описание англоязычного политического дискурса как контекста лингвистического исследования сложных синтаксических структур включает: уяснение деятельностного понимания англоязычного политического дискурса; установление дифференциальных признаков публичной речи политика как прототипного жанра политического дискурса; уточнение определения аргументации и суггестии и их роли в политическом дискурсе.

1.1.1. Деятельностное понимание дискурса

В лингвистической литературе неоднократно высказывалась мысль о размытости понятия «дискурс» (см. обзоры [28; 31; 40; 54; 84; 133; 139; 143; 157; 163; 164; 166; 178; 198; 227; 269; 275; 142; 289; 293; 313; 320; 337; 340; 362; 367; 380; 381; 385; 418; 435; 459; 466; 474; 475]).

Вслед за А.П. Мартынюк мы выделяем формальный, функциональный и деятельностный подходы к рассмотрению дискурса, где первые два и последний различаются методологически – в трактовке природы языкового значения и, соответственно, сути дискурсивной деятельности [496, с. 12–13].

Сторонники *формального подхода* рассматривают дискурс, ориентируясь на уровне языковой структуры. Дискурс определяется как «язык, выше уровня предложения или клаузы («language above the sentence or the clause») [482, с. 1]; см. также [6, с. 298; 54, с. 19; 116, с. 10; 165; 237; 415; 454; 468, 469].

Критики формального подхода обращают внимание на то, что его сторонники не учитывают роль субъекта дискурса и ошибочно приписывают дискурсу регулярность структуры по аналогии с иерархией единиц языка, в то время как для дискурса не существует никаких заданных схем и правил [474]. Подчеркивается, что синтаксические особенности предложений (порядок слов, гипотаксис, паратаксис) целиком зависят от коммуникативной цели адресанта [456; 460].

В рамках *функционального подхода* дискурс трактуют широко – как функционирование языка в реальном времени [33, с. 276-299; 61; 144, с. 307-308; 295; 350; 419; 431, 430; 477].

Акцентируют процессуальный (коммуникативный / интеракционный) и результативный (текстовый) аспекты дискурса [362, с. 24, 40; 106; 152; 157; 162; 270; 288; 337; 340].

При этом особая роль отводится *ситуации коммуникации*, включающей экстралингвальные (социальные, культурные, психологические, прагматические) параметры, влияющие на смысл высказывания [10, с. 136; 30, с. 61; 31, с. 89; 44, с. 3; 71, с. 183; 139, с. 23; 150, с. 107; 157, с. 87-91, 113; 163, с. 8-11; 178, с. 150; 257, с. 75; 289, с. 118 – 120; 337, с. 37; 335, с. 6–12, 339, с. 5 – 20; 345, с. 87; 364, с. 35; 362, с. 1; 369, с. 9; 376, с. 1; 399, с. 65; 388, с. 9; 385, с. 1–35; 406, с. 257; 430; 454, с. 2–23; 474, с. 1–2].

В отличие от формальной, функциональная трактовка дискурса включает субъект дискурса, но, так же, как и формальная, объясняет природу дискурса

на основе классической методологии, где дискурсивная деятельность рассматривается с опорой на систему языка в терминах «кодирования» и «декодирования» значений, «закодированных» в языковых выражениях. Роль экстралингвальных факторов учитывается, но не объясняется в рамках единой лингвистической теории, и потому фактически выходит за рамки лингвистического описания.

Деятельностный подход к анализу дискурса опирается на качественно иное понимание дискурсивной деятельности. Ключевой здесь является идея *динамического конструирования смысла языкового выражения*, впервые прозвучавшая еще в 1982 году [462], получившая развитие в работах западных когнитивистов [379; 400, 401; 445; 490], и активно разрабатываемая в отечественном языкознании [37, 36; 184, 187; 198, 207, 199-200].

Идея когнитивного конструирования смысла опирается на один из базовых принципов когнитивной лингвистики, формулировку которого подают в двух вариантах – «семантика – это концептуализация» или «грамматика – это концептуализация» – и приписывают Р. Ленекеру [451].

Суть этого принципа состоит в том, что человек осуществляет речевую деятельность не на основании конвенциональных значений, «закодированных» в языковых формах, как принято считать в структурной семантике, а на основании широких энциклопедических знаний и когнитивных процессов, активируемых языковыми формами непосредственно в ситуации коммуникации.

По убеждению Р. Ленекера, конвенциональные значения языковых выражений представляют собой ограниченные (restricted) и выхолащенные (impoverished) репрезентации стоящих за ними когнитивных структур [452, с. 155–156]. Подобным образом высказывается и М. Тернер: «Когда мы понимаем высказывание, мы ни в коем смысле не понимаем «то, что говорят слова»; слова сами по себе ничего не говорят без тщательно детализированных знаний и мощных когнитивных процессов, вступающих в силу» [490, с. 206].

В методологическом плане деятельностное понимание дискурса опирается на неклассическую методологию (деятельностный стиль мышления),

сформировавшуюся в последней трети XX столетия на пересечении общенаучных (синергетика [258; 356; 464 и др.]), философских (феноменология [195; 429] и постмодернизм [98; 383; 102; 314; 348]), естественнонаучных (теория автопоэзиса [193]), и лингвистических теорий (концепция языка как деятельности [27; 80; 70; 86; 173; 347; 351]).

На смену структуралистской концепции *языка как кода* приходит понимание *языка как дискурсивной деятельности*, т.е. как ситуативно обусловленной вербальной и невербальной интеракции, содержанием которой является выработка общих смыслов на основе intersubjectного наполнения языковой формы семиотической значимостью [14; 113, 114; 154, 153; 168; 189, 496; 207; 294; 371, 372; 425, 426; 480 и др.].

Деятельностный подход не отрицает базовых свойств дискурса, установленных в рамках формального подхода, но дает иное толкование природы языковой / дискурсивной деятельности.

1.1.2. Дифференциальные признаки публичной речи политика как жанра политического дискурса

Проанализировав исследования политического дискурса [55; 60; 76; 94; 124; 134; 192; 196; 266; 299; 310; 311; 324; 340; 413], полагаем, что дифференциальными признаками политического дискурса следует считать: 1) коммуникативную цель субъектов дискурса; 2) сферу реализации; 3) субъектно-адресатные отношения: социально-ролевые и ситуативно-ролевые характеристики субъекта и адресата.

По определению многочисленных исследователей, **коммуникативной целью** субъектов (англоязычного) политического дискурса является борьба за власть: «Под политической коммуникацией понимается любая передача сообщений, предназначенная оказать влияние на распределение и использование власти в обществе, особенно если эти сообщения исходят из официальных правительственных институтов» [476, с. 311]; см. также [96, с. 26; 99, с. 32-43; 131, с. 40; 212, с. 20; 280, с. 27–28; 340, с. 42].

Что касается *сферы реализации*, рассматриваемый дискурс есть частью социально-политической сферы общества. Вслед за Е.Й. Шейгал, политический дискурс относим к институциональному типу, т.е. дискурсу, осуществляемому в общественных институтах, общение в которых является составной частью их организации [340, с. 42]. Социальный институт – это устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих взаимодействие людей в определенной сфере жизнедеятельности и организующих их в систему ролей и статусов. Иными словами, социальные институты суть крупномасштабные объединения социальных статусов и ролей. Под институтом, кроме того, подразумевают относительно стабильную и интегрированную совокупность символов, верований, ценностей, норм, ролей и статусов, которая управляет конкретной сферой социальной жизни: это семья, религия, образование, экономика, управление [26, с. 194].

К важнейшим политическим институтам относятся парламент, правительство и др. Функция этих политических институтов состоит в установлении в обществе властных отношений, что диктуется ограниченностью материальных и социальных ресурсов (таких как безопасность, статус, престиж, доступ к информации). Стандартизированные образцы поведения правомочных лиц, обеспечивающих данную социальную функцию, воплощаются в социальных ролях, характерных для данного института (монарх, президент, премьер-министр, спикер, лидер партии и пр.) [340, с. 42].

Субъектно-адресатные отношения включают коммуникативные конфигурации институт-субъект – общество-адресат; индивид-субъект – институт власти – адресат; представитель института – представитель института: [382; 281; 340].

Опираясь на деятельностное понимание дискурса и, в то же время, принимая во внимание функциональные определения политического дискурса [22, 99, 228, 256, 326, 331, 340 и др.], *англоязычный политический дискурс* определяем как интерактивную ментально-речевую деятельность,

ограниченную рамками политической сферы и направленную на осуществление влияния на электорат с целью получения / удержания власти (см. аналогичные определения [110; 209; 212; 268; 325]).

Политический дискурс, как и любой другой тип дискурса, представляет собой конгломерат определенных жанров.

По мнению Е. И. Шейгал [340, с. 244–246], жанры политического дискурса можно дифференцировать: по параметру институциональности / официальности; по субъектно-адресатным отношениям; по вариантам политических социолектов; по событийной локализации; по степени центральности или маргинальности того или иного жанра в поле политического дискурса; по характеру ведущей интенции.

В порядке возрастания институциональности жанры политического дискурса включают: разговоры о политике в семье, с друзьями и т.п.; самиздатовские листовки и граффити; телеграммы и письма граждан; политические скандалы; пресс-конференции; публичные политические дискуссии; публичные выступления; речи политических лидеров; законы, указы и прочие политические документы; международные переговоры, официальные встречи руководителей государств.

Субъектно-адресатные конфигурации порождают такие жанры политического дискурса, как: 1) постановления, законы парламента, публичные выступления, инаугурационные речи президентов (институт-субъект – общество-адресат); 2) петиции, письма, просьбы, обращения к власти (индивид-субъект – институт власти-адресат); 3) служебная переписка, кулуарные обсуждения, закрытые заседания (представитель института – представитель института во внутренней сфере); переговоры, встречи политических деятелей, парламентские дискуссии и т.д. (представитель института – представитель института во внешней сфере).

По событийной локализации выделяются циклические (выборы, инаугурация, съезд партии, церемония патриотического праздника, ежегодное выступление президента с посланием Федеральному собранию), календарные

(встреча депутата с избирателями, парламентские слушания, визит политического деятеля) и спонтанные жанры (митинг, политический скандал, референдум).

Степень центральности или маргинальности того или иного жанра в полевой структуре жанрового пространства политического дискурса определяется тем, в какой степени он соответствует основной интенции политической коммуникации – борьбе за власть. С этой точки зрения прототипными жанрами являются парламентские дебаты, публичная речь политика, лозунг и голосование.

Помимо ведущей интенции, критерием прототипичности является первичность текста. В полевой структуре жанрового пространства политического дискурса Е. Й. Шейгал выделяет в качестве первичных жанров заявления, речи, дебаты, переговоры, декреты, конституции, партийные программы, лозунги и т.д. К сфере вторичных жанров политического дискурса автор относит интервью, анекдоты, аналитические статьи, мемуары, письма читателей, граффити, карикатуру и т.п.

По характеру ведущей интенции исследовательница разграничивает: ритуальные / эпидейктические жанры (инаугурационная речь, юбилейная речь, традиционное радиообращение), в которых доминирует фатика интеграции; ориентационные жанры, представляющие собой тексты информационно-прескриптивного характера (партийная программа, конституция, послание президента о положении в стране, отчетный доклад, указ, соглашение); агональные жанры (лозунг, рекламная речь, предвыборные дебаты, парламентские дебаты).

Следовательно, публичное выступление политического лидера является прототипным речевым жанром политического дискурса.

Для выступлений политического лидера характерно сложное взаимовлияние и взаимозависимость устной и письменной форм речи. Политик может как устно воспроизводить заранее написанный текст, так и произносить речь в устной форме, которая фиксируется письменно и затем тиражируется СМИ [81, с. 16].

Соответственно, публичное выступление политического лидера сохраняет особенности как письменной речи (развернутые синтаксические структуры, распространенные словосочетания, синтаксические параллелизмы, лексические повторы, перечисления и т.д.), так и устной речи (краткие и эллиптические предложения, разговорные слова, обороты и т.д.).

Отмечают также, что публичное выступление представляет собой речевой поток, который не всегда просто расчленить на предложения. При сегментации речевого потока существенным критерием для исследований является интонационно-смысловая завершенность [81, с. 24].

При составлении политических текстов учитывается специфика аудитории, перед которой будет выступать президент, а именно ее численность, профессиональный и образовательный уровень, возрастной состав, политическая ориентация, ожидания и настрой. Л. Зигельман и Л. Миллер считают, что «содержание политического высказывания частично формируется аудиторией, перед которой произносится это высказывание, или по крайней мере аудитория избирается на основе ожидаемой от нее реакции на сообщение» [479, с. 36].

Таким образом, *публичное выступление политика* определяем как прототипный жанр политического дискурса, демонстрирующий полное соответствие глобальной коммуникативной цели его субъектов – борьбе за власть, ориентированный на аудиторию и сочетающий особенности устной и письменной речи.

1.1.3. Аргументация и суггестия в политическом дискурсе

В лингвистической литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что политический дискурс относится к дискурсам аргументативно-суггестивного типа [74; 94; 131; 179; 222]. Это объясняется природой политического дискурса, общественное предназначение которого состоит в том, чтобы не описать, а убедить, побудить к действию [441, с. 156].

Аргументация и суггестия получили широкое освещение в лингвистической литературе как два наиболее распространенных способа

речевого воздействия [2; 19; 20; 23; 38; 41; 64, 63, 65; 73; 75; 89; 95; 97; 100; 101; 103; 105; 107; 117; 129; 132; 120, 121; 127, 128; 136; 138; 147; 149; 158; 155; 167; 173; 182; 186; 197; 221; 227; 233; 236; 235; 264; 274; 277; 290; 297; 303,302; 300; 309; 313; 319; 320; 327, 328, 329; 343; 355; 357, 358; 365; 374, 375; 378; 389; 391, 392; 393; 396; 397; 398; 407; 408; 412; 414; 416; 417; 422; 427; 428; 432; 438, 440, 439; 441; 443; 448; 453; 461; 467; 489; 491; 493] и др.

В широком смысле *речевое воздействие* рассматривают как любое речевое общение, взятое в аспекте его целевой обусловленности: в любом речевом общении коммуниканты пытаются достичь определенных неречевых целей, которые в итоге ведут к регуляции деятельности собеседника [183, 185; 228; 232; 302, 304; 343].

Под речевым воздействием в узком смысле понимается построение сообщений, обладающих *повышенной* способностью воздействия на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения [228; 232; 297; 302, 304; 343].

По мнению Е.В. Шелестюк, речевое воздействие в узком смысле слова есть «влияние, оказываемое субъектом на реципиента с помощью лингвистических, паралингвистических и нелингвистических символических средств в процессе речевого общения, отличающееся особыми предметными целями говорящего, которые включают изменение личностного смысла того или иного объекта для реципиента, перестройку категориальных структур его сознания, изменение поведения, психического состояния либо психофизиологических процессов» [343, с. 44].

Эти цели обеспечиваются свойствами текстов особого типа, так называемыми «воздейственными текстами». К таковым относятся и тексты публичных речей политиков.

К основным способам речевого воздействия относят убеждение (аргументацию) и внушение (суггестию).

Убеждение строится с помощью доказательства, обоснования и аргументации. В логике *доказательством* принято называть процедуру установления истинности некоего высказывания (именуемого в пределах

доказательства тезисом) путем его вывода из других высказываний (аргументов, оснований) [271].

К *обоснованию*, в отличие от доказательства, относят процедуру, подтверждающую высказывание, сообщаящую ему определенную степень вероятности, это нестрогий (недедуктивный) вывод [271]

Формально структура единицы *аргументации*, подобно доказательству и обоснованию, имеет вид: «аргумент (-ы) – тезис», «тезис – аргумент (-ы)» или «тезис – аргумент (-ы) – вывод (расширяющий или логически следующий из смысла тезиса)». Две первых структуры соответствуют силлогизму, а последняя – полисиллогизму [343, с. 49].

В отличие от доказательства и обоснования, для которых не обязательны коммуникативные аспекты, *аргументация* – приведение доводов с намерением изменить убеждения другой стороны (аудитории) – принципиально ориентирована на достижение прогнозируемого коммуникативного эффекта, на то, чтобы «навязать» реципиенту значение истинности, которым снабжено сообщение [343, с. 49]. Аргументация, в отличие от доказательства и обоснования, во многом определяется конкретным временным, пространственным и социальным контекстом, и имеет своей конечной целью не знание само по себе, а убеждение в приемлемости каких-то положений [119].

Итак, *аргументацию* (от лат. *argumentum*, *arguo* – объяснение, объясняю) определяем как социальную, интеллектуальную, вербальную деятельность, способствующую обоснованию или опровержению точки зрения, представленной системой суждений, направленных на достижение одобрения определенной аудитории [31, с. 5, 11; 436; 394, с. 11]. Основу аргументации составляет отбор, логическое упорядочение фактов и выводов согласно единой функциональной задаче, логическое доказательство, возможно, в сочетании с эмоциональным воздействием, призванное обеспечить сознательное принятие реципиентом системы оценок и суждений в согласии с иной точкой зрения [343, с. 48].

Полагаем, что в аргументацию включается и эмоциональное убеждение. Такой точки зрения придерживаются исследователи, выделяющие

аргументацию двух видов: рациональную (логическую) и эмоциональную [29, с. 23; 34, с. 118–122; 31, с. 11; 181, 180; 184; 219, с. 36; 411, р. 1–8].

В основе эмоциональной аргументации лежит «особое мнение адресанта», которое он стремится доказать с помощью аргументов-образов – риторических фигур, которым присущ эмоциональный оттенок [29, с. 23; 184, с. 161; 219, с. 361].

Эмоциональная аргументация базируется на пресуппозиции, что реципиент подсознательно стремится к достижению аффективного состояния, обеспечивающего в течение какого-то времени эйфорию, освобождающую от тяжести повседневных проблем и отвлекающую от рационального принятия решений [180, с. 23].

Эмоциональную аргументацию описывают в терминах «эмоционального заражения» [219, с. 354], т.е. перехода субъекта в особое психическое состояние, которое на языковом уровне задается употреблением эмоционально окрашенной лексики, семасиологических стилистических приемов (тропов) [184, с. 160]. В риторике такой способ речевого влияния называют пафосным [287, с. 194].

Внушение / суггестия трактуется как воздействие на подсознание, эмоции и чувства человека, косвенно обеспечивающее воздействие на его ум, волю, поведение и осуществляющееся за счет ослабления контрольно-регулятивной функции сознания, снижения сознательности и критичности при восприятии и реализации внушаемого содержания, благодаря отсутствию целенаправленного активного понимания, развернутого логического анализа и оценки со стороны реципиента [343, с. 54]; см. также [35, с. 336; 88; 497; 130, с. 116; 210, с. 92–98; 224; 252, с. 450–451; 319; 390, с. 146–147].

Некоторые авторы разграничивают термины «внушение» и «суггестия», полагая, что внушение как более широкое понятие включает в себя как открытое прямое внушение (например, во время сеанса гипноза, психотерапии, аутотренинга), так и скрытое, замаскированное или косвенное внушение (суггестию). Содержание косвенного внушения (суггестии) включается

в сообщаемую информацию в скрытом, замаскированном виде и характеризуется неосознанностью, незаметностью, произвольностью его усвоения [343, с. 54-55]. Мы следуем за авторами, использующими термины «суггестия» и «внушение» как синонимы [88; 319] ввиду абстрактности критериев их разграничения.

В публичном выступлении политический лидер представляет комбинацию логических и эмоциональных аргументов. Чтобы вдохновить людей на действие, адресант должен эмоционально вовлечь слушателей в процесс. Неотъемлемой составляющей публичного выступления политического лидера является и суггестия. Именно с суггестией исследователи связывают тот психологический механизм, который заставляет людей увидеть и признать в ком-то лидера, способного повести их за собой, очаровать своими идеями и программой, и отдать этому человеку свои симпатии и голоса. Такой герой формирует особое сообщество – массу своих сторонников, отвергающую всех остальных претендентов [319].

Поскольку суггестия действует на подсознательном уровне, вполне логичным кажется положение, согласно которому суггестия связана не столько со смыслом языковых выражений, сколько с их оформлением [184, с. 165; 183, с. 238–246; 185, с. 30–31;], т.е. синтаксическим аранжированием речевого потока [131, с. 5] для достижения максимального влияния на аудиторию.

Еще одним положением, имеющим непосредственную значимость для нашего исследования, является вывод о том, что разные синтаксические структуры могут обладать разным потенциалом речевого воздействия: аргументативным (рациональным) и суггестивным (эмоциональным) [131, с. 4–5].

В этой связи особый интерес представляют сложные синтаксические образования сочинительного и подчинительного типа, а также структуры, сочетающие эти способы синтаксической организации.

Таким образом, публичное выступление политика является прототипическим жанром политического дискурса, в котором борьба за власть

осуществляется с помощью таких способов речевого воздействия, как аргументация и суггестия. Реализация аргументации и суггестии связана с синтаксическим аранжированием речевого потока, в котором существенная роль принадлежит сложным синтаксическим структурам.

1.2. Сложные предложения как объект лингвистического анализа

Описание характеристик сложных предложений как объекта лингвистического анализа их аргументативно-суггестивного потенциала включает: уточнение понятия предикативности как базового признака предложения-высказывания и понятия полипредикативности как конститутивного признака сложного предложения, а также раскрытие особенностей актуального членения сложных предложений.

1.2.1. Предикативность как базовый признак предложения-высказывания

Вслед за большинством исследователей синтаксиса *предложение* понимаем как минимальную коммуникативную единицу, которой присуща *предикативность*: «То, что обладает свойством предикативности, есть предложение; то, что не обладает этим свойством, не есть предложение» [175, с. 27]; см. также [4, с. 165; 69, с. 405-408; 116, с. 156; 171, с. 135; 202, с. 165-172; 215, с. 114; 234, с. 165–180; 286, с. 102; 333, с. 81; 349, с. 34].

Мы рассматриваем предикативность в трех аспектах: 1) системном структурно-семантическом; 2) логико-семантическом; 3) актуальном коммуникативном.

В *системном структурно-семантическом* измерении предикативность трактуется как синтаксическая категория, воплощающаяся в синтаксической связи подлежащего и сказуемого и служащая выражению грамматических значений времени, наклонения [69, с. 266; 82, с. 51-52; 251; 306, с. 232; 332, с. 49-50] и лица [12, с. 328; 69, с. 266; 225, с. 37-48; 251; 306, с. 232].

Тот факт, что отношение предикативности возникает при наличии в предложении подлежащего и сказуемого, наглядно виден в английском языке, где подлежащее всегда присутствует в фонетически полной форме. Например, русские, как и украинские, безличные (*Смеркается / Смеркається*), неопределенно-личные предложения (*Говорят, что он уехал / Кажуть, що він поїхав*), а также предложения с сокращенным подлежащим (*Спит / Спить*) соответствуют английским предложениям с выраженным подлежащим (*It is getting dark; They say that he has left; He is asleep*) [306, с. 233].

Большинство лингвистов считают базовым компонентом предикативности сказуемое [255, с. 73; 125, с. 3; 49, с. 31], поскольку предикативная единица может иметь и односоставную структуру с глаголом в форме повелительного наклонения.

В *логико-семантическом измерении* синтаксические составляющие предикативности предложения соотносятся с составляющими логического суждения. Этот взгляд на предложение уходит корнями в античность, когда предложение и суждение не разграничивались. Из неразрывной связи предложения и суждения исходят и синтаксисты 20-го века: «Под предикативностью понимается выражение средствами языка логической структуры, отражающей конкретную ситуацию – фрагмент действительного или мыслимого мира» [334, с. 54]; «Внешней грамматической формой выражения предикации является отношение между подлежащим, указывающим на предмет мысли, и сказуемым, выражающим признак, приписываемый данным актом мысли и речи субъекту. Это отношение называется предикативным <...>. Предложение, как оболочка мысли, должно состоять как минимум из двух элементов: субъекта, который непосредственно соотносится с предметом мысли, и предиката, выражающего свойство, отношение, действие, которое мы связываем с субъектом, утверждая или отрицая его. Эта связь, устанавливаемая сознанием и выражаемая в предложении, и есть предикация» [82, с. 51–52].

Логико-семантическое понимание предикативности связано с трактовкой номинативной функции предложения, отличающей его от слова / словосочетания. Принципиальное отличие номинативной функции предложения от номинативной функции слова / словосочетания состоит в том, что денотат предложения не просто относит к отдельной предметной сущности, называя ее, а вписывает эту сущность в определенную ситуацию [215, с. 57].

В гносеологическом плане *ситуация* представляет собой соотнесение некой предметной сущности и признака (свойства или отношения). Логическим коррелятом этого соотнесения является *суждение* или **пропозиция**, т.е. абстрактная схема отношений в терминах *аргументов* / *актантов*, репрезентирующих предметные сущности, и *предикатов*, репрезентирующих непредметные сущности, приписывающие предметным сущностям определенные признаки (свойства или отношения) [215, с. 120-121].

Пропозиция описывает глубинную логическую структуру ситуаций и соотносится с поверхностной структурой, представленной структурно-семантической схемой предложения. Так, структурно-семантическая схема [Подлежащее + Сказуемое] соотносима с глубинной пропозициональной схемой [Аргумент + Предикат Свойства], а схемы [Подлежащее + Сказуемое + Прямое Дополнение] / [Подлежащее + Сказуемое + Косвенное Дополнение + Прямое Дополнение] – с пропозициональной схемой [Аргумент + Предикат Отношения + Аргумент] / [Аргумент + Предикат Отношения + Аргумент + Аргумент] и т.д.

Количество и семантические роли аргументов / актантов (субъект / агенс, объект / пациенс, реципиент (бенефактив / малефактив), инструмент, локатив и т.д.) [6; 7; 13; 45, 43; 53; 83; 146; 159; 215, 214; 259; 294; 305; 306; 318] определяются характером глагольного предиката, точнее, его лексическим значением и обязательными и факультативными валентностями. Глагол-сказуемое является организующим центром предложения, поскольку именно глагольные валентности определяют количество «позиционных мест»,

заполняемых другими предметными членами предложения – подлежащим, дополнением, обстоятельством, определением, а также вводным членом и обращением [42, с. 150].

Все члены предложения связаны между собой иерархическими структурно-семантическими отношениями. Главные члены предложения связаны предикативной синтаксической связью: подлежащее определяет сказуемое в том смысле, что выражает лицо предикации, а сказуемое определяет подлежащее в том смысле, что выражает процессное ядро события предикации. Дополнение служит предметным определителем глагола-сказуемого. Обстоятельство – непредметным определителем сказуемого или предложения в целом. Определение-атрибут – определителем предметного члена предложения. Вводный элемент представляет собой ориентированный на говорящего обобщенный определитель предложения в целом или любого из его знаменательных членов [там же].

В *актуальном коммуникативном* измерении предикативность понимается как ситуативно привязанное отнесение определенного номинативного содержания к действительности [42, с. 149; 116, с. 176; 286, с. 102]. Именно благодаря референциальной природе предикативности предложение *актуализируется* как высказывание, т.е. единица коммуникации, содержащая определенную информацию о той или иной ситуации реальной или воображаемой действительности. «Ведь именно в смысловых связях компонентов высказывания выявляется языковая сущность предикативности при описании внеязыковой ситуации, раскрывается связь экстралингвистического с лингвистическим, устанавливаются соответствия отражательного характера, и вследствие этого внеязыковое предстает в терминах языка» [194, с. 193].

Придавая особое значение такому признаку предложения, как «привязанность к ситуации», В.А. Звегинцев считает предложение единицей речи [116, с. 176], называя неактуализированное предложение «псевдопредложением» [там же, с. 186].

В конце 60-х – начале 70-х годов минувшего века складывается тенденция противопоставления предложения высказыванию как языкового феномена речевому [458; 387]. Исследователи подчеркивают, что субъектно-предикатные отношения соотносятся с действительностью говорящим в конкретной речевой ситуации по актуализированным семантическим признакам модальности, темпоральности, временной локализованности, персональности [52, с. 625; 306, с. 234]. Без привязки этих семантических признаков к речевой ситуации предложение не может выполнить функцию сообщения.

Аспект актуализации предложения в речи объясняют также в терминах «диктума» и «модуса», предложенных Ш. Балли [18, с. 44–47]. Диктум рассматривают как объективное ядро предложения, сохраняющееся при разных формальных превращениях предложения, т.е. константу значения определенным образом связанных предложений. Диктум является сценой реализации семантических ролей актантов. Аспекты семантики – эмотивность, оценочность, темпоральность, модальность, референциональность – связаны с формальными превращениями предложения, способами его использования, без нарушения его пропозиционального значения, принадлежат модусу [296, с. 355].

С другой стороны, высказывается мнение о неправомерности противопоставления предложения и высказывания на том основании, что «говорящий не создает в акте речи ни одного из тех средств, которые служат для выражения модальной и временной отнесенности высказывания, для уточнения референции, для донесения до слушателя коммуникативной интенции говорящего и соответствующего воздействия на него, а черпает их из языка» [208, с. 22]; см. также [308; 368; 377; 410].

Интеграция структурно-семантического, логико-семантического и коммуникативного подходов снимает дискуссионные проблемы принадлежности предикативности: 1) языковым свойствам предложения или речевым свойствам высказывания [6, с. 260–261; 323, с. 174]; 2) мысли или предложению, выражающему эту мысль [6, с. 260–261; 323, с. 20].

Ученые, объявляющие предикативность принадлежностью языка, исходят из структурно-семантической трактовки этой категории, связывая ее с минимальной структурной схемой предложения, реализуемой регулярными языковыми средствами [251, с. 255-268; 283, с. 24; 323, с. 20–30; 349, с. 54].

Сторонники трактовки предикативности как принадлежности высказывания сосредотачиваются на актуальной коммуникативной природе предикативности, состоящей в отнесении сообщения к действительности при помощи грамматических категорий лица, времени и модальности, актуализирующихся в речи [68, с.266; 135, с. 37; 172, с.57; 176, с. 277; 317, с. 169].

Что касается вопроса о принадлежности предикативности мысли к предложению, выражающему эту мысль, В.З. Панфилов решает его следующим образом: «Предикативность есть и свойство мысли, и, в той мере, в какой она имеет определенные языковые показатели, свойство предложения, выражающего эту мысль» [226, с.153].

Соответственно, в языковом измерении под предикативностью понимается выражение языковыми средствами отношения содержания мысли к реальности, а в логическом – отнесение признаков (предикатов мысли) к действительности [6, с. 261].

Существует и точка зрения, согласно которой предикативность – «это не существенный признак предложения. В предложении может не быть предикативности. И предикативность может быть там, где нет предложения» [292, с. 43]. Полагаем, что такой взгляд правомерен только в случае сведения предикативности к ее грамматическому выражению. В этой связи В.А. Звегинцев отмечал, что определение предложения на основе грамматических признаков ведет к сужению этого понятия. Так, если понимать предикативность лишь как взаимообусловленность подлежащего и сказуемого, языковые выражения типа «С добрым утром!» или «Пожалуйста» представляют собой высказывания, не являющиеся предложениями [116, с. 176]. С другой стороны, возникает вопрос, обладают ли предикативностью односоставные предложения типа «Утро», «Рассветает», «Прохладно» [6, с. 262].

В логической семантике, ориентированной на трансформационную грамматику, подобные построения объясняют в терминах «неканонических синтаксических аранжировок» [39, с. 51], которые передают событие не в расчлененной подлежащно-сказуемостной форме, а глобально: выделяться могут лишь некоторые грамматические координаты, актуализирующие понятие о событии [141, с. 60]. При этом неканонические аранжировки ориентируются на каноническую форму как исходную, и как на инвариант парадигмы [87, с. 82-85]. Исследователи исходят из посылки, что двучленное предикативное отношение порождается не особенностью строя предложения в том или ином языке, а сущностью самого мышления. В частности, П.В. Чесноков указывает, что мысль, заключенная в предложении, двучленна: «логема не может относить свое содержание непосредственно к предмету. Поэтому в ней выделяется часть, которая не просто отражает этот предмет, а выступает в качестве его «представителя» в мысли, его идеального «двойника». Этой части противопоставляется другая часть, которая содержит то, что мы относим к предмету, раскрывая одну из его сторон. Вторая часть должна всегда противопоставляться первой так, как если бы она противостояла самому предмету. Благодаря этому первая часть и мыслится как «представитель» предмета, его «двойник». Это значит, что мыслится ее соответствие самому предмету и существование последнего» [323, с. 55].

В рамках когнитивно-коммуникативного подхода все перечисленные выражения можно считать предложениями, поскольку все они интерпретируются на основе активации пропозициональной схемы предложения, отражающей соответствующую референтную ситуацию в сознании интерпретатора, который черпает недостающую информацию из ситуации коммуникации: [Я-субъект здороваюсь-предикат с тобой-реципиент] или же [НЕКТО-субъект здоровается-предикат со мной-реципиент]/ [Я-субъект прошу/разрешаю-предикат тебя/тебе-реципиент] или же [НЕКТО-субъект просит/разрешает-предикат меня/мне-реципиент] / [Я субъект ощущаю утро / рассвет / прохладу].

1.2.2. Сложное предложение как полипредикативная единица

Проблема разграничения паратаксиса и гипотаксиса остается дискуссионной, несмотря на долгую историю, начинающуюся с конца XVI в. – времени появления первых грамматик английского языка.

Возникновение дихотомической классификации, т.е. деление предложений на простые (simple) и сложные (compound; буквально – «составные»), и выделение в составе сложных предложений главной (principal) и зависимых клауз / предложений (dependent clauses / sentences), относят ко второй половине XVII века. В первой половине XIX века появилась трихотомическая классификация, уточняющая структуру сложных предложений и делящая их на сложноподчиненные (complex) и сложносочиненные (compound) (см. обзор [125, с. 8-57]).

Уже в этих классификациях, разрабатываемых под влиянием логики и риторики, складываются подходы к анализу сложного предложения, ставшие впоследствии традиционными. В частности, предложение определяется как «группа слов, выраженных в соответствующей форме и расположенных в соответствующем порядке для выражения законченного смысла» [457, с. 118]; дается дефиниция сложного предложения как состоящего из двух или больше простых, объединенных частицами или союзами [361, с. 111]; вводится в употребление понятие клаузы в значении части предложения или простого предложения, объединенного с другими предложениями [471; 463, с. 127; 455]; сложные предложения делятся на сочиненные и подчиненные (coordinate и subordinate) на основе критерия зависимости / независимости [366 с. 131]; сложные предложения классифицируются по типу союзов [450].

В XX веке в нормативных грамматиках английского языка развивается тенденция рассматривать клаузу как строительный материал для построения предложений [442; 472]; детальное описание получает сложноподчиненное предложение: проводится аналогия между членами простого предложения и типами придаточных предложений; придаточные предложения именуются по соотносимым с ними членам простого предложения [444, с. 98;

465, с. 89-97] или по их частеречной принадлежности [470, с. 21-48; 483, с. 170; 481, с. 126; 495, с. 78].

О. Есперсен подчеркивает различный статус главного («целостного») и подчиненного («членного») предложений (*dependent clauses*), где первое независимо, а второе зависимо, в том смысле, что есть членом иного предложения, и поэтому не может считаться предложением; подчиненные составляющие распределяются по трем рангам: первичным (*clauses as primaries*), вторичным (*clauses as secondaries*) и третичным (*clauses as tertiaries*) [437, с. 72-82].

В советской лингвистике трактовка главного предложения в рамках сложноподчиненного как самостоятельной и независимой составляющей сложноподчиненного предложения [79; 59] сменилась концепцией о развитии подчиненных предложений из членов простого предложения [255].

При расхождениях в трактовке статуса составляющих сложноподчиненных предложений (элементарные предложения [4, с. 186; 24, с. 36-39; 208, с. 5; 234, с. 145-158; 330, с. 56-69]; части предложения [32, с. 160-161; 254, с. 20-21; 261]; предикативные единицы [125, с. 139]), большинство советских синтаксистов [1; 11; 25; 58; 77; 87; 90; 253; 354] выделяют следующие особенности сложноподчиненных предложений, систематизированные Я. Г. Биренбаум:

а) наличие, по крайней мере, двух единиц одного порядка, построенных по тем же моделям, что и каноническое предложение;

б) смысловая, структурно-грамматическая и интонационная связь этих единиц, которая проявляется в их смысловой и формальной несамостоятельности и наличии специальных средств связи (союзов и их эквивалентов), что отличает их от последовательности самостоятельных предложений;

в) неравноценность этих единиц в формально-структурном плане (одна из них подчинена другой);

г) ведущая роль предикативности (модального, временного планов и ориентации на коммуникантов) господствующей единицы [39, с. 55].

Дискуссионным вопросом является статус сложносочиненного предложения. Л.Л. Иофик не признает существования сложносочиненного предложения в английском языке на том основании, что при отсутствии лингвистически выраженной подчинительной связи объединение нескольких предложений между конечными знаками препинания представляет собой не синтаксическое, а контекстуальное (смысловое) и пунктуационное единство [126]. Другие авторы, не высказывая столь радикальной точки зрения, все же признают, что сочинительная связь невозможна без соподчинения связываемых ею составляющих [18; 25; 46; 276; 409]. Третья группа исследователей трактует сочиненные предложения как структурно-синтаксическое единство: «Структура сложносочиненного предложения внутренне едина, и при анализе его как целого становится ясной и структурная обусловленность первого, начального предложения. Поэтому традиционные представления о независимости и самостоятельности предложений, объединенных в структуре сложносочиненного предложения, очень условны и произвольны. Не только содержание, но и структурные своеобразия каждого из предложений в составе сложного предложения взаимообусловлены и взаимосвязаны» [68, с. 291]; не одно из предложений односторонне определяет другое, а оба предложения взаимно определяют друг друга [229, с. 176]; «во всяком сложном предложении его части составляют одно связное целое, так что будучи взяты отдельно, уже не могут иметь вполне прежнего смысла или даже совсем невозможны, подобно тому как морфологические части слова существуют только в самом слове, но не отдельно от него» [46, с. 229]; см. также [16; 39; 170].

В структурном аспекте предлагается различать сочинение и подчинение по характеру включения клауз одна в другую: если две клаузы X и Y не вложены одна в другую и при этом являются непосредственными составляющими третьей клаузы Z, то отношение между X и Y называется *сочинением*, а Z называется *сложносочиненной клаузой*. Если X, Y и Z – предложения, то Z называется *сложносочиненным предложением*. Сложная

клауза X называется *сложноподчиненной*, если в нее вложена другая клауза Y. X в таком случае называется *главной клаузой*, а Y – *подчиненной* или *зависимой*. Если X и Y – предложения, то X называется *сложноподчиненным предложением* [306, с. с. 256-257].

Разграничивая сочинение и подчинение, указывают, что если сложноподчиненное предложение – единица синтаксического уровня, то сложносочиненного предложения на синтаксическом уровне не существует. Отдельные сложносочиненные предложения могут становиться единицами синтаксического уровня, только когда их части связаны двойными союзами (not only... but also) [39, с. 56]. Сложносочиненное предложение появляется только на актуальном уровне, поскольку, как и любое предложение, оно выражает сообщение и осуществляет один акт коммуникации [там же, с. 54].

С логико-смысловой точки зрения различие между паратаксисом и гипотаксисом пытаются объяснить различиями процессов определения и деления понятий: при сочинении действует схема параллельного включения признаков, определяющих сущность (черное, низкое небо), а при подчинении один признак уточняет другой (черное низкое небо) [170, с. 33]; спецификой процессуальных отношений, репрезентирующих паратаксис: «природа процесса такова, что он предполагает наличие более одной характеристики, которые могут быть одновременными или последовательными. Поэтому вид предиката подается расчлененно – каждое действие мыслится не как самостоятельное, а как необходимый компонент единого процесса, тесно связанный с другими компонентами, занимающий определенное место в общей органически связанной, обусловленной последовательностью элементов цепи» [15, с. 95].

Исследователи более позднего периода развивают высказанные положения [49; 57; 62; 93; 104; 216; 206; 202; 218; 223; 238; 259; 338; 346].

В нашем исследовании мы исходим из рассмотрения сложного предложения (СП), как и простого предложения (ПП), в совокупности структурно-семантического и коммуникативного аспектов.

Вслед за подавляющим большинством исследователей сложного синтаксиса полагаем, что базовым критерием идентификации СП является наличие в его составе более одной предикации.

СП понимаем как полипредикативную синтаксическую единицу, которая на логико-смысловом уровне соотносится с рядом пропозиций, а на референтном – отсылает к ряду событий (свойств /действий / отношений) реальной или вымышленной действительности, между которыми в рамках СП как единого структурно-смыслового целого устанавливаются определенные логико-смысловые зависимости. На коммуникативном уровне СП характеризуется тем, что осуществляет один акт коммуникации.

В структурном плане «предикация» понимается как строительный материал / составляющая часть сложного предложения и представляется более корректным термином, чем «простое предложение в составе сложного», который используется во многих традиционных дефинициях сложного предложения, поскольку термин «предложение» предполагает структурно-смысловую завершенность, автономность и предназначенность для осуществления отдельного акта коммуникации. В структуре же сложного предложения предикации не обладают структурно-смысловой автономностью и служат осуществлению единого коммуникативного акта.

Кроме того, для обозначения составляющих сложного предложения в диссертации используется термин «клауза» (clause). В лингвистической литературе этот термин обозначает любую группу, в том числе и непредикативную, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола – связка или грамматический элемент, играющий роль связки [306, с. 256]. Термин «предикация» синонимичен термину «финитная клауза» [306, с. 256]. Однако, поскольку мы следуем за исследователями, полагающими, что нефинитные клаузы (инфинитивные, причастные и герундиальные комплексы) не являются основанием для выделения отдельной предикации [39; 174], термин *клауза* в нашем исследовании употребляется в значении «финитная клауза», синонимичном

термину «предикация», для обозначения частей сложных предложений. Вслед за [15; 229; 330; 333] к клаузам относим только разносубъектные предикативные структуры.

1.2.3. Актуальное членение сложного предложения

Исследование аргументативного и суггестивного потенциала сложного синтаксиса непосредственно связано с рассмотрением средств фокусирования внимания адресата на той или иной информации с помощью соответствующей аранжировки компонентов актуализируемого предложения-высказывания. Этот коммуникативный феномен называют *актуальным членением предложения* [191], *функциональной перспективой* [405; 421], *коммуникативной перспективой* [122], *смысловым членением* [322], *логико-грамматическим уровнем* [226], *коммуникативной нагрузкой* [160, с. 58; 263, с. 6], *информационной структурой* [285].

Мысль о том, что в предложении «поверх» грамматической структуры наблюдается также членение на психологические единицы («психологическое подлежащее» и «психологическое сказуемое»), появилась уже у младограмматиков [229, с. 339]. Однако они полагали, что «психологическое членение» относится не к предложению, а к «психологическому суждению» и поэтому не является грамматическим феноменом [306, с. 444]. Эта коммуникативная категория обрела лингвистический статус благодаря В. Матезиусу [191], развившему идеи А. Вейля [492].

В. Матезиус называет то, о чем говорится в предложении *основой* (исходным пунктом), а то, что говорится в предложении (предмет сообщения), – *ядром* [191, с. 239]. В лингвистической литературе употребляются также термины *данное – новое* [160], *топик – комментарий / фокус* [359; 420; 434, 433; 478;], *тема – рема* [360].

Наибольшую распространенность приобрели термины *тема* (коммуникативный субъект – предмет сообщения) и *рема* (коммуникативный

предикат). Традиционно актуальный рематический сегмент предложения отождествляют со сказуемым / предикатом, а тематический – с подлежащим / субъектом [13, с. 419; 49, с. 245; 140, с. 55; 284, с. 125].

До 70-х годов минувшего века термины «тема» и «рема» употреблялись как синонимы данного и нового. В дальнейшем их разграничивают: данным считают то, что известно из конситуации (т.е. ситуации речи, в которую помещено предложение), а новое определяют как то, что не есть данным [148, с. 42]. Я. Г. Тестелец уточняет, что «данное» есть: 1) то, что, как полагает говорящий, известно адресату; 2) то, что, хотя и предполагается известным адресату, известно ему не из конситуации, а из предыдущего опыта [306, с. 454–455].

В рамках функционально-коммуникативного синтаксиса наиболее приемлемым считаем определение темы и ремы Т.Е. Янко: «Рема – это компонент коммуникативной структуры, который конституирует речевой акт сообщения. Соответственно тема – его не-конституирующий компонент, противопоставленный реме. Рема – это абсолютное достояние предложения, потому что она формирует предложение как произведение речи с определенным коммуникативным заданием, а роль темы – относительна: тема несет ответственность за связь предложения с текстом и экстралингвистической реальностью [352, с. 30].

В английском языке средством выражения тема-рематических отношений на синтаксическом уровне является порядок слов, а на просодическом – интонация и фразовые акценты.

При нейтральном порядке слов [Подлежащее – Сказуемое – обстоятельство] (*Он приехал вчера / He came yesterday*), характерном для монологической речи, рема обычно занимает позицию в конце предложения [306, с. 442]. В разговорной (диалогической) речи, а также в письменном тексте, предназначенном для чтения вслух, может наблюдаться экспрессивный (эмфатический) порядок слов или инверсия ремы (стилистическая инверсия) с выдвижением ремы в начало предложения:

[Сказуемое / Обстоятельство / Дополнение / Предикатив – Подлежащее – (Сказуемое/ Компонент сказуемого)] (*Вчера он приехал / In came John / To the disco Hilda went / Little chances Benny had / Insolent Connor's conduct was*) [Єфімов 2004, с. 81]. Отмечают, что в славянских языках экспрессивный порядок слов с ремой в начале передает «взволнованную окраску» [191, с. 497] и отличается «повышенной экспрессивностью и эмоциональностью» [3, с. 54].

В сложном английском синтаксисе отмечают такой способ выдвижения ремы в начало предложения, как так называемый «клефт» (cleft(ing)): специфическая разновидность сложноподчиненных предложений, в которых главная клауза целиком относится к реме: *It is John who speaks*.

Актуальное членение английского простого предложения получило достаточно широкое освещение в лингвистической литературе [72; 169; 161; 273; 262], в отличие от сложного предложения. Более того, некоторые исследователи высказывают точку зрения о невозможности моделирования актуального членения сложного предложения [123].

Попытки построений функционально-коммуникативных моделей сложных предложений привели к идее многоярусности их актуального членения [284]. Эта идея представляется плодотворной, тем более, что деление на тему и рему простых предложений также может включать несколько уровней [32, с. 147; 148, с. 53].

Кроме того, изучение функциональной перспективы сложного предложения показало, что в смысле коммуникативной значимости «главной» может оказаться и зависимая клауза. Примером выступает сложноподчиненное предложение с одной придаточной клаузой, относящейся к одному слову в главной клаузе, где «коммуникативный центр высказывания, то, ради чего высказывание вообще состоялось, находится в конце предложения и выделяется с помощью соответствующей интонации» [298, с. 41].

Масштабное исследование коммуникативной перспективы сложного синтаксиса проводит Ю.П. Бойко, которая поддерживает высказываемую многими языковедами идею о том, что коммуникативная нагрузка предложения

тесно связана с его структурно-семантическими характеристиками [140, с. 239; 161, с. 154; 260, с. 11], определяющими соотношенность темы с подлежащим, а ремы – со сказуемым [284, с. 125; 344, с. 22]. Соответственно, исследовательница классифицирует предикатные рематические комплексы: 1) согласно семантике предикатов – на акциональные (динамические) и неакциональные (статические) с дальнейшим детальным делением на 28 семантических классов [49, с. 247]; 2) согласно структурному типу ремы – на простые, комплексные, усложненные или полисемантические и двухвершинные (там же, с. 253-254).

Анализ лингвистической литературы, посвященной вопросам актуального членения сложных предложений, свидетельствует о том, что это направление лингвистики находится в начальной стадии развития и многие вопросы, связанные с управлением вниманием аудитории с помощью того или иного синтаксического аранжирования речевого потока, еще не получили освещения.

Выводы к главе 1

1. Публичное выступление политического лидера представляет собой прототипический жанр политического дискурса, демонстрирующий полное соответствие глобальной коммуникативной цели его субъектов – борьбе за власть, осуществляемой с помощью различных способов речевого воздействия на объекты воздействия – аудиторию.

2. Основными способами речевого воздействия являются аргументация и суггестия.

2.1. Аргументация является способом речевого воздействия, который основан на убеждении с помощью: рациональных аргументов (доказательств, способствующих обоснованию или опровержению той или иной точки зрения) и/или эмоциональных аргументов (возбуждения эмоциональных состояний, способствующих принятию той или иной точки зрения).

2.2. Суггестия является способом речевого воздействия, который основан на подсознательном внушении той или иной точки зрения.

2.3. Результаты исследования аргументативных и суггестивных способов речевого воздействия в политическом дискурсе позволяют сделать вывод о том, что разные синтаксические структуры обладают разным потенциалом речевого воздействия, ориентированным на убеждение или внушение. Особый интерес в этом смысле представляют сложные предложения.

3. Сложное предложение – это полипредикативная синтаксическая единица, которая на логико-смысловом уровне соотносится с рядом пропозиций, а на референтном – отсылает к ряду событий (свойств /действий / отношений) реальной или вымышленной действительности, между которыми устанавливаются логико-смысловые зависимости сочинения или подчинения. На коммуникативном уровне сложное предложение характеризуется тем, что осуществляет один акт коммуникации.

4. Результаты анализа лингвистической литературы, посвященной вопросам актуального членения сложных предложений, свидетельствует о том, что вопросы, связанные с управлением вниманием аудитории с помощью аранжирования речевого потока на основе подчинительных и сочинительных связей, еще не получили освещения.

Основные положения данной главы отражены в следующих публикациях автора [250; 249].

ГЛАВА 2

МЕТОДИКА АНАЛИЗА СЛОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ СТРУКТУР В ПУБЛИЧНЫХ ВЫСТУПЛЕНИЯХ Б. ОБАМЫ И Д. КЕМЕРОНА

Методический алгоритм исследования охватывает три этапа.

Первый этап включает определение коммуникативного потенциала сложных синтаксических структур разных структурно-семантических типов в речи Б. Обамы и Д. Кемерона в терминах актуального членения предложения.

На втором этапе производится когнитивный анализ сложных синтаксических структур разных структурно-семантических типов для выявления схем распределения внимания между предикациями в синтагматической цепочке.

На третьем этапе определяется аргументативный и суггестивный потенциал анализируемых сложных синтаксических структур разных структурно-семантических типов.

2.1. Определение коммуникативного потенциала сложных синтаксических структур в терминах актуального членения предложения

Решение задачи определения коммуникативного потенциала сложных синтаксических структур в речи Б. Обамы и Д. Кемерона в терминах актуального членения предложения предполагает первоначальное проведение классической структурно-семантической классификации двухкомпонентных СПП и ССП в речи Б. Обамы и Д. Кемерона, а также последующее обобщение результатов этой классификации с целью сведения анализируемых СПП и ССП к нескольким структурно-семантическим типам, базирующимся на синтаксических связях подчинения и сочинения.

2.1.1. Структурно-семантические типы сложных предложений, базирующихся на подчинительной связи

Структурно-семантическая классификация СПП производится с учетом:

- а) союзного / бессоюзного типа подчинительной связи;
- б) типа союзов – структурно-семантических маркеров подчинительной связи;
- в) логико-смысловых отношений между главной и подчиненной клаузами.

Названия классификационных рубрик СПП традиционно отражают тип подчиненной клаузы, соотносимой с соответствующим членом простого предложения (в случае обстоятельственных клауз – с типом обстоятельства):

1) **подлежащие**: *What comes of this moment is up to us* (Obama 4) / *What we see is a process of radicalisation.* (Cameron 6);

2) **предикативные**: *That's what helps set us apart as a nation.* (Obama 4) / *Forging those partnerships and those investments is why we are all here today* (Cameron 8);

3) **дополнительные**: *But the Iranian Government must understand that the path of defiance will only bring more pressure and more isolation* (Obama 4) / *Again I believe we should reject this argument.* (Cameron 1);

4) **расширительные** (термин позаимствован у [Хаймович, Роговская 1967, с. 290]): *And I am confident that with my partner and friend, David Cameron, the special relationship between our countries will only grow stronger in the years to come.* (Obama 5) / *And like President Obama, I've also been clear that it is BP's role to cap the leak, to clean up the mess, and to pay appropriate compensation* (Cameron 1).

5) **определятельные**: *Today, the Prime Minister and I reaffirmed the transition plan that we agreed to with our coalition partners in Lisbon* (Obama 3) / *We have even tolerated these segregated communities behaving in **ways** that run counter to our values.* (Cameron 3);

6) **обстоятельственные**:

а) **времени:** When I took office, our projected deficit was more than \$1 trillion (Obama 3); This year, our civilians will forge a lasting partnership with the Iraqi people, while we finish the job of bringing our troops out of Iraq (Obama 4);

б) **условия:** If the United Nations Charter is to have any value in the 21st century we must now join together to support a rapid political transition (Cameron 9) / You cannot build strong economies, open societies and inclusive political systems if you lock out women (Cameron 9);

в) **причины:** Because of a diplomatic effort to insist that Iran meet its obligations, the Iranian government now faces tougher sanctions, tighter sanctions than ever before (Obama 4) / And it will be harder because we will argue about everything (Obama 4);

г) **уступки:** Whether they are violent in their means or not, we must make it impossible for the extremists to succeed (Cameron 3);

д) **вводные:** As others have observed, this is like turning to a right-wing fascist party to fight a violent white supremacist movement (Cameron 3) / Put simply, it ends Medicare as we know it (Obama 5).

е) **цели:** And NATO will maintain an enduring commitment so that Afghanistan never again becomes a haven for Al Qaida to attack our countries (Obama 3); That means completing the raining of the Afghan forces so that they can take over the tasks of maintaining security themselves. (Cameron 4);

Результаты дальнейшего структурно-семантического анализа связей между клаузами СПП, с учетом: а) фиксированности / нефиксированности порядка следования клауз в синтагматической цепочке и б) степени структурно-семантической взаимозависимости клауз, — позволяют свести наблюдаемые синтаксические связи подчинения к **трем структурно-семантическим типам**, которые называем: *структурно-смысловое, смысловое и цепочное инкорпорирование* [188]

Термин «инкорпорирование» (от лат. incorporatio – включение в свой состав) обозначает включение, внедрение в состав чего-нибудь [500]; объединение в одно синтаксико-морфологическое целое двух или более основ,

автономных по своему лексическому значению; отношения между этими основами соответствуют отношениям компонентов словосочетания (предложения) [499].

Структурно-смысловое инкорпорирование объединяет предикации подлежащих, предикативных, дополнительных, расширительных и определительных СПП.

При структурно-смысловом инкорпорировании первая клауза в синтагматической цепочке демонстрирует как структурную, так и смысловую незавершенность, восполняемую последующей клаузой. Главная и подчиненная клаузы составляют неразрывное структурно-смысловое целое.

Наблюдается фиксированный порядок следования клауз: главная клауза, затем подчиненная клауза.

Исключение составляют *подлежащие СПП*, где главная клауза следует за подчиненной клаузой в функции подлежащего. Не все синтаксисты признают за подлежащими предложениями статус сложной структуры, включая подчиненную клаузу в состав главной клаузы (см., например, [125]). Мы следуем за традиционными трактовками этого типа предложений в практических грамматиках [315, с. 286], а также за теоретиками, считающими неправомерным лишать такие полипредикативные структуры статуса сложноподчиненного предложения [67, с. 95-107; 49, с. 257-258].

В аспекте актуального членения подлежащие СПП относят к структурам с двухвершинной ремой [49, с. 259]. Вместе с тем, отмечается, что основной коммуникативной функцией ремы придаточного подлежащего является подготовка адресата к восприятию более важной информации [там же]. Например, в СПП *What we want is the quickest way to stop the killing* (Cameron 7) пропозициональное содержание подлежащей клаузы [Чего мы хотим, это....] подготавливает адресата к информации о цели деятельности премьер министра Великобритании в момент произнесения им высказывания [найти самый быстрый путь к предотвращению гибели людей]. Учитывая это обстоятельство, понятие «двухвершинной ремы» считаем избыточным: эффект

«двойной рематизации» создается структурно-семантической неразрывностью частей СПП. Актуальное членение таких конструкций отображаем схемой $[S(\text{Sbj})=T [M=R]]$, где (здесь и далее) T – тема (от *theme*), R – рема (от *rheme*), M – главная предикация (от *main clause*), а S – подчиненная предикация (от *subordinate clause*).

По нашим наблюдениям, довольно часто подлежащая клауза переносится в конец синтагматической цепочки благодаря расщеплению подлежащего на структурное и смысловое, особенно в тех случаях, когда подлежащая клауза усложнена: *It's vital we make this distinction between the religion and the political ideology* (Cameron 8).

В отдельных работах такие предложения относят к предикативным СПП (см., например, [49, с. 263]). По нашему мнению, более логично рассматривать их именно как подлежащие СПП с расщеплением подлежащего на формальное и смысловое, как это делают [92, с. 304-305]. Расщепление подлежащего, во-первых, облегчает для говорящего произнесение таких структур, а для слушателя – восприятие, и, во-вторых, способствует помещению более важной информации, выраженной подлежащей клаузой, в рематическую позицию в конце предложения, закрепляя за первой клаузой тематическую функцию подготовки адресата к информации, выраженной ремой.

Можно согласиться с тем, что конструкция *It is... (that)* фокусирует внимание на обрамленном ею элементе как «рематическом» [49, с. 263]. Однако в динамической перспективе разворачивания синтагматической цепочки информация, «обрамляемая» этой конструкцией, быстро переходит в тему, и внимание слушателя концентрируется на рематической информации, помещенной в конец цепочки. Соответственно, актуальное членение таких предложений отображаем схемой $[M (It\text{-}Sbj) = T [S=R]]$.

Структурно-семантический статус **предикативных СПП** также вызывают дискуссию. Как и в случае с подлежащими СПП, отдельные грамматисты не признают за предикативными СПП статуса сложного

предложения (см., например, [125; 16]). Мы же, вслед за [315, с. 286-287; 118, с. 237], относим такие конструкции к сложным предложениям в силу их полипредикативности.

Что касается актуального членения таких предложений, главная предикация содержит тематическую, а подчиненная – рематическую информацию. Например, пропозициональное содержание главной клаузы предложения *Our free enterprise system is what drives innovation* (Obama 4) [Наша система свободного предпринимательства есть] бессмысленно без информации, содержащейся в предикативной клаузе [тем, что движет инновацию]. Актуальное членение таких конструкций отображаем схемой [M=T [S=R]].

Предикативные СПП отличаем от подлежащих СПП с инверсией, где на первое место выносятся предикатив. Такие примеры приводит Ю.П. Бойко (*The crash and clatter were what she wanted to hear*), относя их к предикативным СПП с инверсией дополнения [49, с. 263]. Считаем, что именная группа *the crash and clatter* в данном предложении выполняет функцию предикатива, а не дополнения, т.к. коррелирует со сказуемым-связкой, а не сказуемым-полнозначным глаголом. Целью инверсии предикатива является эмфатическое выделение информации, вследствие чего образуется тот же коммуникативный эффект, что и при «двухвершинной реме».

Вслед за Б.С. Хаймович и Б.И. Роговской, *дополнительные СПП* отмежевываем от *расширительных СПП* [315, с. 290].

В *дополнительных СПП* подчиненная клауза следует за глагольным сказуемым, выраженным глаголом речевой (*inform, tell, announce* и др.), ментальной деятельности (*know, think, realize, expect*), или перцепции (*feel, see, perceive* и др.).

В *расширительных СПП* подчиненная клауза следует за сложным глагольно-именным сказуемым, именная часть которого выражена существительным (*hope, information, conviction* и др.) или прилагательным / наречием (*evident, happy, sure* и др.).

Что касается актуального членения таких предложений, главная клауза в силу своей структурной и смысловой незавершенности, а также инициального положения в синтагматической цепочке всегда выполняет коммуникативную функцию темы, а придаточная – ремы. Например, в предложениях *I believe our relationship can be a win-win* (Cameron 1); / *I wanted to make sure you had one more excuse to skip class* (Obama 5) пропозициональное содержание главных предикаций [Я верю, что...] / [Я хотел убедиться, что...] служит вводной информацией, указывающей лишь на субъект сообщения. Само сообщение выражено подчиненной предикацией [наши отношения принесут пользу] / [вам представится еще одна возможность пропустить занятие]. Соответственно, актуальное членение таких предложений вписывается в схему [M=T [S=R]].

Особенность **определятельных СПП** проявляется в том, что подчиненная клауза относится не ко всему предложению, как в остальных случаях, а к члену предложения, выраженному существительным, субстантивным словосочетанием или местоимением.

Актуальное членение таких предложений, как и других сложноподчиненных конструкций, элементы которых объединены структурно-смысловым инкорпорированием, имеет линейный характер: главная клауза соотносится с темой, а подчиненная – с ремой. Например, в предложении *Our declaration sets out a clear commitment that transition will begin in early 2011* (Cameron 2) пропозициональное содержание главной предикации [Наша декларация предполагает четкое обязательство] вводит предмет сообщения [обязательство]. Содержание обязательства раскрывается в подчиненной предикации [этот переход начнется в начале 2011]. Соответственно, актуальное членение таких предложений также вписывается в схему [M=T [S=R]].

Смысловое инкорпорирование лежит в основе **обстоятельственных СПП** причины, условия, времени, уступки, сравнения / способа действия, а также сложноподчиненных предложений, включающих вводные клаузы.

При смысловом инкорпорировании позиции главной и подчиненной клауз в синтагматической цепочке не фиксированы.

Клаузы сохраняют относительную структурную полноценность. При этом подчиненной клаузе присуща смысловая незавершенность, восполняемая главной клаузой.

Что касается актуального членения таких предложений, мы согласны с наблюдениями Ю.П. Бойко, что обстоятельственная подчиненная клауза, как правило, имеет тематическую нагрузку, особенно в препозиции. В постпозиции она может выполнять функцию ремы лишь в том случае, если в смысловом аспекте она нагружена дополнительной информацией, свойственной аппозитивной конструкции, цель которой «насытить» предложение актуальной, «незапланированной» информацией (*Possibly no one would have known if it had not been for the other stranger, Brown*) [49, с. 283]. К таковым в нашей классификации относим СПП образа действия / сравнения: *Just as jobs and businesses can now race across borders, so can new threats and new challenges*. (Обама 4). Следует также отметить, что в таких СПП придаточная клауза обладает большей структурной самостоятельностью.

Соответственно, типичное для обстоятельственных СПП актуальное членение отображается схемой $[S=T [M=R]] / [[M=R] T=S]$.

Цепочное инкорпорирование находится на стыке подчинения и сочинения. Для этого типа связи характерна, с одной стороны, фиксированность позиций предикаций и относительная структурная и семантическая автономность, а с другой, – логико-смысловые отношения подчинения (цель действия – результат реализации цели действия), маркируемые союзом *so*.

В таких предложениях тема всегда соотносится с инициальным предложением, а рема с последующим, поскольку оно содержит информацию о ситуации, которая является следствием положения дел, о котором сообщается в инициальном предложении. Например, в предложении *People are asking about our relationship, so we need to be clear* (Cameron 6) пропозициональное содержание второй предикации [мы должны внести ясность] сообщает о долженствовании, обусловленном пропозициональным содержанием

инициальной предикации [Люди спрашивают о наших отношениях], и поэтому последняя предикация содержит более важную информацию.

Актуальное членение таких предложений отображается схемой [I/S=T so A/M=R], где I (здесь и далее) – инициальная предикация (от initial clause), а A – присоединенная предикация (от attached clause). Такая запись отображает противоречивость природы цепочного инкорпорирования, соединяющего структурные характеристики сочинения и логико-смысловые – подчинения. Союз *so* представляет наиболее частотный – прототипический – маркер цепочного инкорпорирования.

2.1.2. Структурно-семантические типы сложных предложений, базирующихся на сочинительной связи

При выделении структурно-семантических типов сочинения принимается во внимание:

- а) тип сочинительной связи (союзный или бессоюзный: запятая, тире, точка с запятой);
- б) тип союзов – структурно-семантических маркеров сочинительной связи;
- в) логико-смысловые отношения между предикациями, объединяемыми в ССП.

Как известно, для сочинения, в отличие от сложных смысловых зависимостей подчинения, характерно простое «нанизывание» информации. С логико-семантической точки зрения логико-смысловые связи сочинения служат скорее линейному разворачиванию дискурса, нежели выражению сложных смысловых зависимостей между предикациями. Вместе с тем, как известно (см., например, [315, с. 279]), наблюдаются случаи, когда сочинительная структура отражает логико-смысловые связи подчинения.

Соответственно, выделяем типы сочинительной связи, базирующиеся на *логико-смысловых отношениях сочинения и подчинения*.

В соответствии с традиционными структурно-семантическими классификациями сочинительных союзов [315, с. 213], **сочинительные связи, базирующиеся на логико-смысловых отношениях сочинения** в речи Б. Обамы и Д. Кемерона, подразделяем на *соединительные* (copulative) и *противительные* (adversative).

В зависимости от логического принципа «нанизывания» информации, **соединительные сочинительные связи** подлежат дальнейшему делению на: *добавление информации* (addition) и *комбинирование информации* (combination).

Добавление информации происходит на основе: утверждения: *Our troops come from every corner of this country – they're black, white, Latino, Asian, Native American* (Obama 4); *This will put advanced technologies in the hands of our troops **and** it will mean more jobs for workers in both our countries* (Obama 3); отрицания: *Barack and I did not come into politics to cut public spending, **but neither did** we seek office to see our great economies decline or to land our children with unsustainable debts* (Cameron 6); отрицания vs утверждения: *That's not retreat, it's hard headed* (Cameron 3).

При добавлении информации клаузы, составляющие ССП, относительно независимы в структурном отношении, т.к. сами представляют собой полноценные предложения.

Предикации, объединяемые в предложения на основе добавления информации, связывает: в формальном аспекте – наличие союза или соответствующей пунктуации на письме; в просодическом – соответствующий интонационный рисунок и паузация.

Кроме того, в структурно-семантическом плане предикации могут связываться анафорическими местоимениями. Так, в предложении *Our troops come from every corner of this country – they're black, white, Latino, Asian, Native American* местоимение *they* во второй предикации соотносится с подлежащим первой предикации, выраженным словосочетанием *our troops*, а в предложении *This will put advanced technologies in the hands of our troops and it will mean more*

jobs for workers in both our countries местоимение *it* во второй предикации соотносится со всем пропозициональным содержанием первой предикации.

Для добавления информации характерно использование параллельных синтаксических конструкций: *It was a great event **and** it was wonderful to have Barack and Michelle there* (Cameron 6); *We're going to complete this mission **and** we're going to do it responsibly* (Obama 3) *That wasn't a decision taken by BP; it was a decision taken by the Scottish government* (Cameron 1).

Актуальное членение таких ССП отображаем схемой $[[I=T] \text{ and } [A = R]]$. Союз *and* маркирует характер связи – сочинение (соединение: добавление информации) как наиболее частотный – прототипический – маркер. Он употребляется в 87,5% случаев в речи Д. Кемерона и в 90,9% случаев в речи Б. Обамы по отношению к остальным маркерам сочинения (добавления информации) (см. Рис. 6 в Приложении). Квадратные скобки, разделяющие предикации внутри предложения, подчеркивают их структурную самостоятельность.

При **комбинировании информации** последующая предикация зависит от предыдущей предикации, как в смысловом, так и в структурном аспекте. Этому способствует, прежде всего, прототипический союз комбинирования, состоящий из двух компонентов (*not only... but also*): *Not only have we agreed, for the first time, to establish a missile defence system to protect all NATO members from ballistic missile attacks, **but** we've also taken the unprecedented step of inviting Russia to cooperate with us on that system* (Cameron 2).

Актуальное членение этих сочинительных конструкций представляем в виде такой схемной записи: $[I=T-A=R]$. Отсутствие квадратных скобок, разделяющих предикации, подчеркивает их структурную взаимозависимость.

Противительные сочинительные связи базируются на противопоставлении информации по схеме отрицательная информация vs положительная информация: *We increased spending dramatically for two wars and an expensive prescription drug program – **but** we didn't pay for any of this new spending* (Obama 5); положительная информация vs отрицательная

информация: *Since the financial crash the world economy has grown by 20 per cent, **but** Europe has hardly grown at all* (Cameron 8).

Актуальное членение таких предложений представляем в виде такой схемной записи: **[[I=T] but [A=R]]**. Квадратные скобки, разделяющие предикации внутри предложения, подчеркивают их структурную самостоятельность. Союз *but* представляет наиболее частотный – прототипический – маркер соединительной связи, основанной на противопоставлении информации.

Как и при добавлении информации, при противопоставлении информации предикации независимы в структурном отношении и представляют собой полноценные предложения.

Описанный выше структурно-семантический тип связи называем **цепочным присоединением**: термин «присоединение», отражает структурно-семантическую автономность предикаций, объединяемых в сложные предложения, на контрасте с термином «инкорпорирование», акцентирующим структурную и/или смысловую взаимозависимость таких предикаций.

Сочинительные связи, базирующиеся на логико-смысловых отношениях подчинения, включают зависимости причины, времени и уступки. Например: *There will be tough fighting ahead, **and** the Afghan government will need to deliver better governance* (Obama 4); *Thirty-seven days later, Plan B succeeded, **and** the miners were rescued* (Obama 4); *We may have differences in policy, **but** we all believe in the rights enshrined in our Constitution* (Obama 4).

Так, в предложении *There will be tough fighting ahead, and the Afghan government will need to deliver better governance* предикации находятся в причинно следственных отношениях, где первая формулирует причину [Поскольку предстоит жесткая борьба], а вторая – следствие, вытекающее из этой причины [афганскому правительству нужно продемонстрировать более эффективное руководство]. В предложении *We may have differences in policy, but we all believe in the rights enshrined in our Constitution* первая предикация формулирует отношение

уступки [Несмотря на то, что мы имеем политические разногласия], не влияющее на состояние дел, отражаемое второй предикацией [мы верим в права, данные нам Конституцией]. И, наконец, в предложении *Thirty-seven days later, Plan B succeeded, and the miners were rescued* первая предикация задает временные рамки [Когда тридцать семь дней спустя План В был реализован] события, отображаемого второй предикацией [шахтеры были спасены].

Рассмотренные предикации сложных предложений, демонстрирующие на уровне структуры сочинительную связь, на логико-смысловом уровне анализа выявляют зависимости **смыслового инкорпорирования**.

Актуальное членение таких предложений схематически представляем в виде такой записи: $[I/S=T[A/M=R]]$.

2.2. Определение коммуникативного потенциала сложных синтаксических структур разных структурно-семантических типов в терминах когнитивных операций распределения внимания

Определение коммуникативного потенциала сложных синтаксических структур в терминах когнитивных операций распределения внимания предполагает описание когнитивного инструментария анализа распределения внимания в сложных предложениях в речи Б.Обамы и Д. Кемерона и применение этого инструментария для определения схем распределения внимания в разных структурно-семантических типах предложений, базирующихся на подчинительной и сочинительной связи.

2.2.1. Когнитивный инструментарий анализа распределения внимания в сложных предложениях

Когнитивный анализ сложного синтаксиса Д. Кемерона и Б. Обамы осуществляем в терминах когнитивных операций конструирования смысла языкового выражения (construal operations).

Понятие когнитивного конструирования базируется на одном из базовых принципов когнитивной лингвистики, формулировку которого подают в двух вариантах – «семантика – это концептуализация» или «грамматика – это концептуализация» – и приписывают Р. Ленекеру [451].

Любой язык мира предоставляет альтернативные средства для объективации различных интерпретаций одного и того же пропозиционального содержания, другими словами – различных способов концептуализации. Это разнообразие способов концептуализации и называют **когнитивными операциями конструирования** [379, с. 44-45].

Наиболее известны классификации когнитивных операций конструирования Л. Талми и Р. Ленекера [452; 486, 485, 488].

Л. Талми классифицирует когнитивные операции конструирования в терминах образных систем (imaging systems) [486, 485] или схемных систем (schematic systems) [488] и включает в их число структурную схематизацию (structural schematization), развертывание перспективы (deployment of perspective), распределение внимания (distribution of attention), и силовую динамику (force dynamics).

Р. Ленекер оперирует термином “фокусировки” (focal adjustments) [452: ch. 3.3] и рассматривает такие операции, как выбор (selection), перспективу (perspective), фигуру (figure) / фон (ground), точку обзора (viewpoint), дейксис (deixis), субъективность (subjectivity) / объективность (objectivity)) и способы представления объекта / происходящего события (scene) в пространственно-временных измерениях (abstraction).

Эти классификации не являются исчерпывающими. Интерпретация высказывания в рамках того или иного сегмента человеческого опыта (framing) по Ч. Филлмору [402] также представляет собой операцию конструирования, как и метафорическое картирование Дж. Лакоффа и М. Джонсона [446]. К операциям конструирования следует относить и представление сущностей / ситуаций в виде образ-схем (image schemas) [449; 440; 447; 373], как это делают У. Крофт и А. Круз [379, с. 44-45].

Все операции конструирования, выделяемые когнитивистами, связаны с четырьмя базовыми когнитивными способностями человека: вниманием (attention), суждением / сравнением (judgement / comparison), пространственно-временной ориентацией (perspective / situatedness) и структурированием объектов / событий (constitution / gestalt) [379, с. 46].

Для анализа сложного синтаксиса политического дискурса наибольший интерес представляют операции конструирования, связанные с распределением внимания и суждением / сравнением.

В интерпретации когнитивистов внимание представляет собой сложный психологический феномен, моделирующийся в терминах степени активации концептуальных структур нейронной сети, представляющей собой гипотетическую модель мозга [379, с. 134].

По определению У. Чейфа, внимание есть фокусом сознания (the focus of consciousness) [370, с. 26-30].

Различные аспекты внимания демонстрируют на примере визуального восприятия: человек выбирает тот или иной объект / происходящее событие и фокусирует на нем внимание, наблюдает происходящее с расстояния или приближается вплотную, фиксирует взгляд на происходящем событии или пробегает по месту события глазами [379, с. 47].

Основной операцией конструирования, связанной с вниманием, является операция выбора (selection), отражающая способность человека концентрироваться на определенных аспектах опыта, релевантных для него / нее в настоящий момент, и игнорировать остальные аспекты [там же].

По Р. Ленекеру, примером выбора есть профилирование концепта относительно домена [452, с. 147], другими словами, – интерпретация смысла единицы языка в конкретном речевом контексте или концептуализация. Представители когнитивной лингвистики исходят из посылки, что любая единица языка в потоке речи активирует определенный концепт, точнее – часть ассоциируемого с ним конвенционализированного опыта. Разумеется, существуют концепты, не имеющие языковой привязки, но таковые остаются

за пределами лингвистики. Соответственно, смысл слова, например, *radius*, отсылающего к концепту РАДИУС, можно понять только относительно концепта КРУГ, поскольку РАДИУС представляет собой не что иное, как линию, соединяющую центр КРУГА с любой точкой его граничной окружности.

Р. Ленекер описывает отношение между концептами РАДИУС и КРУГ в терминах профиля (profile) и базы (base), где профиль соответствует концептуальной структуре, репрезентируемой единицей языка в речевом контексте, а база – структурам знаний, необходимым для интерпретации этой единицы языка. В этом смысле концепт КРУГ служит базой как для концепта РАДИУС, так и для ряда других концептов, таких как ЦЕНТР, ПЕРИФЕРИЯ, ДИАМЕТР и т.д. Способность концепта служить базой для профилирования одного и более концептов делает его доменом (domain), т.е. «семантической структурой, функционирующей в качестве базы для, по крайней мере, одного концептуального профиля» [452, с. 183].

В таком толковании термин «домен» Р. Ленекера соответствует термину «фрейм» Ч. Филлмора, определяемому как «система концептов, связанных таким образом, что для понимания любого из них необходимо понять всю структуру, частью которой они являются» [402, с. 111].

Отношения между концептами описываются в терминах пропозиций, т.е. схем, которые обязательно включают логический субъект (целевой концепт – аргумент/актант) и логический предикат (признак, приписываемый субъекту). Фрейм также можно интерпретировать как набор связанных пропозиций (несколько признаковых предикатов при одном субъекте или реляции между несколькими субъектами, лежащие в основе приписываемых им семантических (аргументных/актантных) ролей) [403, 404].

При всей близости понятий «фрейм» и «домен», они разнятся в том отношении, что домен ассоциируется с иерархией уровней концептуальной структуры, а фрейм устанавливает отношения между структурными составляющими домена (концептами) на определенном уровне иерархии.

Р. Ленекер разграничивает базовые домены (basic domains) и абстрактные домены (abstract domains). Это разграничение отображает принцип воплощенности концептуальных структур, в соответствии с которым базовые домены (ПРОСТРАНСТВО, ЦВЕТ, ЗВУК / ВЫСОТА ТОНА, ТЕМПЕРАТУРА, ДАВЛЕНИЕ, БОЛЬ, ЗАПАХ, ВРЕМЯ, ЭМОЦИЯ) отображают непосредственный телесный опыт человека и не могут пониматься в терминах других доменов. Они организуют примитивное репрезентационное поле, необходимое для появления любого концепта; формируют объем концептуального потенциала, по-разному используемого конкретными концептами [452, с. 149]. Фреймы Ч. Филлмора соотносимы только с абстрактными доменами.

Полагаем, что понятия «профиль» и «база» Р. Ленекера соотносимы с понятиями У. Чейфа [370, с. 29] «фокус внимания» (focus of attention), т.е. объект выбора, и «сфера внимания» (scope of attention) т.е. периферия сознания, дающая доступ к определенной информации.

Проблема доступа к той или иной пропозициональной информации в дискурсе (accessibility of a referent in discourse [370]) также связана с иерархической структурой доменов. Р. Ленекер объясняет проблему доступа к информации при помощи локативных выражений типа: *The money is in the kitchen, under the counter, in the left-hand cabinet, on the top shelf, behind the meat grinder*. Каждое последующее локативное выражение профилирует сущность в рамках домена, определяемого предыдущим локативным выражением, так что каждое последующее локативное выражение последовательно определяет все более узкие «поисковые» домены (search domains) [452, с. 286].

Нарушение порядка следования локативных выражений приводит к когнитивному хаосу: **The money is on the top shelf, in the kitchen, under the counter, behind the meat grinder, in the left-hand cabinet* [379, с. 55-51]. Понять подобную цепочку невозможно, так же как невозможно построить предложение (**A body has twenty-eight knuckles*) или же понять, что такое фаланги пальцев, не понимая, что такое кисть руки (hand), рука (arm) и, наконец, тело человека

(body), поскольку каждый последующий член цепочки ФАЛАНГА / KNUCKLE – КИСТЬ / HAND – РУКА / ARM – ТЕЛО / BODY, служит доменом для профилирования предыдущего концепта. Концепт BODY/ ТЕЛО можно уяснить только относительно базового домена SPACE / ПРОСТРАНСТВО.

По такому же принципу иерархической цепочки конструируется такой тип сложноподчинительной связи, как структурно-смысловое инкорпорирование. Например: *They [people] think whether someone is an extremist is dependent on how much they observe their religion* (Cameron 3). В приведенном сложноподчиненном предложении с тремя придаточными предикациями главная предикация (*They think* – *Они думают*) содержит информацию, служащую базой для интерпретации, следующей за ней в синтагматической цепочке дополнительной придаточной предикации, сообщающей, **что** именно является предметом мысли. Дополнительная предикация имеет сложную структуру. Подлежащее дополнительной предикации (*whether someone is an extremist is dependent on* – *является ли человек экстремистом зависит от*) само выражено отдельной предикацией (*whether someone is an extremist*). Пропозициональное содержание подлежащей придаточной составляет базу для интерпретации смысла остальной части дополнительной придаточной (*is dependent on*), а также структурно восполняющей ее расширительной придаточной (*how much they observe their religion* – *насколько последовательно они соблюдают свою религию*). Следовательно, при структурно-смысловом инкорпорировании информация, содержащаяся в каждой последующей предикации в синтагматической цепочке, профилируется относительно домена, определяемого предыдущей предикацией и служащего базой для ее интерпретации.

В структурно-функциональной лингвистике эти отношения описываются в терминах тема-рематической организации предложения, где тема, обычно ассоциируемая с подлежащим, располагающимся в инициальной части английского предложения, содержит информацию о предмете высказывания, а рема, ассоциируемая со сказуемым, – информацию о том, что сообщается о подлежащем [118, с. 258].

В системе понятий Р. Ленекера проблема доступа к пропозициональной информации в дискурсе обсуждается в терминах доминиона (dominion) и точки референции (reference point): точка референции понимается как инициальный фокус внимания, открывающий доступ к сущностям, находящимся в рамках сферы внимания, или доминиона [451, ch. 6].

Применительно к сложноподчиненному синтаксису такой точкой референции выступает член предикации, от которого структурно и семантически зависит последующая предикация в синтагматической цепочке при структурно-смысловом инкорпорировании. Например: *Finally, and perhaps most challenging of all for Western countries like mine, is the argument that elections have simply opened the door to Islamist parties whose values are incompatible with truly open societies* (Cameron 9). Так предикатив главной клаузы *the argument* (аргумент), вводящий определительную клаузу, открывает доступ к информации как главной, так и подчиненной клауз (главная клауза содержит информацию о существовании аргумента, представляющего вызов для западных стран типа Великобритании, а придаточная клауза раскрывает смысл этого аргумента: выборы открывают дверь исламистским партиям). Подобным образом дополнение первой определительной клаузы *Islamist parties*, вводящее вторую определительную клаузу, открывает доступ к содержащейся в ней информации о сущности Исламистских партий – их ценности несовместимы с открытым обществом. Следовательно, член сложноподчиненного определительного предложения, вводящий определительную клаузу, является фокусом инициального внимания: он вводит в сферу внимания аудитории сущности / события, о которых сообщается в определительной клаузе.

Что касается смыслового инкорпорирования, этот тип связи не может быть объяснен в рамках линейных синтагматических конфигураций.

Полагаем, что термины «фокус» и «сфера внимания» соотносимы с терминами «фигура» и «фон» [452, с. 121-122; 487], заимствованными из когнитивной психологии и введенными в когнитивную лингвистику Л. Талми.

Л. Талми использует их для объяснения пространственных отношений объектов, а также асимметрии взаимоотношений между событиями, описываемыми главной и подчиненной клаузами временных предложений типа *I read while she sewed*. Событие, отображаемое пропозициональным содержанием подчиненной клаузы, мыслится как фон (причина или предусловие) по отношению к событию, отображенному пропозициональным содержанием главного предложения, мыслимому как фигура [487, 486, 484, 488].

Используя понятия фигуры и фона для объяснения пространственных отношений объектов, Л. Талми выделяет такие градуальные признаки фона, как более известное местоположение, больший размер, большая стационарность, более сложная структурная организация, принадлежность скорее к заднему плану, более раннее появление на месте события / в памяти. Фигура же характеризуется менее известным местоположением, меньшим размером, большей мобильностью, большей структурной простотой, большей «выпуклостью» (принадлежностью переднему плану), более поздним появлением на месте события / в памяти [488, с. 315-16].

Из всех перечисленных характеристик для сложного синтаксиса наиболее релевантным представляется противопоставление фона и фигуры как фона и объекта, выделяющегося на этом фоне, а также ранее известной информации и информации, возникающей в ходе развертывания синтагматической цепочки дискурса. Наличие этих признаков позволяет соотнести фон со сферой внимания, а фигуру – с фокусом внимания.

2.2.2. Определение схем распределения внимания

в структурно-семантических типах сложных предложений, базирующихся на подчинительной связи

В зависимости от структурно-семантического типа СПП распределение внимания в этих синтаксических конструкциях подчиняется линейной или нелинейной схеме.

При **структурно-смысловом инкорпорировании** фон всегда закреплен за предикацией, следующей первой в синтагматической цепочке, а фигура – за последующей предикацией, поскольку последующая предикация всегда содержит более позднюю информацию, возникающую по ходу линейного разворачивания дискурса. Этот вид связи схематически представляем в виде записи $[M=G (PR) [S=F]]$, где PR обозначает точку референции (point of reference) и $[M=G [S=F]]$. Графическое изображение распределения внимания при структурно-смысловом инкорпорировании даем на Рис. 2.1. Главная предикация (здесь и далее) означена прямоугольником, а придаточная – овалом.

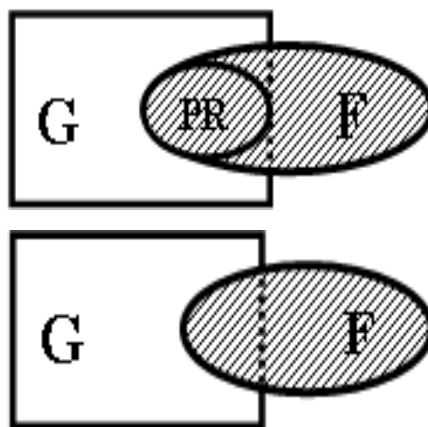

Рис. 2.1. Распределение фона (G– ground) и фигуры (F– figure) при структурно-смысловом инкорпорировании

В случае подлежащих СПП, где первой в синтагматической цепочке идет придаточная клауза, может возникнуть необходимость переместить информацию, отображаемую этой придаточной клаузой, из фона в фигуру, чтобы акцентировать на ней внимание аудитории. Эта задача решается с помощью расщепления подлежащего на структурное и семантическое: *It is, frankly, intolerable that a tangle of bureaucracy in Brussels is preventing practical cooperation on the ground in Afghanistan* (Cameron 2).

В рамках **смыслового инкорпорирования**, где фон закреплен за придаточной клаузой, независимо от ее места в синтагматической цепочке,

а фигура – за главной клаузой, информация, содержащаяся в подчиненной клаузе, соотносится с информацией, отображаемой главной клаузой, как:

а) временные рамки определенного действия / события / положения вещей и собственно действие / событие / положение вещей (сложноподчиненные времени): *But as soon as they obtain advanced degrees, we send them back home to compete against us* (Obama 4);

б) условие осуществления действия / наступления события / установления определенного положения вещей и собственно действие / событие / положение вещей (сложноподчиненные условия): *If it refuses to do so, then Britain and America along with our international partners, will continue to increase the political and economic pressure to achieve a peaceful outcome to this crisis* (Cameron 8);

в) причина действия / события / положения вещей и собственно действие / событие / положение вещей (сложноподчиненные причины): *Because Republicans and Democrats approved the New START treaty, far fewer nuclear weapons and launchers will be deployed* (Obama 4);

д) цель действия и действие (сложноподчиненные цели): *And NATO will maintain an enduring commitment so that Afghanistan never again becomes a haven for Al Qaida to attack our countries* (Obama 8);

е) условие, противодействующее осуществлению действия / наступлению события и действие / событие (сложноподчиненные уступки): *We should cut ourselves off from this religion whether that's through the forced repatriation favoured by some fascists or the banning of new mosques as suggested in some parts of Europe* (Cameron 3);

ж) эпистемические рамки действия и действие (сложноподчиненные с вводными придаточными): *First, as Barack has just said, Iran must give up its pursuit of a nuclear weapon* (Cameron 5).

з) способ действия как эталон сравнения и собственно действие (сложноподчиненные способа действия / сравнения): *So they talk about 'moderate' Muslims as if all devout Muslims must be extremist* (Cameron 3).

Смысловое инкорпорирование схематически представляем в виде записи $[S=G \ [M=F]] \ / \ [[M=F] \ S=G]$. Графическое изображение смыслового инкорпорирования отображаем на Рис. 2.2.

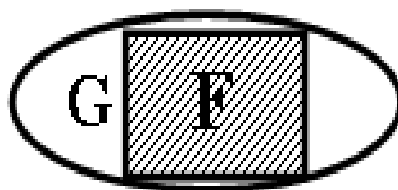

Рис. 2.2. Распределение фона (G) и фигуры (F)
при смысловом инкорпорировании

При **цепочном инкорпорировании** фон закреплен за предикацией, следующей первой в синтагматической цепочке, поскольку именно эта предикация содержит информацию о предусловии действия, выраженного последующей предикацией: *We are going to build Afghan capacity so Afghans can take responsibility for their future* (Obama 3). Эту связь представляем в виде такой схематической записи $[I/S=G \ \text{so} \ A/M=F]$. Графическое изображение этой конфигурации подаем на Рис. 2.3.

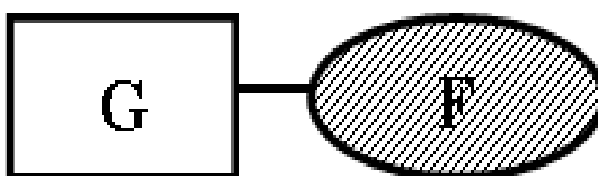

Рис. 2.3. Распределение фона (G) и фигуры (F)
при цепочном инкорпорировании

Таким образом, в рамках подчинительного синтаксиса смена фона и фигуры следует как линейным, так и нелинейным схемам.

Линейная смена фона и фигуры, характерная для структурно-смыслового инкорпорирования, объясняется в терминах переключения фокуса внимания с уже известной на новую информацию по ходу разворачивания синтагматической цепочки дискурса.

Нелинейная смена фона и фигуры, характерная для смыслового и цепочного инкорпорирования, объясняется в терминах когнитивной операции суждения / сравнения, где состояния дел, выраженные предикациями, соединенными подчинительной связью, соотнесены на основе сложных логико-семантических зависимостей.

2.2.3. Определение схем распределения внимания в структурно-семантических типах сложных предложений, базирующихся на сочинительной связи

В рамках сочинительного синтаксиса смена фона и фигуры имеет линейный характер в том случае, если сложносочиненные структуры отражают логико-смысловые зависимости сочинения, и нелинейный, если эти структуры базируются на логико-смысловых зависимостях подчинения.

При **цепочном присоединении**, как при соединении, так и при противопоставлении информации, наблюдается линейная смена фона и фигуры.

В рамках соединения при добавлении информации предикации демонстрируют автономность: *After the United States, Great Britain is the largest contributor of combat forces in Afghanistan, **and** British troops and civilians have served and sacrificed in some of the most dangerous parts of the country* (Obama 3).

Эту конфигурацию сочинительной связи представляем в виде схематической записи **[[I=G] and [A=F]]**.

При комбинировании информации предикации демонстрируют большую структурно-смысловую зависимость: ***Not only** were these dictators repressing their people, ruling by control not by consent, plundering the national wealth and denying people their basic rights and freedoms, they were funding terrorism overseas **as well*** (Cameron 9).

Эту конфигурацию сочинительной связи отображаем такой схематичной записью: **[I=G – A=F]**.

В рамках противопоставления информации предикации относительно автономны: *Our infrastructure used to be the best, **but** our lead has slipped* (Obama 4).

Эту конфигурацию сочинительной связи представляем в виде такой схемной записи: **[[I=G] but [A=F]]**.

Графическое изображение цепочного присоединения даем на Рис. 2.4.

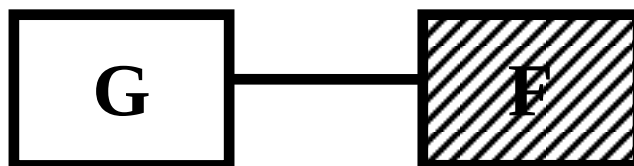

Рис. 2.4. Распределение фона (G) и фигуры (F)
при цепочном присоединении

В сложных предложениях, структурно опирающихся на сочинение, но демонстрирующих подчинительные логико-смысловые связи между предикациями, смена фона и фигуры происходит по модели смыслового инкорпорирования. Например: *All three agreements asked for shared responsibility and shared sacrifice, **but** they largely protected the middle class, our commitments to seniors, and key investments in our future* (Obama 5).

В приведенном случае пропозициональное содержание первой и второй предикаций в синтагматической цепочке соотносятся как условие, противодействующее осуществлению действия / наступлению события и действие / событие, иными словами, как предикации сложноподчиненных уступки.

Эту конфигурацию представляем в виде такой схематической записи: **[I/S=G [A/M=F]]**.

Графическое изображение распределения фона и фигуры в этом типе связи соответствует Рис. 2.4.

Таким образом, сложносочиненные структуры задают как линейное, так и нелинейное движение фокуса внимания, в зависимости от того, какие логико-смысловые зависимости (сочинения или подчинения) лежат в основе взаимосвязи их предикаций.

2.3. Единицы анализа аргументативного и суггестивного потенциала синтаксиса политического дискурса

Исследователи речевого влияния, к наиболее распространенным и изученным типам которого относятся аргументация и суггестия, выделяют различные единицы его лингвистического анализа: аргументемы [31], прагмемы [301], информемы [31; 278], аксиологемы [278], аппелятивы [31], эмотемы [181; 131], суггестемы [129; 319].

Все эти единицы базируются на понятии «контекстуально зависимой функции» [31, с. 106], связанной с достижением не только непосредственного перлокутивного эффекта, но и посткоммуникативного влияния на адресата» [там же, с. 235].

Для нашего исследования релевантно разграничение аргументемы и суггестемы на основе размежевания аргументативных и суггестивных способов реализации коммуникативных намерений субъекта речи: аргументация, предполагающая рациональное доказательство и обращенная к рациональному мышлению адресата, воплощается в аргументеме, а суггестия – предполагающая внушение и обращенная к сфере подсознания адресата, – в суггестеме.

Аргументеме понимаем в трактовке М.Л. Ильченко – как высказывание, соотносимое с предложением, семантико-структурное синтаксическое аранжирование предикаций которого наделяет его рационально-логическим потенциалом доказательства [131, с. 4]. К таким аргументативным синтаксическим конструкциям исследовательница относит предикации сложноподчиненных предложений, объединенные каузальной связью [там же].

Каузальность (от лат. *causalis*) трактуется как семантическая категория, означающая действие или явление, которое становится мотивом для другого действия или же возникновения другого явления [316, с. 43].

В рамках сложного синтаксиса каузальная связь предполагает, что действие / состояние дел / явление / событие, отображаемые одной

предикацией, мыслятся как мотив возникновения другого действия / состояния дел, события, явления, отображаемых другой предикацией [501]. Отмечают, что каузальные отношения характерны для пропозиций сложноподчиненных причины, результата, условия, уступки [177, с. 112].

Именно такими отношениями связаны предикации при смысловом и цепочном инкорпорировании, а также цепочном присоединении, базирующемся на смысловых связях подчинения.

Эти сложные синтаксические конструкции представляют собой нелинейный тип подчинительной связи, отражающий логические отношения между событиями, репрезентированными пропозициональным содержанием главной и подчиненной предикаций независимо от их места в синтагматической цепочке. Пропозициональное содержание подчиненной предикации задает временные, причинно-следственные или эпистемические рамки совершения действия, отраженного пропозициональным содержанием главной предикации.

В отличие от аргументемы, **суггестема** представляет собой семантико-структурное синтаксическое аранжирование предикаций, наделяющее их суггестивным потенциалом внушения, способствующим отключению рационального мышления [184, с. 165].

Исследователи суггестии высказывают мысль о том, что суггестивность достигается через *ритмомелодику* [50, с. 19].

В наиболее общем виде *ритм* (греч. такт, размерность, согласованность) определяют, как закономерное чередование во времени похожих явлений, упорядоченное движение, которое в художественной литературе приобретает эстетическое значение. В поэтическом тексте ритм создает впечатление плавности или стремительности и другие признаки экспрессивности, а также широкий диапазон переживаний – от грусти до радости [498].

Полагаем, что в политической речи ритм на синтаксическом уровне создается преобладающим синтаксическим паттерном аранжирования предикаций. В терминах когнитивных операций распределения внимания такое

суггестивное аранжирование обеспечивается линейными схемами смены фона и фигуры при структурно-смысловом инкорпорировании, и цепочном присоединении, базирующемся на логико-смысловых связях сочинения.

Интерпретация сложных логико-смысловых зависимостей смыслового инкорпорирования, напротив, требует включения рационального мышления, что способствует деавтоматизации восприятия. Кроме того, нефиксированность порядка следования предикаций каузальных конструкций приводит к тому, что инициальная позиция главной клаузы в синтагматической цепочке меняет привычное прогрессивное направление движения смены фона и фигуры на регрессивное. Эта смена также способствует деавтоматизации интерпретации, изменяя ритмику речи.

Доказательство этой гипотезы требует количественного анализа, поскольку ритмика речи предполагает повтор однотипных конструкций, что непосредственно связано с количественным преобладанием таких синтаксических конструкций в речи.

Выводы к главе 2

1. Методический алгоритм исследования включает три этапа: 1) определение структурно-семантических типов сложных предложений, обладающих разным коммуникативным потенциалом в терминах актуального членения предложения; 2) когнитивный анализ структурно-семантических типов сложных предложений для выявления схем движения фокуса внимания в синтагматической цепочке; 3) определение аргументативного и суггестивного потенциала анализируемых структурно-семантических типов сложных предложений в речи Б. Обамы и Д. Кемерона.

2. Результаты структурно-семантического анализа связей между клаузами сложных предложений с учетом фиксированности / нефиксированности порядка следования клауз в синтагматической цепочке и степени структурно-семантической взаимозависимости клауз позволяют

выделить четыре структурно-семантических типа связей: структурно-смысловое инкорпорирование, смысловое инкорпорирование, цепочное инкорпорирование и цепочное присоединение.

2.1. Структурно-смысловое и смысловое инкорпорирование являются связями подчинения.

2.1.1. При структурно-смысловом инкорпорировании клауза, следующая первой в синтагматической цепочке (как правило, главная), демонстрирует как структурную, так и смысловую незавершенность, восполняемую последующей клаузой; наблюдается фиксированный порядок следования клауз. Такая связь характерна для подлежащих, предикативных, дополнительных, расширительных и определительных сложноподчиненных предложений.

2.1.2. При смысловом инкорпорировании позиции главной и подчиненной клауз в синтагматической цепочке не фиксированы; клаузы сохраняют относительную структурную полноценность, при этом подчиненной клаузе присуща смысловая незавершенность, восполняемая главной клаузой. Смысловое инкорпорирование лежит в основе обстоятельственных сложноподчиненных предложений причины, условия, времени, уступки, сравнения / способа действия, а также сложноподчиненных предложений, включающих вводные клаузы.

2.2. Цепочное инкорпорирование находится на стыке подчинения и сочинения: с одной стороны, фиксированность позиций предикаций и относительная структурная и семантическая автономность, а с другой, – логико-смысловые отношения подчинения (цель действия – результат реализации цели действия).

3.3. Цепочное присоединение является связью сочинения: предикации структурно автономны; порядок предикаций фиксированный. В логико-смысловом отношении цепочное присоединение базируется на связях сочинения (соединительных – добавление информации и комбинирование информации – и противительных) и подчинения (каузации).

4. Результаты анализа коммуникативного потенциала выделенных структурно-семантических типов в терминах когнитивных операций конструирования внимания (сфера внимания / фон и фокус внимания / фигура) показывают, что структурно-семантический тип определяет линейность / нелинейность схемы распределения внимания.

4.1. При структурно-смысловом инкорпорировании действует линейная схема смены фона и фигуры, поскольку фон закреплен за клаузой, следующей первой в синтагматической цепочке, а фигура – за последующей клаузой, содержащей более позднюю информацию.

4.2. При смысловом инкорпорировании фон закреплен за придаточной клаузой, независимо от ее места в синтагматической цепочке, а фигура – за главной клаузой; между клаузами существуют каузальные отношения: информация, содержащаяся в подчиненной клаузе, соотносится с информацией, отображаемой главной клаузой, как мотив для совершения действия / наступления состояния и действие / состояние. Соответственно имеет место нелинейная схема смены фона и фигуры.

4.3. При цепочном инкорпорировании, как при соединении, так и при противопоставлении информации, наблюдается линейная смена фона и фигуры. Фон закреплен за предикацией, следующей первой в синтагматической цепочке, поскольку именно эта предикация содержит информацию о цели действия, выраженного последующей предикацией.

4.4. При цепочном присоединении характер распределения фона и фигуры определяется логико-смысловыми отношениями сочинения или подчинения, лежащими в основе сложного предложения.

5. Анализ аргументативного потенциала сложных предложений осуществляется в терминах аргументом и суггестом.

5.1. Аргументема представляет собой семантико-структурное синтаксическое аранжирование предикаций сложного предложения, наделяющее его рационально-логическим потенциалом доказательства на основе отношений каузации. Такое аранжирование достигается с помощью нелинейной схемы смены фона и фигуры.

5.2. Суггестема представляет собой семантико-структурное синтаксическое аранжирование предикаций сложного предложения, наделяющее его суггестивным потенциалом за счет ритмизации речи. Такое аранжирование достигается с помощью линейной схемы смены фона и фигуры.

Основные положения данной главы отражены в следующих публикациях автора [188; 248].

ГЛАВА 3

АРГУМЕНТАТИВНО-СУГГЕСТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, БАЗИРУЮЩИХСЯ НА СТРУКТУРНЫХ СВЯЗЯХ ПОДЧИНЕНИЯ

В задачи данной главы входит рассмотрение аргументативно-суггестивного потенциала сложноподчиненных предложений, а также сложноподчиненных предложений с вкраплением сочинения в речи Б. Обамы и Д. Кемерона.

3.1. Распределение внимания в сложноподчиненных предложениях

Сложноподчиненные предложения в речи Б. Обамы и Д. Кемерона представлены двух-, трех-, четырех-, пяти- и шестикомпонентными синтаксическими структурами.

3.1.1. Двухкомпонентные сложноподчиненные предложения

Как свидетельствуют результаты структурно-семантического синтаксического анализа, предикации двухкомпонентных сложноподчиненных предложений объединяются в единое синтаксическое целое на основе различных конфигураций двух структурно-семантических типов подчинительной синтаксической связи – смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования, а также цепочного инкорпорирования, занимающего промежуточную позицию между сочинением и подчинением.

1. Структурно-смысловое инкорпорирование представлено конфигурациями, различающимися *наличием / отсутствием общей точки референции*:

1.1. Конфигурации структурно-смыслового инкорпорирования при отсутствии общей точки референции реализуются такими синтагматическими цепочками:

1.1.А. Инициальная позиция главной клаузы: [главная клауза [подчиненная клауза предикатива / дополнения / расширения /]]. Например: *That's what a robust democracy demands* (Obama 4); *Most Americans believe we should invest in education and medical research* (Obama 5); *We are confident that the right steps were taken at the Toronto G20 summit to help achieve that* (Cameron 1).

Такая конфигурация предполагает линейное (одноуровневое) актуальное членение [190, с. 46; 230, с. 18-22; 49, с. 305]. Соответственно, фон всегда закреплён за предикацией, идущей первой в синтагматической цепочке, а фигура – за последующей предикацией, поскольку она всегда содержит более позднюю информацию, возникающую по ходу разворачивания дискурса. Так, в предложении *Most Americans believe we should invest in education and medical research* (Obama 5) главная предикация [Многие американцы считают...] содержит информацию, служащую когнитивной базой для интерпретации следующей за ней в синтагматической цепочке дополнительной придаточной предикации [что мы должны вкладывать деньги в образование и медицинские исследования]. Распределение внимания в данной конфигурации представляем в виде такой схемной записи: **[M=G [S=F]]**.

Вариантом данной конфигурации является структурно-смысловое инкорпорирование при отсутствии общей точки референции с разрывом предикации: [главная клауза [подчиненная клауза дополнения] (главная клауза)]. Например: *Those people in Tahrir Square and Tripoli just want what we have: a job and a voice* (Cameron 6).

Разрыв предикации создает линейно-ступенчатое актуальное членение [230, с. 18-22; 49, с. 306]: информация, представленная препозитивной частью главной клаузы, является темой для информации и дополнительной клаузы, и постпозитивной части главной клаузы: **[T = M [R1 = S [(R2 = M)]]]**.

Учитывая динамику дискурса, к концу разворачивания синтагматической цепочки рема 1 сменяется ремой 2, теряя статус ремы и переходя в тему. Соответственно, представляется более целесообразным объяснять распределение внимания в терминах сферы внимания и фокуса внимания.

Разрывая предикацию, говорящий удерживает в сфере внимания аудитории информацию, необходимую для восприятия информации, помещенной в фокус внимания: $[M=G [S=F/G [(M=F)]]]$

1.1.Б. Инициальная позиция подчиненной клаузы: [подчиненная клауза подлежащего [главная клауза]]. Например: *What's left, after interest on the debt, is just 12 percent for everything else.* (Obama 5).

Для этой конфигурации характерно линейное (одноуровневое) актуальное членение: $[S(Sbj)=T [M=R]]$. Подчиненная подлежащая клауза здесь составляет неотъемлемую часть главной клаузы и служит фоном для интерпретации информации, содержащейся в следующей за ней частью главной клаузы, соотносимой с фигурой: $[S(Sbj)=G [M=F]]$.

1.1.В. Расщепление подлежащего: [главная клауза (структурное подлежащее) [подчиненная клауза подлежащего]] – $[M (It (Sbj)=G [S (Sbj)=F]]$. Например: *And it was great that our teams had time to join those talks as well.* (Cameron 7).

Как упоминалось выше, структурно-смысловое инкорпорирование может сопровождаться расщеплением подлежащего на структурное и семантическое. Такая последовательность встречается только в речи Д. Кемерона. В таких предложениях реализуется необходимость переместить информацию, отображаемую подлежащим, находящимся в начале синтагматической цепочки, из фона в фигуру, чтобы акцентировать на ней внимание аудитории.

1.2. Конфигурация структурно-смыслового инкорпорирования при наличии общей точки референции воплощается в такой синтагматической цепочке: [главная клауза (точка референции) [подчиненная определительная клауза]]. Точкой референции выступает член предыдущей предикации, от которого структурно и семантически зависит последующая предикация в синтагматической цепочке.

Например: *They came from businesses that opened near a town's new train station or the new off-ramp* (Obama 4); *I respect the different histories and traditions that each country has* (Cameron 9).

На когнитивном уровне эта конфигурация отличается от конфигурации $[M=G [S=F]]$ только наличием точки референции, называющей сущность, информация о которой содержится в придаточной предикации. Так, в предложении *I respect the different histories and traditions that each country has* (Cameron 9) главная клауза содержит название сущности [прошлое и традиции], дополнительная информация о которой сообщается в подчиненной определительной клаузе [которые есть у каждой страны]. Эта конфигурация позволяет говорящему удерживать в сфере внимания информацию, соотносящуюся с точкой референции: $[M=G (PR)=F/G [S=F]]$.

Вариантом рассматриваемой конфигурации является структурно-смысловое инкорпорирование при наличии общей точки референции с разрывом главной клаузы: [главная клауза (точка референции) [подчиненная определительная клауза] (главная клауза)]. Например: *We've been talking today about the two things we care about most – getting our people jobs and keeping our people safe* (Cameron 6).

Такие конструкции предполагают линейно-ступенчатое актуальное членение [230, с. 18-22; 49, с. 306], как и в случае разрыва предикации при отсутствии общей точки референции. Разница в том, что наличие точки референции здесь создает две промежуточных ремы: $[M=T (PR)=R1 [S=R2 [(M=R3)]]]$.

Учитывая динамику дискурса, мы представляем распределение внимания в подобных предложениях с помощью такой схемы: $[M=G (PR)=F/G [S=F/G [(M=F)]]]$.

2. Смысловое инкорпорирование преимущественно представлено такой конфигурацией: [подчиненная клауза – вводная / причины / времени / условия / уступки [главная клауза]]. Например: *And as we always said, we won't be in a combat role after 2014* (Cameron 7); *Because Republicans and Democrats approved the New START treaty, far fewer nuclear weapons and launchers will be deployed* (Obama 4); *Before we take money away from our schools or scholarships away from our students, we should ask millionaires to give up their tax break.*

(Obama 4); *But if Assad continues, then civil war or revolution is the inevitable consequence* (Cameron 7); *Whether they are violent in their means or not, we must make it impossible for the extremists to succeed* (Cameron 3).

В данном случае распределение темы и ремы носит линейный характер только благодаря инициальной позиции подчиненной клаузы.

В терминах когнитивных операций управления вниманием аудитории при смысловом инкорпорировании фон всегда закреплен за подчиненной клаузой, а фигура – за главной, независимо от их места в синтагматической цепочке. Подчиненная клауза – в соответствии с логико-смысловым типом – определяет: эпистемические рамки / причину / временные рамки / условия, влияющие или не влияющие на совершение действия или наступление состояния дел, о которых сообщается в главной клаузе.

Эту конфигурацию подчинительной связи представляем в виде такой схемной записи: $[S=G \ [M=F]]$ или $[[M=F] \ S=G]$, учитывая, что главная и придаточная клаузы могут меняться местами, сохраняя смысловые зависимости.

Отдельного рассмотрения заслуживают случаи смыслового инкорпорирования с разрывом главной клаузы: [главная клауза [подчиненная вводная клауза / времени / уступки] главная клауза]. Например: *Two states, as I said this morning, united for freedom and enterprise* (Cameron 7); *Now we're working together for them when they come home, with new partnerships to help our wounded warriors recover, assist our veterans transition back to civilian life, and to support our remarkable military families* (Obama 9); *And today, though the subject is complex, my message on security is equally stark* (Obama 9).

Как и при обычном смысловом инкорпорировании, подчиненная клауза, создающая когнитивный фон для интерпретации содержания главной клаузы, определяет предусловия наступления действий / событий, отображаемых разорванной главной клаузой. Разрыв главной клаузы позволяет говорящему удерживать информацию, содержащуюся в придаточной клаузе, в сфере внимания аудитории: говорящий полагает, что она не менее важна, чем

информация главной клаузы. Вместе с тем, в силу динамики разворачивания дискурса, фокус внимания перемещается в конец синтагматической цепочки. Описанные отношения передаются такой схемой: $[[M=G] S=F/G [(M=F)]]$.

3. Цепочное инкорпорирование воплощается в такой синтагматической цепочке: [инициальная предикация = клауза цели действия **so** [присоединенная предикация = клауза реализации цели действия]]. Например: *We are going to build Afghan capacity so Afghans can take responsibility for their future* (Obama 3);

При цепочном инкорпорировании обе предикации в синтагматической цепочке структурно самостоятельны. В структуре предложения как синтаксического целого информация, выражаемая первой и последующей предикациями, соотносится в терминах «цель действия» – «результат реализации цели действия»: [Наши действия по укреплению Афганистана направлены на то, чтобы [афганцы сами смогли обеспечить свое будущее]].

Эти логико-смысловые зависимости являются зависимостями подчинения: состояние дел, выражаемое пропозициональным содержанием инициальной предикации, является предусловием наступления состояния дел, выражаемого пропозициональным содержанием присоединенной предикации. Благодаря фиксированному порядку следования предикаций, фон соотносится с инициальной предикацией, а фигура – с последующей. Эту конфигурацию представляем в виде такой схемной записи $[I/S=G \text{ so } [A/M=F]]$.

Таким образом, предикации двухкомпонентных сложноподчиненных предложений речи Б. Обамы и Д. Кемерона объединяются в единое синтаксическое целое на основе конфигураций базовых синтаксических связей подчинения (смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования), а также цепочного инкорпорирования, занимающего промежуточную позицию между сочинением и подчинением.

В терминах когнитивных операций распределения внимания при структурно-смысловом инкорпорировании наблюдается линейная смена фона и фигуры по ходу разворачивания синтагматической цепочки. Фокусирование внимания аудитории на наиболее важной, с точки зрения говорящего,

информации достигается путем расщепления подлежащего на структурное и семантическое или разрыва предикации. Расщепление подлежащего позволяет переместить фигуру в конец синтагматической цепочки, а разрыв предикации, – удерживать информацию, отражаемую предикацией, разрывающей синтагматическую цепочку, в сфере внимания.

При смысловом инкорпорировании направление движения фигуры определяется позицией главной клаузы в синтагматической цепочке. Финальная позиция главной клаузы обеспечивает линейный характер смены фона и фигуры, а инициальная позиция – нелинейный. Разрыв главной клаузы подчиненной клаузой позволяет говорящему удерживать информацию, содержащуюся в придаточной клаузе, в сфере внимания аудитории.

При цепочном инкорпорировании, опирающемся на смысловые связи подчинения, смена фона и фигуры носит линейный характер, определяемый фиксированной позицией инициальной предикации, выполняющей функцию подчиненной клаузы.

3.1.2. Трехкомпонентные сложноподчиненные предложения

Результаты структурно-семантического синтаксического анализа трехкомпонентных сложноподчиненных предложений в речи Д. Кемерона и Б. Обама позволяют говорить о том, что они строятся на базе различных конфигураций трех базовых связей: смыслового, структурно-смыслового и цепочного инкорпорирования.

1. Структурно-смысловое инкорпорирование представлено конфигурациями, различающимися *наличием / отсутствием общей точки референции* у предикаций, объединяемых в предложение.

1.1. Конфигурации структурно-смыслового инкорпорирования при отсутствии общей точки референции:

1.1.A. Инициальная позиция главной клаузы: [главная клауза [подчиненная клауза предикатива / расширения [подчиненная клауза дополнения / расширения]]]. Например: *And so the question is whether all of us –*

as citizens, and as parents – are willing to do what's necessary to give every child a chance to succeed (Obama 4); We'll make sure this is fully paid for, attract private investment, and pick projects based [on] what's best for the economy, not politicians (Obama 4); And that is why in the second half of this decade we're making sure that debt ratios will be falling on both sides of the Atlantic (Cameron 4).

При структурно-смысловом инкорпорировании фон всегда закреплён за предикацией, следующей первой в синтагматической цепочке, а фигура – за последующей предикацией. Последующая предикация не просто содержит более позднюю информацию, возникающую по ходу разворачивания дискурса, но и восполняет информационный пробел, создаваемый предыдущей, структурно незавершённой, предикацией. Так, в сложноподчинённом предложении с двумя придаточными предикациями *And so the question is whether all of us – as citizens, and as parents – are willing to do what's necessary to give every child a chance to succeed* (Obama 4) главная клауза [Вопрос заключается в том...] содержит информацию, служащую фоном для интерпретации следующей за ней в синтагматической цепочке предикативной придаточной клаузы, сообщающей, в чём именно заключается суть вопроса [готов ли каждый из нас, и как гражданин, и как родитель, сделать ...]. Пропозициональное содержание предикативной придаточной клаузы составляет базу для интерпретации следующей за ней в синтагматической цепочке дополнительной клаузы, предоставляющей информацию о том, что именно нужно сделать [все, что необходимо, чтобы дать шанс каждому ребёнку преуспеть в жизни]. Схема распределения внимания в данной конфигурации имеет такой вид: **[M=G [S=F/G [S=F]]]**.

1.1.Б. Инициальная позиция подчинённой клаузы [подчинённая клауза подлежащего [главная клауза [подчинённая клауза предикатива]]]. Например: What was heartening about the events of Tahrir Square was that the Egyptian people found their voice and rejected this false choice (Cameron 9).

Подчинённая клауза подлежащего здесь составляет неотъемлемую часть главной клаузы, служащей фоном для интерпретации информации,

содержащейся в следующей за ней подчиненной предикативной клаузе, соотносимой с фигурой. Схему распределения внимания в этой конфигурации представляем таким образом: $[S (Sbj)=G [M=F/G [S=F]]]$.

1.2. Конфигурации структурно-смыслового инкорпорирования при наличии общей точки референции.

1.2.A. Инициальная позиция главной клаузы:

1.2.A.a. [Главная клауза (точка референции) [подчиненная клауза определения (точка референции) [подчиненная клауза определения]]] – $[M=G (PR)=F/G [S(PR)=F/G [S=F]]]$.

Например: *Finally, and perhaps most challenging of all for Western countries like mine, is the **argument** that elections have simply opened the door to Islamist parties whose values are incompatible with truly open societies* (Cameron 1).

Распределение внимания осуществляется таким же образом, как и при отсутствии общей точки референции с той разницей, что по мере передвижения фигуры вперед в ходе разворачивания синтагматической цепочки дискурса точка референции максимально сужает фокус инициального внимания интерпретатора, сосредоточивая его на наиболее важной информации, вводящейся в сферу внимания. Так, предикатив главной клаузы *the argument* (аргумент), вводящий подчиненную определительную клаузу, открывает доступ к информации как главной, так и определительной клауз (главная клауза содержит информацию о существовании аргумента, представляющего вызов для западных стран типа Великобритании, а подчиненная определительная клауза раскрывает смысл этого аргумента – [выборы открывают дверь Исламистским партиям]).

Дополнение первой определительной клаузы *Islamist parties*, вводящее вторую определительную клаузу, открывает доступ к содержащейся в ней информации, необходимой для понимания сущности Исламистских партий – [их ценности несовместимы с открытым обществом].

Следовательно, член предложения, вводящий определительную клаузу, является фокусом инициального внимания, служащим «мостиком» между

предшествующими и последующими клаузами. Этот фокус вводит в сферу внимания интерпретатора сущности / события, новая информация о которых сообщается в каждой последующей предикации, и тем самым закрепляет за такой предикацией роль фигуры, «смещающейся вперед» по ходу линейного разворачивания дискурса.

Установлено, что данная конфигурация может реализоваться с разрывом предикации:

1.2.A.a.(a). [Главная клауза (точка референции) [подчиненная клауза определения (точка референции)] (главная клауза (точка референции)) [подчиненная клауза определения]] – [M=G (PR)=F/G [S=F/G] (M (PR)=F/G [S=F])].

Например: *On BP, which we discussed at some length, I completely understand the **anger** that exists right across America (Cameron 1); Part of this American belief that we are all connected also expresses itself in a **conviction** that each one of us deserves some basic measure of security (Obama 5).*

В когнитивных терминах распределение фона и фигуры происходит, как и при обычном структурно-смысловом инкорпорировании при наличии общей точки референции. Разрыв главной предикации здесь обусловлен необходимостью дать дополнительную и важную, с точки зрения говорящего, информацию о ключевой референтной сущности, обозначенной словосочетанием *American belief* [вера в Америку]. Эту функцию выполняет подчиненная определительная клауза *that we are all connected* [эта вера объединяет американцев].

1.2.A.a.(б). [Главная клауза (точка референции) [подчиненная клауза определения (точка референции)] [подчиненная клауза определения] (подчиненная клауза определения))] – [M (PR)=G [S (PR)=F/G [S=F/G] (S=F)]].

Например: *Here in America, it's **time** we treated the people who educate our children with the same level of respect (Obama 4).*

Разрыв придаточной определительной предикации обусловлен необходимостью дать уточняющую информацию о референте *people*.

1.2.А.б. [Главная клауза (точка референции) [подчиненная клауза определения (точка референции) [подчиненная клауза дополнения]]] – [M=G (PR)=F/G [S=F/G [S=F]]]. Например: *This is **a vision** that says up to 50 million Americans have to lose their health insurance in order for us to reduce the deficit* (Obama 5).

1.2.А.в. [Главная клауза [подчиненная клауза дополнения (точка референции) [подчиненная клауза определения]]] – [M=G [S(PR)=F/G [S=F]]]. Например: *I believe there are **three actions** we must take* (Cameron 4): *This is just a part of how we're shaping a **world** that favors peace and prosperity* (Obama 4): *So, the president and I are agreed, we will stand with **those** who work for freedom* (Cameron 4).

Эта конфигурация может реализоваться с разрывом предикации: [главная клауза [подчиненная клауза предикатива / расширения / дополнения (точка референции) [подчиненная клауза определения] (подчиненная клауза предикатива / расширения / дополнения)] – [M=G [S (PR)=F/G [S=F/G] (S=F)]].

Например: *That's what the **people** who sent us here expect of us* (Obama 4); *Together, we're determined to make sure **the financial catastrophe** that we are **emerging from** never happens again* (Obama 3); *And I would argue **an important reason** so many young Muslims are drawn to it comes down to a question of identity* (Obama 4).

Как и в предыдущих случаях, разрыв предикаций обусловлен желанием говорящего дать уточняющую информацию о тех или иных референтных сущностях по ходу разворачивания синтагматической речевой цепочки, для чего цепочка прерывается определительными предложениями, которые и выполняют эту функцию.

1.2.Б. Инициальная позиция подчиненной клаузы: [Подчиненная клауза подлежащего [главная клауза (точка референции) [подчиненная клауза определения]]] – [S (Sbj)=G[M(PR)=F/G [S=F]]]. Такая подчинительная связь встречается только в речи Б. Обамы. Например: *Of course, what we've been debating here in Washington for the last few weeks will affect your lives in **ways** that are potentially profound* (Obama 5).

Как и в первой конфигурации этого типа ([M=G (PR)-F/G [S(PR)=F/G[S=F]]), в остальных представленных конфигурациях фон закреплен за предикацией, следующей первой в синтагматической цепочке, а фигура последовательно смещается вперед по ходу линейного разворачивания дискурса. Точка референции обеспечивает доступ к информации, содержащейся в предшествующей предикации и фокусирует внимание аудитории на информации, содержащейся в последующей предикации.

2. Смысловое инкорпорирование образует такую конфигурацию: [вводная клауза [[главная клауза] подчиненная клауза условия / причины]]. Например: *And as most families understand, a little credit card debt isn't going to hurt if it's temporary* (Obama 5); *As we were discussing over lunch, it is time for direct talks, not least because it is time for each, Israel and Palestine, to test the seriousness of the other* (Cameron 1).

В терминах когнитивных операций управления вниманием аудитории подчиненная клауза, следующая первой в синтагматической цепочке, служит фоном для интерпретации пропозиционального содержания главной и следующей за ней подчиненной клаузы. В свою очередь, вторая подчиненная клауза служит фоном для интерпретации главной предикации, соотносимой с фигурой. Так, в предложении *And as most families understand, a little credit card debt isn't going to hurt if it's temporary* вводная клауза устанавливает эпистемические рамки состояния дел, выраженного взаимодействием главной и условной клауз: [Большинству семей понятно, что небольшая задолженность по кредитной карточке не навредит]. Условная клауза определяет условие наступления состояния дел, отражаемого пропозициональным содержанием главной клаузы, соотносимой с фигурой [при условии, что она не будет длительной].

Следовательно, в описываемом случае фокус внимания интерпретатора последовательно сужается и перемещается на информацию, отображаемую главной предикацией. Информация, содержащаяся в двух подчиненных предикациях, удерживается в сфере внимания интерпретатора. При этом

наблюдается вначале прогрессивное, а затем регрессивное движение фокуса внимания по ходу разворачивания синтагматической цепочки. Эту базовую конфигурацию подчинительной связи представляем в виде такой схематической записи: **[S=G [[M=F] S=F/G]]**.

Отдельного рассмотрения заслуживает смысловое инкорпорирование, реализующееся при разрыве главной клаузы: [[главная клауза [подчиненная вводная клауза] (главная клауза)] подчиненная клауза условия / времени] – **[[M=G/F [S=F/G] (M=F)] S=F/G]**.

Этот вариант конфигурации встречается только в речи Д. Кемерона. Например: *And next year, as the President said, 2013, this includes shifting to support role as Afghans take the lead* (Cameron 7).

В терминах когнитивного конструирования информация распределяется таким же образом, как и в базовой конфигурации (**[S=G [[M=F] S=F/G]**), т.е. фигура соотносится с главной клаузой. Разница лишь в том, что, разрывая структурные рамки главной клаузы подчиненной вводной клаузой, говорящий удерживает информацию, содержащуюся в придаточной клаузе, в фокусе внимания аудитории: [то, что в 2013 году США намерены предоставить больше самостоятельности Афганцам] и [то, что эта информация исходит от Президента] – одинаково важно.

3. Взаимодействия смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования. Эта конфигурация представлена в двух вариантах, различающихся *отсутствием / наличием общей точки референции*.

3.1. Взаимодействия смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования при отсутствии общей точки референции:

3.1.А. Инициальная позиция главной клаузы:

3.1.А.а. [Главная клауза [подчиненный блок дополнения = [[главная клауза] подчиненная клауза условия / уступки]]]. Например: *I hear it gets even more complicated once they're smoked* (Obama 4); *Or they suggest that we can somehow close our entire deficit by eliminating things like foreign aid, even though foreign aid makes up about 1% of our entire budget* (Obama 5).

В терминах операций когнитивного конструирования распределение внимания осуществляется следующим образом. По ходу разворачивания синтагматической цепочки пропозициональное содержание главной клаузы является фоном для интерпретации пропозиционального содержания двух последующих клауз, образующих неразрывный структурно-семантический блок, включаемый в предложение структурно-смысловым инкорпорированием (отношения дополнения). Главная предикация определяет эпистемические рамки действий / событий клауз блока. Клаузы блока объединены смысловым инкорпорированием: пропозициональное содержание подчиненной клаузы условия / уступки, занимающей финальную позицию в синтагматической цепочке, служит фоном по отношению к информации, содержащейся в главной клаузе, соотносимой с фигурой. Так, в предложении *Or they suggest that we can somehow close our entire deficit by eliminating things like foreign aid, even though foreign aid makes up about 1% of our entire budget* (Obama 5) пропозиция главной клаузы [Они предлагают...] задает эпистемические рамки действия, отображаемого двумя последующими клаузами. Внутри блока клауза уступки определяет условия, могущие препятствовать совершению действия, выражаемого главной клаузой [чтобы мы сократили дефицит, отказавшись от иностранных инвестиций] даже несмотря на то, что иностранные инвестиции составляют 1% бюджета]].

Следовательно, по ходу разворачивания синтагматической цепочки наблюдается вначале прогрессивное, а затем регрессивное движение фигуры. Данная конфигурация позволяет сфокусировать внимания аудитории на наиболее важной, с точки зрения говорящего, информации, отражаемой пропозициональным содержанием главной клаузы дополнительного блока. Эту конфигурацию представляем в виде такой схемы [M=G1 [S=F1: [[M=F2] S=G2]]].

3.1.А.б. [Главная клауза [подчиненный блок дополнения = [подчиненная клауза уступки [главная клауза]]]] – [M=G1 [S=F1: [S=G2 [M=F2]]]].

Такая последовательность характерна только для речи Д. Кемерона. Например, *We recognize that no matter how responsibly we live our lives, hard times or bad luck, a crippling illness or a layoff, may strike any one of us* (Obama 5).

В терминах операций когнитивного конструирования пропозициональное содержание главной клаузы [Мы осознаем, что] является фоном для интерпретации содержания двух последующих клауз, образующих блок, связанный с главной клаузой отношениями дополнения [независимо от того, насколько мы ответственно относимся к жизни [тяжелые времена или неудачи, тяжелая болезнь или увольнение могут ударить по каждому]].

Внутри блока придаточная клауза уступки определяет условия, при которых все это может произойти и является фоном для интерпретации содержания главной клаузы. Размещение информации придаточной клаузы уступки перед придаточной дополнительной клаузой позволяет говорящему сдвинуть наиболее важную информацию в конец синтагматической цепочки.

3.1.Б. Инициальная позиция подчиненной клаузы, встраиваемой смысловым инкорпорированием:

3.1.Б.а. [Подчиненная клауза – вводная / условия / времени [главная клауза [подчиненная клауза дополнения / предикатива / сравнения]]]. Например: *As I told David, I can announce that next month we intend to start implementing our long-awaited defense trade treaty with the U.K* (Obama 9); *If you worked hard, chances are you'd have a job for life, with a decent paycheck and good benefits and the occasional promotion* (Obama 4); *Even after our economy recovers, our government will still be on track to spend more money than it takes in throughout this decade and beyond* (Obama 5); *As Barack has said, the relationship between Britain and America is the strongest that it has ever been* (Cameron 7); *And if we are to defeat this threat, I believe it's time to turn the page on the failed policies of the past* (Cameron 7).

В когнитивном аспекте пропозициональное содержание придаточной клаузы, включенной в предложение смысловым инкорпорированием, служит фоном для интерпретации пропозиционального содержания главной клаузы, а также придаточной клаузы, встроенной в предложение структурно-

смысловым инкорпорированием. Например, в предложении *As I told David, I can announce that next month we intend to start implementing our long-awaited defense trade treaty with the U.K.* (Obama 9) содержание декларации американского политического лидера, отображаемой главной клаузой [Я могу объявить, что...], раскрывается пропозициональным содержанием дополнительной клаузы [в следующем месяце мы намерены начать внедрение в жизнь нашего долгожданного торгового соглашения с Великобританией]. При этом пропозициональное содержание вводной придаточной клаузы, следующей первой в синтагматической цепочке [Как я уже говорил Дэвиду], служит фоном по отношению к информации, содержащейся как в главной клаузе, так и в структурно ее восполняющей дополнительной клаузе. Следовательно, наблюдается последовательное линейное перемещение фигуры вперед по ходу разворачивания синтагматической цепочки. Эту конфигурацию представляем в виде такой схемы: **[S=G [M=F/G [S=F]]]**.

3.1.Б.б. [Подчиненная клауза причины [подчиненная клауза дополнения [главная клауза]]].

Данный вид конфигурации встретился в нашем массиве фактического материала только в речи Б. Обамы. Например: *Because you deserve to know exactly how and where your tax dollars are being spent, you'll be able to go to a website and get that information for the very first time in history* (Obama 4). Пропозициональное содержание придаточной клаузы причины [Поскольку вы заслуживаете знать...] является фоном для интерпретации пропозиционального содержания подчиненной дополнительной клаузы [как и куда тратят ваши налоги], структурно ее восполняющей. В свою очередь, первая и вторая придаточные клаузы как единое структурное целое служат фоном для интерпретации содержания главной клаузы, соотносимой с фигурой [вы сможете зайти на сайт и получить эту информацию первый раз в истории]. В результате, наблюдается последовательное линейное перемещение фигуры вперед по ходу разворачивания синтагматической цепочки. Эту конфигурацию представляем в виде такой схемы **[S=G [S=F/G [M=F]]]**.

3.1.В. Расщепление подлежащего:

3.1.В.а. [[Главная клауза (структурное подлежащее) [подчиненная клауза подлежащего]] подчиненная клауза времени] – [[M (It(Sbj)=G) [S(Sbj)]=F] S=F/G].

Такая последовательность зарегистрирована нами только в речи Д. Кемерона. Например: ***It is simply not good enough that the Egyptian people continue to be denied these assets long after Mubarak has gone*** (Cameron 8).

В терминах операций когнитивного конструирования, расщепление подлежащего позволяет горящему сфокусировать внимание аудитории на наиболее важной информации путем перемещения ее в конец соответствующего участка синтагматической цепочки. Так, пропозициональное содержание придаточной клаузы времени [по прошествии немалого времени после ухода Мубарака] создает фон для интерпретации содержания главной клаузы [это просто недопустимо], неотъемлемой структурно-смысловой частью которой является придаточная клауза подлежащего, содержащая наиболее важную информацию [что египтянам отказывают в доступе к этим активам].

3.1.В.б. [[Главная клауза (структурное подлежащее)] вводная клауза [подчиненная клауза подлежащего]] – [[M (It Sbj) =G] S=F/G [S(Sbj)=F]].

Такая последовательность встречается только в речи Д. Кемерона. Например, *So **it's in the interest of both countries, as we agreed, that it remains a strong and stable company for the future*** (Cameron 1).

Объясняя пример в терминах операций когнитивного конструирования, следует отметить, что расщепление подлежащего в данном случае позволяет горящему сдвинуть наиболее важную, с его точки зрения, информацию в конец синтагматической цепочки.

3.2. Взаимодействия смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования при наличии общей точки референции:

3.2.А. Инициальная позиция главной клаузы:

3.2.А.а. [[Главная клауза (точка референции) [подчиненная клауза

определения]] подчиненная клауза времени / причины] – [[M=G (PR=F/G) [S=F]] S=F/G].

Например: *These aren't **the kind of cuts** you make when you're trying to get rid of some waste or find extra savings in the budget* (Obama 5); *This is **the message** we'll take to the G-8 **tomorrow** when we push for a major program of economic and political support for those countries seeking reform* (Cameron 5); *Starting this year, no American will be forbidden from serving **the country** they love because of who they love* (Obama 4).

В терминах операций когнитивного конструирования пропозициональное содержание главной клаузы является фоном для интерпретации пропозиционального содержания подчиненной определительной клаузы, тогда как пропозициональное содержание подчиненной клаузы времени служит фоном по отношению к информации, содержащейся в первых двух предикациях. Так, в предложении *This is **the message** we'll take to the G-8 **tomorrow** when we push for a major program of economic and political support for those countries seeking reform* (Cameron 5) пропозиция главной клаузы [Это – послание] служит фоном для структурно и семантически восполняющей ее подчиненной определительной клаузы [которое мы передадим Большой Восьмерке]. Подчиненная клауза времени определяет временные рамки совершения действия, выражаемого взаимодействием главной и подчиненной определительной клауз, и, соответственно, служит фоном по отношению к этим клаузам, соотносимым с фигурой [когда мы будем добиваться экономической и политической поддержки для тех стран, которые стремятся к реформе].

Эта конфигурация реализуется и при разрыве подчиненной определительной клаузы: [[главная клауза [подчиненная определительная клауза]] подчиненная вводная клауза [(подчиненная определительная клауза)]] – [[M=G (PR)=F/G [S=F/G]] S=F/G [(S=F)]].

Эта конфигурация характерна только для определительных и вводных клауз в речи Д. Кемерона. Например: *And we are also – vital for **all the countries***

that want to 'make it, ' as I have put it – sorting out our financial system (Cameron 7).

Разрыв определительной клаузы вводной обусловлен желанием говорящего акцентировать внимание на информации, отображаемой вводным придаточным.

3.2.А.б. [[Главная клауза] подчиненная клауза условия (точка референции) [подчиненная клауза определения]] – **[[M=F] S(PR)=F/G [S=F/G]]**.

Такая последовательность зарегистрирована нами только в речи Д. Кемерона. Например: *To me, it is also an absolutely essential relationship if we are going to deliver the security and **the prosperity** that our people need* (Cameron 8).

В терминах операций когнитивного конструирования пропозициональное содержание, передаваемое структурно-семантическим взаимодействием подчиненных клауз, где определительная клауза является структурной частью условной клаузы, служит фоном для интерпретации пропозиционального содержания главной клаузы. Так, в предложении *To me, it is also an absolutely essential relationship if we are going to deliver the security and the prosperity that our people need* (Cameron 8) пропозициональное содержание главной клаузы [Для меня это так же исключительно важные отношения] является фигурой по отношению к информации, передаваемой условной клаузой, определяющей условия, при которых эти отношения останутся важными [если мы обеспечим безопасность и процветание]. При этом в структуру подчиненной клаузы условия включается определительная клауза, поясняющая характер этих условий [в которых нуждаются люди].

Отдельного рассмотрения заслуживает реализация этой конфигурации при разрыве главной предикации: [[главная клауза] подчиненная клауза времени [(главная клауза (точка референции)) [подчиненная определительная клауза]]] – **[[M=F/G] S=F/G [(M (PR)=F/G) [S=F]]]**.

Такая последовательность зарегистрирована нами только в речи Б. Обамы. Например: *Half a century ago, when the Soviets beat us into space with*

the launch of a satellite called Sputnik, we had no idea how we would beat them to the moon (Obama 4).

Пропозициональное содержание подчиненной клаузы времени [когда Советский Союз нанес нам поражение, запустив в открытый космос Спутник] служит фоном по отношению к информации, содержащейся как в главной клаузе, так и в структурно и семантически ее восполняющей придаточной определительной клаузе [мы даже не имели представления, какой сюрприз мы преподнесем им, высадившись на Луну].

3.2.Б. Инициальная позиция подчиненной клаузы:

3.2.Б.а. [Подчиненная клауза времени / причины / условия [главная клауза (точка референции) [подчиненная определительная клауза]]] представляем в виде схемы [S=G [M(PR)=F/G [S=F]]].

Например: But after Democrats and Republicans committed to fiscal discipline during the 1990s, we lost our way in **the decade** that followed (Obama 5); But because it's not always profitable for companies to invest in basic research, throughout our history, our government has provided cutting-edge scientists and inventors with **the support** that they need (Obama 4); If you sell assets in this tax year and invest the proceeds in one of the businesses in our seed investment scheme, you will not pay a penny of capital gains tax on **the assets** that you have sold (Cameron 2); If we make the hard choices now to rein in our deficits, we can make **the investments** we need to win the future (Obama 4).

В терминах операций когнитивного конструирования инициальная подчиненная клауза служит фоном для интерпретации пропозиционального содержания главной клаузы, выступающей фигурой. Учитывая то, что определительная придаточная клауза является структурно-смысловой частью главной клаузы (они имеют общую точку референции – *the investments* и связаны отношениями структурно-смыслового инкорпорирования), фигура последовательно перемещается в конец предложения по ходу линейного разворачивания дискурса.

Так, в предложении *If we make the hard choices now to rein in our deficits, we can make the investments we need to win the future* (Obama 4), условие осуществления действия, выраженного взаимодействием главной [мы можем сделать инвестиции] и определительной [которые нам нужны для обеспечения будущего] клауз, раскрывается пропозициональным содержанием условной клаузы, следующей первой в синтагматической цепочке [при условии принятия непопулярных решений по поводу управления бюджетным дефицитом]. В фокусе внимания аудитории оказывается информация, передаваемая определительной предикацией [действия администрации президента направлены на обеспечение будущего нации].

3.2.Б.б. [Подчиненная клауза условия / времени (точка референции) [подчиненная клауза определения [главная клауза]]] – [S=G(PR)=F/G [S=F/G [M=F]]].

Например: *If there are **bright young Americans** who have the drive and the will but not the money to go to college, we can't afford to send them* (Obama 4); *At a time when it is global business partnerships, new investments and, vitally, **start-up ventures** that will help get the world back to growth, nothing symbolises the opportunity of partnership and collaboration more than the Olympics* (Cameron 7); *When we find **rules** that put an unnecessary burden on businesses, we will fix them* (Obama 3).

В описываемом случае фигура соотносится с главным предложением. Так, в предложении *When we find rules that put an unnecessary burden on businesses, we will fix them* пропозициональное содержание придаточной клаузы времени [Когда мы найдем правила...] является фоном для интерпретации пропозиционального содержания подчиненной определительной клаузы [которые обременяют предприятия], структурно и семантически дополняющей первую. В свою очередь, первая и вторая придаточные клаузы как единое структурно-семантическое целое служат фоном для интерпретации содержания главной клаузы, соотносимой с фигурой [мы их зафиксируем].

4. Взаимодействие структурно-смыслового и цепочного инкорпорирования реализуется при наличии общей точки референции:

[[инициальная предикация цели действия] **so** [присоединенная предикация результата реализации цели действия (точка референции) [подчиненная клауза определения]]].

Эта конфигурация зарегистрирована в речи Д. Кемерона. Например: *Business wants tax credits for research and development **so** they can develop the high end **products** that future countries like ours need* (Cameron 2).

Пропозициональное содержание инициальной предикации [Компании заинтересованы в налоговых кредитах на исследование и развитие] отражает желаемое состояние дел, а присоединенная предикация – цель, ради которой стоит стремиться к достижению этого состояния [для того, чтобы они могли разрабатывать высокотехнологичные продукты [в которых нуждаются страны будущего, такие как наши]]. Распределение внимания в данной конфигурации представляем такой схемой: **[I/S=G so [A/M(PR)=F/G [S=F]]]**.

В речи Д. Кемерона зарегистрировано и взаимодействие структурно-смыслового и цепочного инкорпорирования при наличии общей точки референции, осуществляемое при разрыве предикации: [инициальная предикация, соотносящаяся с клаузой причины (точка референции) [подчиненная клауза определения] (инициальная клауза)] [присоединенная предикация, соотносящаяся с главной клаузой] – **[I/S(PR)=G/F [S=F/G] so [A/M=F]]**.

Например: *The extremism we face is a distortion of Islam **so** these arguments, in part, must be made by those within Islam* (Cameron 3).

Смена фокуса и фигуры имеет линейный характер благодаря финальной позиции главной клаузы смыслового инкорпорирования.

5. Взаимодействие смыслового и цепочного инкорпорирования:

5.a. [Инициальная предикация = клауза цели действия **so that** присоединенная предикация = клауза реализации целевого действия [подчиненная клауза условия [главная клауза]]].

Эта конфигурация зарегистрирована лишь в речи Д. Кемерона. Например: *So we are going to have it properly regulated by the Bank of England*

with banks made to hold enough capital to keep them safe so that if they do fail, they can do so without the taxpayer picking up the bill (Cameron 7).

В терминах операций когнитивного конструирования, информация, отражаемая инициальной предикацией [Мы намерены обеспечить надлежащий регулятивный контроль со стороны Государственного банка Великобритании для аккумуляции банками достаточного количества капитала в целях их безопасности для того чтобы], соотносится с информацией, содержащейся в присоединенной предикации, как действие и цель действия. При этом пропозициональное содержание разрывающей ее клаузы условия соотносится с ней как условие и действие, реализующееся, несмотря на это условие [если банки все-таки падут [падение банков не отразилось на налогоплательщиках]]. Эту конфигурацию изображаем в виде такой схемы [I/S=G so that [A/M=F/G [S=F/G [(M=F)]]]].

5.6. [Подчиненная клауза причины [главная клауза = блок [клауза цели действия **so** клауза реализации цели действия]]].

Такая конфигурация встречается лишь в речи Б. Обамы. Например: *Because we rallied the world, nuclear materials are being locked down on every continent so they never fall into the hands of terrorists* (Обама 4).

Первая предикация объединяется с двумя последующими смысловым инкорпорированием, а именно – причинно-следственными отношениями. Предикации блока соотносятся как цель действия и реализация цели действия: [Так как мы объединили все страны [ядерное оружие заблокировано на всех континентах, чтобы оно не попало в руки террористам]. Движение фокуса внимания имеет вначале прогрессивный характер. С помощью этой конфигурации говорящий сужает сферу внимания аудитории и сосредоточивает его на главной предикации, соотносимой с фигурой. Эту конфигурацию представляем в виде такой схемы [I/S=G1 [A/M=F1: [A/S=G2 so [A/M=F2]]]].

Таким образом, предикации трехкомпонентных сложноподчиненных предложений речи Б. Обамы и Д. Кемерона объединяются в единое

синтаксическое целое на основе различных конфигураций структурно-смыслового и смыслового инкорпорирования, а также взаимодействия смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования, структурно-смыслового и цепочного инкорпорирования, смыслового и цепочного инкорпорирования.

Структурно-смысловое инкорпорирование обеспечивает линейную смену фона и фигуры. Разрыв составляющих синтагматической цепочки определительными клаузами позволяет дать дополнительную, важную с точки зрения говорящего, информацию о ключевой референтной сущности, соотносимой со структурно-семантическим элементом разрываемой клаузы (точкой референции).

Смысловое инкорпорирование задает как линейную, так и нелинейную смену фона и фигуры в зависимости от позиции главной клаузы. Финальная позиция главной клаузы обеспечивает прогрессивное движение фокуса, а инициальная / медиальная – регрессивное движение фокуса на соответствующих участках синтагматической цепочки. Разрыв главной клаузы используется для удержания в сфере внимания аудитории информации, содержащейся в подчиненной клаузе, разрывающей главную клаузу.

При взаимодействии смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования базовой синтаксической связью, образующей предложение, является смысловое инкорпорирование. Структурно-смысловое инкорпорирование лишь усложняет структуру главной или подчиненной клаузы. Направление движения фокуса внимания определяется местом главной клаузы в синтагматической цепочке. Фокусирование внимания аудитории на значимой информации достигается перемещением фокуса внимания в конец синтагматической цепочки с помощью расщепления подлежащего; введение значимой информации в сферу внимания аудитории – путем разрыва главной клаузы подчиненной клаузой.

Исключение составляют предложения с инициальной позицией главной клаузы, задающей эпистемические рамки действий / событий двух

последующих предикаций, образующих структурно-семантический блок, выполняющий функцию сложно организованного дополнения.

Такие предложения имеют двухуровневую структуру. Базовой связью, создающей предложение, является связь первого уровня – структурно-смысловое инкорпорирование, включающее в предложение блок-дополнение. Внутри блока предикации объединяются смысловым инкорпорированием, являющимся в данном случае связью второго уровня.

Двухуровневая структура предполагает существование фона и фигуры на обоих уровнях. Смена фоны и фигуры первого уровня имеет линейный характер. Характер смены фоны и фигуры второго уровня зависит от места в синтагматической цепочке клауз, объединяемых смысловым инкорпорированием: финальная позиция главной клаузы задает прогрессивное движение фигуры, а финальная позиция подчиненной клаузы – регрессивное. В данном случае более актуальной является фигура, задаваемая смысловым инкорпорированием.

При взаимодействии структурно-смыслового и цепочного инкорпорировании базовой синтаксической связью является цепочное инкорпорирование; структурно-смысловое инкорпорирование усложняет структуру инициальной или присоединенной предикации. Распределение фоны и фигуры имеет линейный характер.

При взаимодействии смыслового и цепочного инкорпорирования образуются предложения двухуровневой структуры. Базовой синтаксической связью является смысловое инкорпорирование. Распределение внимания зависит от позиции главной клаузы, вводимой в предложение смысловым инкорпорированием.

3.1.3. Четырехкомпонентные сложноподчиненные предложения

Сложноподчиненные предложения, состоящие из четырех предикаций, как правило, строятся на основе взаимодействия нескольких типов подчинительной связи. В чистом виде встречается только структурно-смысловое инкорпорирование.

1. Структурно-смысловое инкорпорирование актуализируется при *отсутствии* и *наличии* *общей точки референции* у объединяемых предикаций.

1.1. Конфигурация структурно-смыслового инкорпорирования при отсутствии общей точки референции: [главная клауза [подчиненная клауза дополнения [подчиненная клауза предикатива / определения [подчиненная клауза дополнения]]]] – [M=G [S=F/G [S=F/G [S=F]]]].

Например: *They think whether someone is an extremist is dependent on how much they observe their religion* (Cameron 6); *They knew that eventually, the Baby Boom generation would retire, which meant a much bigger portion of our citizens would be relying on programs like Medicare, Social Security, and possibly Medicaid* (Obama 5).

Поскольку при структурно-смысловом инкорпорировании информация, содержащаяся в каждой последующей предикации, профилируется относительно домена, определяемого пропозициональным содержанием предыдущей предикацией и служащего базой для ее интерпретации, распределение внимания осуществляется путем перемещения фокуса внимания в конец синтагматической цепочки на основании последовательной смены фона фигурой.

1.2. Конфигурация структурно-смыслового инкорпорирования при наличии общей точки референции: [главная клауза (точка референции) [подчиненная клауза определения [подчиненная клауза дополнения (точка референции) [подчиненная клауза определения]]]] – [M (PR)=G/F [S=F/G [S (PR)=F/G [S=F]]]].

Данная конфигурация встречается только в речи Б. Обамы. Например: *It's **a vision** that says America can't afford to keep the promise we've made to care for our seniors* (Obama 5).

В когнитивных терминах распределение внимания осуществляется так же, как и в конфигурации [M=G [S=F/G [S=F/G [S=F]]]], с той разницей, что точка референции позволяет фокусировать внимание на наиболее важных, с точки зрения говорящего, составляющих пропозиции, и в то же время удерживать в сфере внимания всю остальную информацию.

Структурно-смысловое инкорпорирование при наличии общей точки референции может осуществляться с разрывом предикации:

1.2.а. [Главная клауза [подчиненная клауза дополнения (точка референции) [подчиненная клауза определения] (подчиненная клауза дополнения (точка референции)) [подчиненная клауза определения]]] – [M=G [S (PR)=F/G [S-F/G] (S (PR)=F/G) [S=F]]].

Такая подчинительная связь зарегистрирована нами только в речи Б. Обамы. Например: *And we must always remember that the Americans who have borne the greatest burden in this struggle are the men and women who serve our country* (Obama 4).

Разрыв предикации объясняется необходимостью дать дополнительную информацию о референтной сущности, обозначенной лексемой *Americans*.

1.2.б. [Главная клауза (точка референции) [подчиненная клауза определения] (главная клауза (точка референции)) [подчиненная клауза определения] (главная клауза (точка референции)) [подчиненная клауза определения]] – [M (PR)=G/F [S=F/G] (M (PR)=F/G) [S=F/G] (M (PR)=F/G) [S=F]].

Например: *It's about a firefighter who can download the design of a burning building onto a handheld device; a student who can take classes with a digital textbook; or a patient who can have face-to-face video chats with her doctor* (Обама; 4); *Around the globe, we're standing with those who take responsibility – helping farmers grow more food, supporting doctors who care for the sick, and combating the corruption that can rot a society and rob people of opportunity* (Обама; 4)

В этих предложениях главная клауза имеет три общих точки референции с определительными клаузами, две из которых разрывают главную клаузу, поставляя информацию о соответствующих референтных сущностях. Фокус внимания имеет линейный характер движения.

1.3. Расщепление подлежащего: [главная клауза [подчиненная клауза дополнения (структурное подлежащее) [подчиненная клауза предикатива

[подчиненная клауза подлежащего] (подчиненная клауза предикатива))] – [M=G [S (It(Sbj)=F/G) [S(Sbj)=F/G[(S=F)]]]].

В данном случае расщепление подлежащего сопровождается разрывом предикации. Данная конфигурация встречается только в речи Б. Обамы. Например: *We need to teach our kids that it's not just the winner of the Super Bowl who deserves to be celebrated, but the winner of the science fair* (Obama 4).

Такая синтаксическая аранжировка позволяет говорящему расставить информационные фокусы в порядке возрастания их значимости.

2. Взаимодействие смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования реализуется при *отсутствии* и *наличии общей точки референции*.

2.1. Взаимодействие смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования при отсутствии общей точки референции актуализируется в таких конфигурациях.

2.1.A. Инициальная позиция главной клаузы: [главная клауза [подчиненная клауза расширения [подчиненный блок дополнения = [подчиненная клауза уступки [главная клауза]]]]] – [M=G1 [S=F1: [S=G2 [M=F2]]]].

Эта конфигурация отмечена нами только в речи Д. Кемерона. Например: *I am proud that this year Britain welcomed the world to the Olympic and Paralympic games and put on a great display showing that while we may only have the 22nd largest population, we can roll out one of the warmest welcomes in the world* (Cameron 8)

В терминах когнитивных операций управления вниманием главная клауза вместе с неразрывно с ней связанной подчиненной клаузой расширения служат фоном по отношению к информации, отображаемой блоком дополнения. Предикации блока дополнения объединены отношениями уступки, причем подчиненная клауза уступки занимает финальную позицию. Поскольку в такого рода предложениях функцию фигуры выполняет главная клауза второго уровня подчинения (т.е. главная клауза уступки), фокус

внимания последовательно перемещается вперед по ходу разворачивания синтагматической цепочки.

2.1.Б. Инициальная позиция подчиненной клаузы, вводимой в предложение смысловым инкорпорированием:

2.1.Б.а. [Подчиненная клауза времени [главная клауза [подчиненная клауза расширения [подчиненная клауза дополнения]]]] – [S=G [M=F/G [S=F/G [S=F]]]].

Такая конфигурация встречается только в речи Д. Кемерона. Например: As evidence emerges about the backgrounds of those convicted of terrorist offences, it is clear that many of them were initially influenced by what some have called 'non-violent extremists' (Cameron 6).

В когнитивном аспекте пропозициональное содержание временной клаузы [По мере появления материалов о прошлом обвиняемых в террористических актах], включенной в предложение смысловым инкорпорированием, служит фоном для интерпретации пропозиционального содержания главной клаузы [ясно, что]. Главная клауза неразрывно связана с двумя следующими за ней в синтагматической цепочке подчиненными клаузами расширения [многие из них первоначально находились под влиянием] и дополнения [тех, кого некоторые называют «ненасильственными экстремистами»], встроенными в предложение на основе структурно-смыслового инкорпорирования. Следовательно, временная клауза служит фоном для интерпретации и этих предикаций. Фокус внимания движется вперед по мере разворачивания синтагматической цепочки.

2.1.Б.б. [Подчиненная клауза причины [подчиненная клауза дополнения [главная клауза [подчиненная клауза дополнения]]]] – [S=G [S=F/G [M=F/G [S=F]]]].

Такая последовательность зарегистрирована нами только в речи Б. Обамы. Например: Because you deserve to know when your elected officials are meeting with lobbyists, I ask Congress to do what the White House has already done – put that information online (Obama 4).

В когнитивном аспекте пропозициональное содержание придаточной клаузы причины [Поскольку вы заслуживаете знать], включенной в предложение смысловым инкорпорированием, служит фоном для интерпретации пропозиционального содержания следующей за ней дополнительной клаузы [когда выбранные вами чиновники встречаются с лоббистами], встроенной в предложение структурно-смысловым инкорпорированием, и неразрывно связанной с ней как структурно, так и семантически. Взаимодействующие придаточные клаузы причины и дополнения как единое структурно-семантическое целое составляют фон для интерпретации главной клаузы [Я попросил Конгресс сделать], включая структурно-семантическую часть этой клаузы, представленную придаточной дополнительной клаузой, встроенной в предложение структурно-смысловым инкорпорированием [то, что Белый Дом уже сделал – выложил информацию в Интернет]. Благодаря такой синтаксической аранжировке фокус внимания последовательно перемещается в конец синтагматической цепочки.

2.1.B. *Расщепление подлежащего*: [[главная клауза (структурное подлежащее)] подчиненная клауза времени [подчиненная клауза подлежащего] вводная клауза [(подчиненная клауза подлежащего)]] – [[M It(Sbj)=G] S=F/G [S(Sbj)=F/G] S=F/G [(S=F)]].

Например: ***It was also probably the first time in history as we stood behind that barbecue that I can say a British prime minister has given an American president a bit of a grilling*** (Cameron 5).

В данном случае расщепление подлежащего происходит при разрыве подчиненной клаузы подлежащего. В когнитивных терминах пропозициональное содержание придаточной временной клаузы служит фоном для интерпретации содержания главной клаузы, содержащей структурное подлежащее. Расщепление подлежащего и постановка смыслового подлежащего, выраженного придаточной клаузой, в конец синтагматической цепочки позволяют говорящему придать фигуре прогрессивный характер движения. Вводная клауза, разрывающая придаточную клаузу подлежащего,

служит фоном по отношению к содержанию придаточной клаузы подлежащего, соотносимой с фигурой.

2.2. Взаимодействие смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования при наличии общей точки референции актуализируется в таких конфигурациях.

2.2.A. Инициальная позиция главной клаузы:

2.2.A.a. [[Главная клауза] подчиненная клауза условия [подчиненная клауза дополнения (точка референции) [подчиненная клауза определения]]] – [[M=F] S=F/G [S (PR)=F/G [S=F/G]]].

Данный вид связи встречается только в речи Д. Кемерона. Например: *Now, clean energy breakthroughs will only translate into clean energy jobs if businesses know there will be **a market** for what they're selling* (Cameron 1).

В терминах когнитивных операций управления вниманием пропозициональное содержание, отражаемое структурно-смысловой цепочкой из второй, третьей и четвертой подчиненных клауз ([если компании будут знать [что будет рынок сбыта [на их продукцию]]]), является фоном по отношению к содержанию главной клаузы [Экологически чистые технологические новинки превратятся в экологически чистые специальности]. Для понимания содержания последующих клауз аудитории необходимо удерживать в сфере внимания пропозициональное содержание главной клаузы. Соответственно, в данной конфигурации наблюдается как прогрессивное, так и регрессивное движение фокуса внимания.

2.2.A.б. [Главная клауза (точка референции) [подчиненная клауза определения [подчиненный блок дополнения = [подчиненная клауза условия / уступки [главная клауза]]]]] – [M (PR)=G1 [S=F1: [S=G2 [M=F2]]]].

*It's **a vision** that says if our roads crumble and our bridges collapse, we can't afford to fix them* (Obama 5); *That is **the sort of badge** that you think once you've lost, you will never get back* (Cameron 2); *Next, there are **those** who say that, whatever may have been achieved elsewhere, in Syria, the Arab Spring has unleashed a vortex of sectarian violence and hatred with the potential to destroy the region* (Obama 3).

В терминах операций когнитивного конструирования, главная клауза, как, например, в предложении (Cameron 2) *That is the sort of badge that you think once you've lost, you will never get back* [Это вид знака] является фоном по отношению к определительной придаточной клаузе [который означает]. В свою очередь, пропозициональное содержание двух первых предикаций, объединенных структурно-смысловой связью, составляет фон для двух последующих предикаций, объединенных смысловой связью. Это происходит потому, что структурно-смысловая связь дополнения устанавливает эпистемические рамки действий/состояний, отображаемых предикациями, связанными смысловым инкорпорированием. Третья и четвертая предикации, объединены отношениями условия: условная клауза [если однажды его потеряете] служит фоном для дополнительной клаузы, соотносимой с фигурой [вы никогда не получите его обратно].

В предложении *Next, there are **those** who say that, whatever may have been achieved elsewhere, in Syria, the Arab Spring has unleashed a vortex of sectarian violence and hatred with the potential to destroy the region* (Obama 3) пропозициональное содержание, отражаемое синтагматической цепочкой, встраиваемой в предложение с помощью структурно-смыслового инкорпорирования [существуют те [которые говорят, что]], является фоном для интерпретации пропозиционального содержания дополнительного блока. Предикации блока связаны смысловым инкорпорированием [чего бы мы не достигли в любом другом регионе [в Сирии Арабская весна разбудила вихрь межрелигиозной жестокости и ненависти, способных разрушить регион в будущем]]. В рамках дополнительного блока придаточная клауза уступки служит фоном для главной клаузы, соотносимой с фигурой.

2.2.А.в. Две следующих конфигурации реализуются при разрыве предикации:

2.2.А.в.(а). [Главная клауза [подчиненная клауза дополнения (точка референции) [подчиненная клауза определения] вводная клауза [(подчиненная клауза определения)]]] – [M=G [S (PR)=F/G [S=F/G] S=F/G [(S=F)]]].

Такая конфигурация встречается только в речи Д. Кемерона. Например:
I hope these are just the first in a long line of deals that I hope we can do, with further billions of pounds of deals expected to be announced this summer, creating and safeguarding jobs across the UK (Cameron 2).

В терминах операций когнитивного конструирования смена фона и фигуры задается структурно-смысловым инкорпорированием: каждая предшествующая клауза является фоном для интерпретации содержания последующей клаузы. Разрыв определительной клаузы вводной клаузой позволяет говорящему внедрить в сферу внимания аудитории информацию о его личной заинтересованности в наступлении событий, отражаемых разорванной предикацией.

2.2.А.в.(б). [[[Главная клауза] подчиненная клауза причины] подчиненная клауза времени (точка референции) [подчиненная клауза определения] (подчиненная клауза времени) [(подчиненная клауза причины)]] – [[[M=F] S=F/G] S (PR)=F/G [S=F/G] (F/G) [(S=F/G)]]].

Такая конфигурация встречается только в речи Д. Кемерона. Например:
At the G20 in Mexico, I fought hard to advance a trade deal between the US and the EU, because when two continents that account for more than half of the world's total trade liberalise their trade, the benefits to growth could be felt all over the planet (Cameron 2).

Данная конфигурация реализуется также при двойном разрыве, а именно: разрыве подчиненной предикации, включаемой в предложение смысловым инкорпорированием, предикацией, вводимой в предложение смысловым инкорпорированием, а также разрыве подчиненной предикации, включаемой в предложение смысловым инкорпорированием, предикацией, вводимой в предложение структурно-смысловым инкорпорированием.

В терминах когнитивных операций управления вниманием пропозициональное содержание подчиненной клаузы причины является фоном для интерпретации содержания главной клаузы. В свою очередь, временная клауза, разрывающая придаточную причины, определяет временные рамки

совершения действий, обозначенных пропозициональным содержанием придаточной клаузы причины. Определительная клауза, разрывающая придаточную клаузу времени, предоставляет уточняющую информацию о ключевой референтной сущности *two continents*, соотносящейся с подлежащим придаточной времени. Следовательно, для этой конфигурации характерно как прогрессивное, так и регрессивное движение фигуры.

2.2.Б. Инициальная позиция подчиненной клаузы, включенной в предложение смысловым инкорпорированием:

2.2.Б.а. [Подчиненная клауза уступки [главная клауза [подчиненная клауза дополнения (точка референции) [подчиненная клауза определения]]]] – [S=G [M=F/G [S (PR)=F/G [S=F]]]].

Такой вид взаимодействия синтаксических связей встречается только в речи Б. Обамы. Например: *And yet, as contentious and frustrating and messy as our democracy can sometimes be, I know there isn't a **person here** who would trade places with any other nation on Earth* (Obama 10).

В терминах операций когнитивного конструирования подчиненная клауза уступки [Какой бы спорной, разочаровывающей, запутанной ни была наша демократия] служит фоном по отношению к структурно-смысловой цепочке из главной, дополнительной и определительной клауз [я знаю, что [здесь нет человека [который бы поменялся местами с гражданином другой страны на всей планете]]]. Фигура последовательно сдвигается в конец цепочки с каждой новой предикацией.

2.2.Б.б. [Подчиненная клауза уступки [подчиненная клауза дополнения [главная клауза (точка референции) [подчиненная клауза определения]]]] – [S=G [S=F/G [M (PR)=F/G [=F]]]].

Такой вид взаимодействия подчинительных связей встречается только в речи Б. Обамы. Например, *And if our creditors start worrying that we may be unable to pay back our debts, it could drive up interest rates for **everyone** who borrows money – making it harder for businesses to expand and hire, or families to take out a mortgage* (Obama 5).

Пропозициональное содержание структурно-смысловой цепочки из клауз условия и дополнения [И если наши кредиторы начнут волноваться о том, что [мы не сможем выплатить кредиты]] является фоном для интерпретации пропозиционального содержания структурно-смысловой цепочки из главной и определительной клауз [это может привести к росту процентной ставки для каждого [кто хочет взять кредит, усложняя ситуацию с ростом бизнеса и с семейным кредитованием]]. Соответственно, фигура последовательно сдвигается в конец цепочки с каждой новой предикацией.

2.2.Б.в. [Подчиненная клауза условия (точка референции) [подчиненная клауза определения [главная клауза [подчиненная клауза дополнения]]]] – [S (PR)=G/F [S=G/F [M=G/F [S=F]]]].

Например: *If they want **an example** of how Western values and Islam can be entirely compatible, they should look at what's happened in the past few weeks on the streets of Tunis and Cairo* (Cameron 6).

В когнитивном аспекте пропозициональное содержание структурно-смысловой цепочки из клауз условия и определения [Если они хотят пример [того, как западные ценности и ислам могут гармонировать]] создает фон для интерпретации пропозиционального содержания структурно-смысловой цепочки из главной и дополнительной клауз [они должны посмотреть [на то, что происходило на протяжении нескольких последних недель в Тунисе и Каире]]. Следовательно, здесь, как и в двух предыдущих случаях, наблюдается прогрессивное движение фигуры.

Таким образом, предикации четырехкомпонентных сложноподчиненных предложений речи Б. Обамы и Д. Кемерона объединяются на основе различных конфигураций структурно-смыслового инкорпорирования, взаимодействия смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования, а также взаимодействия структурно-смыслового, смыслового и цепочного инкорпорирования.

В конфигурациях структурно-смыслового инкорпорирования имеет место прогрессивное движение фокуса внимания.

При взаимодействии смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования базовой связью, образующей предложение, является смысловое инкорпорирование; структурно-смысловое инкорпорирование усложняет структуру главной или подчиненных клауз. Направление движения фокуса внимания определяется местом главной клаузы в синтагматической цепочке: финальная позиция главной клаузы обеспечивает прогрессивное движение фокуса, а инициальная – регрессивное – на соответствующих участках синтагматической цепочки.

Фокусирование внимания аудитории на определенной информации достигается перемещением фокуса внимания в конец синтагматической цепочки с помощью расщепления подлежащего.

Разрыв предикации выполняет различные функции в зависимости от типа «разрывающей» клаузы: клаузы, включаемые в предложение смысловым инкорпорированием, позволяют удерживать в сфере внимания аудитории отображаемую ими информацию; определительные клаузы, вводимые в предложение структурно-смысловым инкорпорированием, поставляют новую информацию об определенных референтных сущностях.

При взаимодействии смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования выделяются конфигурации особого типа, где роль базовой синтаксической связи отводится структурно-смысловому инкорпорированию. Эти конфигурации организуют предикации сложноподчиненных предложений двухуровневой структуры: структурно-смысловое инкорпорирование включает в предложение блок-дополнение (первый уровень подчинения), внутри которого предикации объединяются отношениями условия / уступки (второй уровень подчинения). Оба уровня имеют свой фон и фигуру; более значима фигура второго уровня. Помимо организации двухуровневого подчинения на базе отношений дополнения структурно-смысловое инкорпорирование усложняет структуру главной клаузы на основе отношений расширения / определения.

3.1.4. Пятикомпонентные сложноподчиненные предложения

Сложноподчиненные предложения, состоящие из пяти предикаций, в речи Б. Обамы и Д. Кемерона строятся на основе структурно-смыслового инкорпорирования или же взаимодействия структурно-смыслового и смыслового инкорпорирования.

1. Структурно-смысловое инкорпорирование реализуется при наличии общей точки референции и разрыве предикации: [главная клауза (точка референции) [подчиненная клауза определения] (главная клауза) [подчиненная клауза определения (точка референции) [подчиненная клауза определения [подчиненная клауза дополнения]]]] – [M (PR)=G/F [S=F/G] (M (PR)=F/G) [S (PR)=F/G [S=F/G [S=F]]]].

Например: *The health **insurance law** we passed last year will slow these rising costs, which is part of the reason that nonpartisan economists have said that repealing the health care law would add a quarter of a trillion dollars to our deficit* (Obama 4).

В терминах операций когнитивного конструирования главная разорванная клауза является фоном для первой и второй определительных клауз, структурно ее восполняющих: [Закон о государственном медицинском страховании [который мы приняли в прошлом году] (замедлит рост расходов) [что отчасти является причиной того, что]]. Вторая определительная клауза является фоном для интерпретации содержания третьей определительной клаузы [экономисты заявляют, что...], которая, в свою очередь, является фоном для интерпретации содержания дополнительной придаточной клаузы [аннулирование закона о государственном страховании добавит около четверти миллиарда долларов к нашему дефициту].

2. Взаимодействия смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования имеет место при наличии общей точки референции:

2.A. Инициальная позиция главной клаузы: [[главная клауза (точка референции) [подчиненная клауза определения]] подчиненная клауза времени (точка референции) [подчиненная клауза определения [подчиненная клауза дополнения]]] – [[M=(PR)=F [S=F/G]] S (PR)=F/G [S=F/G [S=F/G]]].

Например: *And Race to the Top should be **the approach** we follow this year as we replace No Child Left Behind with **a law** that's more flexible and focused on what's best for our kids* (Obama 4).

Данное сложноподчиненное предложение базируется на смысловом инкорпорировании, объединяющем главную и подчиненную предикации, усложненные структурно-смысловым инкорпорированием. В терминах операций когнитивного конструирования главная клауза [Гонка за первенство должна быть направлением] является фоном для подчиненной определительной клаузы [которым мы будем руководствоваться в этом году], составляющей ее неотъемлемую структурно-смысловую часть. Подчиненная времени [когда мы заменим Закон «Ни одного отстающего ребенка» законом] является фоном для определительной клаузы [который является более гибким и сфокусированным на том что], а определительная клауза – фоном для дополнительной клаузы [является самым лучшим для ребенка]. Вместе с тем, как единое структурное целое, сложно организованная временная клауза является фоном по отношению к сложно организованной главной клаузе, соотносимой с фигурой. Соответственно, наблюдается как прогрессивное, так и регрессивное движение фигуры: аудитории приходится удерживать в сфере внимания пропозициональное содержание главной клаузы.

2.Б. Инициальная позиция подчиненной клаузы, включенной в предложение смысловым инкорпорированием: [[подчиненная клауза времени [главная клауза [подчиненная клауза дополнения (точка референции) [подчиненная клауза определения]]]] подчиненная клауза уступки] – [[S=G [M=F/G [S (PR)=F/G [S=F]]] S=G].

Например: *At a time when too many of our people are out of work, we agree that we've got to stay focused on creating a growth in **jobs** that put our people back to work even as both our countries make difficult choices to put our fiscal houses in order* (Obama 9).

Придаточная клауза времени [В то время, когда многие наши сограждане остались без работы], включаемая в предложение смысловым

инкорпорированием, задает временные рамки и служит фоном для интерпретации событий, отражаемых синтагматической цепочкой, вводимой в предложение структурно-смысловым инкорпорированием [мы единодушны [в том, что должны сосредоточиться на повышении количества рабочих мест [благодаря которым люди смогут вернуться к работе]]]. Придаточное уступки [даже в сложных условиях, когда наши страны пытаются навести порядок в финансовой политике] служит фоном по отношению ко всей остальной части предложения.

Взаимодействие смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования при наличии общей точки референции с инициальной позицией подчиненной клаузы может осуществляться при разрыве предикации: [вводная клауза [подчиненная клауза подлежащего [главная клауза (точка референции) [подчиненная клауза определения] (главная клауза (точка референции)) [подчиненная клауза определения]]]] – [S=G [[S=F/G [M (PR=F/G [S=F/G] (M (PR))=F/G [=F]]]]].

Данная конфигурация встречается только в речи Д. Кемерона. Например: *As Chancellor Merkel's government is showing here in Germany what matters is not bureaucracy – which frankly Europe needs a lot less of – but the political will to build the military capability we need, as nations and allies, to deliver in the field.* (Cameron 6).

В терминах операций когнитивного конструирования придаточное вводное [Как правительство Ангелы Меркель показывает здесь, в Германии] является фоном для интерпретации последующей структурно-смысловой цепочки [то что имеет значение [есть не бюрократия [в которой, откровенно говоря, Европа не сильно нуждается], а политическая воля создать военный потенциал, [который необходим нам как нациям и союзникам для осуществления планов]]]]. Разрыв главной клаузы дает возможность говорящему предоставить необходимую дополнительную информацию о ключевой референтной сущности, обозначенной лексемой *bureaucracy*.

Таким образом, предикации пятикомпонентных сложноподчиненных предложений речи Б. Обамы и Д. Кемерона объединяются на основе

конфигураций структурно-смыслового инкорпорирования, а также взаимодействия смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования.

Как и в трех- и четырехкомпонентных предложениях, в конфигурациях структурно-смыслового инкорпорирования имеет место прогрессивное движение фокуса внимания.

При взаимодействии смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования роль базовой связи, образующей предложение, принадлежит смысловому инкорпорированию. Структурно-смысловое инкорпорирование усложняет структуру главной или подчиненных клауз. Направление движения фокуса внимания определяется местом главной клаузы в синтагматической цепочке. Разрыв главной клаузы определительной клаузой позволяет говорящему сообщить новую дополнительную информацию о соответствующих референтных сущностях.

3.1.5. Шестикомпонентные сложноподчиненные предложения

Сложноподчиненные предложения, состоящие из шести предикаций, зарегистрированы только в речи Б. Обамы. Конфигурации таких предложений строятся на основе **взаимодействия структурно-смыслового и смыслового инкорпорирования**: [подчиненная клауза времени [главная клауза (точка референции) [подчиненная клауза определения]] подчиненная клауза уступки (точка референции) [подчиненная клауза определения (точка референции) [подчиненная клауза определения]]] – [S=G [M (PR)=F/G [S=F/F]] S (PR)=F/G [S (PR)=F/G [S=F/G]]].

Например: *As we go forward, we want to honor our fallen warriors with **the respect and gratitude** that they deserve --- whether it's here at Dover, or in **the small British town of Wootton Bassett**, where people line the streets in **a solemn tribute that represents the best of the British character** (Obama 3).*

В терминах операций когнитивного конструирования придаточная клауза времени [По мере того, как мы продвигаемся вперед] является фоном по отношению к остальной части предложения, поскольку она устанавливает

временные рамки всех действий и состояний, о которых идет речь в предложении. Неотъемлемой структурно-смысловой частью главной клаузы [хотим почтить память погибших воинов с уважением и благодарностью] есть первая определительная клауза [которых они заслуживают]. Подчиненная клауза уступки [как здесь, в Дувре, так и в небольшом британском городе Вуттон Бассет] неразрывно связана со второй и третьей определительными клаузами [где люди массово выходят на улицы торжественно помянуть погибших [что представляет собой лучшую черту британского характера]]. Как единое структурное целое сложно организованная клауза уступки является фоном по отношению к главной клаузе. Следовательно, фокус внимания движется сначала в прогрессивном, а затем – регрессивном направлении.

Взаимодействие смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования может происходить *при разрыве предикации*.

Синтагматическая цепочка имеет такой вид: [главная клауза [подчиненный блок дополнения = [главная клауза] подчиненная клауза условия (точка референции) [подчиненная клауза определения] (главная клауза) [подчиненная клауза сравнения]]] – [M=G1 [S=F1: [M F2/G2] S (PR)=F2/G2 [S=G2] (M=F2/G2) [S=F2]]].

Данная конфигурация встречается только в речи Б. Обамы. Например: *It says that ten years from now, if you're a 65 year old who's eligible for Medicare, you should have to pay nearly \$6,400 more than you would today* (Obama 5).

В терминах операций когнитивного конструирования главная клауза [Там говорится] является фоном для всей остальной части предложения, поскольку она устанавливает эпистемические рамки событий, о которых идет речь. Остальная часть предложения представляет собой дополнительный блок, внутри которого сложно организованные главная и подчиненная клаузы связаны отношениями условия второго уровня подчинения. Главная клауза блока разрывается подчиненной клаузой условия. Обе клаузы (и главная, и подчиненная) имеют сложную структуру. Главная клауза связана

структурно-семантическим инкорпорированием со сравнительной клаузой, а клауза условия – с определительной клаузой: [что через 10 лет [если вам 65 лет [что дает вам право на государственное медицинское обслуживание престарелых]] (вам придется заплатить на 6400 долларов больше [чем вы бы заплатили сегодня]]). Фокус внимания приходится на финальную предикацию, являющуюся структурной частью главной клаузы второго уровня подчинения. Разрыв предикаций позволяет говорящему расставить информацию по мере возрастания значимости.

Таким образом, шестикомпонентные сложноподчиненные предложения, зарегистрированные только в речи Б. Обамы, строятся на основе взаимодействия структурно-смыслового и смыслового инкорпорирования.

В предложениях одноуровневого подчинения базовой связью, образующей предложение, является смысловое инкорпорирование. Структурно-смысловое инкорпорирование усложняет структуру главной или подчиненных клауз. Фокус внимания определяется местом главной клаузы в синтагматической цепочке.

В предложениях двухуровневого подчинения базовой связью, образующей предложение, является структурно-смысловое инкорпорирование. Фокус внимания определяется местом в синтагматической цепочке главной клаузы второго уровня подчинения. Разрыв главной предикации второго уровня подчинения позволяет говорящему поместить наиболее значимую информацию в конец синтагматической цепочки.

3.2. Распределение внимания в сложноподчиненных предложениях с вкраплением сочинения

Сложноподчиненные предложения с вкраплением подчинения в речи Б. Обамы и Д. Кемерона представлены двух-, трех-, четырех-, пяти- и шестикомпонентными синтаксическими структурами.

3.2.1. Трехкомпонентные сложноподчиненные предложения с вкраплением сочинения

В речи Б. Обамы и Д. Кемерона трехкомпонентные сложноподчиненные предложения с вкраплением сочинения строятся на основе взаимодействия структурно-смыслового и смыслового инкорпорирования с цепочным присоединением.

1. Взаимодействие структурно-смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения реализуется при *отсутствии* и *наличии* *общей точки референции*.

1.1. Взаимодействие структурно-смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения при отсутствии общей точки референции актуализируется такими конфигурациями:

1.1.A. Инициальная позиция главной клаузы:

1.1.A.a. Добавление информации: [главная клауза [[подчиненная клауза дополнения / расширения] and (добавление) [подчиненная клауза дополнения / расширения]]] – [M=G [[S=F/G] and [S=F]]].

Например: *You need to know that the public finances are under control and that your businesses aren't suddenly going to be crippled by uncertainty or by high interest rates* (Cameron 7); *Only parents can make sure the TV is turned off and homework gets done* (Obama 4).

Главная клауза служит фоном для интерпретации пропозиционального содержания двух подчиненных клауз, соединенных цепочным присоединением (сочинительная связь: добавление информации). Поскольку и при структурном инкорпорировании, и при цепочном присоединении наблюдается линейная смена фона и фигуры, в данном случае с каждой последующей предикацией фигура последовательно сдвигается вперед, в конец синтагматической цепочки.

1.1.A.б. Выбор информации: [главная клауза [[подчиненная клауза дополнения] or (выбор информации) [подчиненная клауза дополнения]]] – [M=G [[S=F/G] or [S=F]]].

Например: Например: *None of us can predict with certainty what the next big industry will be **or** where the new jobs will come from* (Обама 4).

В данной конфигурации распределение фона и фигуры происходит таким же образом, как и в конфигурации $[M=G \text{ } [[S=F/G] \text{ and } [S=F]]]$.

1.1.Б. Инициальная позиция подчиненных клауз: $[[\text{подчиненная клауза подлежащего}] \text{ and (добавление) } [\text{подчиненная клауза подлежащего}] \text{ } [\text{главная клауза}]] - [[S=G/F] \text{ and } [S=G/F] \text{ } [M=F]]$.

Например: *What we can do – what America does better than anyone else – is spark the creativity and imagination of our people* (Обама 4).

В данном случае две подчиненных клаузы подлежащего, связанных отношениями сочинения, являются неотъемлемой структурной частью главной предикации. Фокус внимания имеет линейное направление движения. При этом, благодаря тесной структурно-семантической связи предикаций, интерпретатор удерживает в сфере внимания пропозициональное содержание двух подлежащих предикаций для понимания остающейся части предложения.

1.2. Взаимодействие структурно-смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения при наличии общей точки референции реализуется такими синтагматическими цепочками:

1.2.А. Инициальная позиция главной клаузы: $[\text{главная клауза (точка референции)} \text{ } [[\text{подчиненная клауза определения}] \text{ and (добавление) } [\text{подчиненная клауза определения}]]] - [M \text{ } (PR=G/F \text{ } [[S=F/G] \text{ and } [S=F]])]$.

Например: *Mr President, there is no **doubt** that we are in the midst of profound change **and** that many uncertainties lie ahead* (Cameron 8); *We moved on to discuss **Afghanistan** where we are the two largest contributors of forces to the international mission **and** where our forces continue to make extraordinary sacrifices* (Обама 9).

В представленной конфигурации распределение фона и фигуры происходит таким же образом, как и в конфигурации $[M=G \text{ } [[S=F/G] \text{ and } [S=F]]]$, с той разницей, что точка референции, общая для двух предикаций,

объединенных цепочным присоединением, создает условия для удерживания в сфере внимания пропозиционального содержания главной предикации.

2. Взаимодействие смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения происходит при инициальной позиции подчиненных клауз. Отличием этого типа взаимодействия является тот факт, что цепочное присоединение может объединять не только две подчиненных клаузы, но и две главных клаузы.

2.1. Цепочное присоединение главных клауз: [подчиненная клауза условия [[главная клауза] and (добавление) [главная клауза]]] – [S=G [[M=F/G] and [M=F]]].

Например: *If they succeed, there is new hope for those living there, and there is hope of a better and safer world for all of us* (Cameron 5).

В данной конфигурации пропозициональное содержание подчиненной клаузы условия является фоном по отношению к пропозициональному содержанию двух главных клауз, объединенных сочинительной связью (добавление информации). Поскольку при цепочном присоединении наблюдается линейная смена фона и фигуры, фокус внимания последовательно движется вперед в конец синтагматической цепочки.

2.2. Цепочное присоединение подчиненных клауз: [[подчиненная клауза условия] – (добавление) [подчиненная клауза условия [главная клауза]]] – [[S=G] – [S=F/G [M=F]]].

Например: *But if we want to win the future – if we want innovation to produce jobs in America and not overseas – then we also have to win the race to educate our kids* (Obama 4).

Пропозициональное содержание двух подчиненных клауз условия, объединенных сочинительной связью (добавление информации), является фоном по отношению к пропозициональному содержанию главной клаузы. Здесь, как и в предыдущем случае, наблюдается линейное движение фигуры.

Таким образом, трехкомпонентные сложноподчиненные предложения с вкраплением сочинения образуются на основе взаимодействия структурно-

смыслового и смыслового инкорпорирования с цепочным присоединением.

В обоих случаях базовой связью является подчинение.

При взаимодействии структурно-смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения наблюдается прогрессивное движение фигуры, свойственное обоим взаимодействующим типам связи.

При взаимодействии смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения направление фигуры определяется местом в синтагматической цепочке предикаций, выполняющих функцию главной клаузы подчинения.

3.2.2. Четырехкомпонентные сложноподчиненные предложения с вкраплением сочинения

Четырехкомпонентные сложноподчиненные предложения с вкраплением сочинения в речи Б. Обамы и Д. Кемерона строятся на основе взаимодействия структурно-смыслового инкорпорирования с цепочным присоединением, а также взаимодействия структурно-смыслового, смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения.

1. Взаимодействие структурно-смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения происходит при *отсутствии* и *наличии* *общей точки референции*.

1.1. Взаимодействие структурно-смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения при отсутствии общей точки референции актуализируется такими конфигурациями:

1.1.A. Инициальная позиция главной клаузы: [главная клауза [[подчиненная клауза предикатива], [подчиненная клауза предикатива] and [подчиненная клауза предикатива]]] – [M=G/F [[=F/G], [S=F/G] and [=F]]].

Например: *It's why our food is safe to eat, our water is safe to drink, and our air is safe to breathe* (Obama 4); *And this is why we mobilize the international community to protect the Libyan people from Colonel Gadhafi's regime, why we will continue to enforce U.N. resolutions with our allies and why we restate our position much more* (Cameron 5).

В данной конфигурации главная клауза служит фоном для интерпретации пропозиционального содержания трех подчиненных клауз, соединенных цепочным присоединением (сочинительная связь: добавление информации). Поскольку и при структурном инкорпорировании, и при цепочном присоединении наблюдается линейная смена фона и фигуры, в данном случае с каждой последующей предикацией фокус внимания последовательно сдвигается вперед, в конец синтагматической цепочки.

1.1.Б. Инициальная позиция подчиненной клаузы:

1.1.Б.а. [[Подчиненная клауза подлежащего] and [подчиненная клауза подлежащего] главная клауза [подчиненная клауза предикатива]] – **[[S=G/F] and [S=F/G] M=F/G [S=F]]**.

Например: *What's undeniable, though, and what we can never forget is that our forces are making very real progress* (Obama 9).

В этом случае две подчиненных клаузы подлежащего, связанных отношениями сочинения, являются неотъемлемой структурной частью главной предикации, состоящей из глагола-связки, вводящего предикатив, выраженный третьей подчиненной предикацией. Фокус внимания имеет линейное направление движения.

1.1.Б.б. [Подчиненная клауза подлежащего [главная клауза [[подчиненная клауза дополнения] but (противопоставление) [подчиненная клауза дополнения]]]] – **[S=G/F [M=F/G [[S=F/G] but [S=F]]]]**.

Например: *What comes of this moment will be determined not by whether we can sit together tonight, but whether we can work together tomorrow* (Obama 4).

Подчиненная клауза подлежащего, занимающая инициальную позицию в синтагматической цепочке, составляет неотъемлемую структурно-семантическую часть следующей за ней главной клаузы, имеющей дополнение, выраженное двумя подчиненными предикациями, объединенными сочинительной связью противопоставления. Фокус внимания имеет прогрессивный характер движения.

1.2. Взаимодействие структурно-смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения при наличии общей точки референции выявляется в таких конфигурациях с инициальной позицией главной клаузы:

1.2.а. [Главная клауза (точка референции) [подчиненная клауза определения [[подчиненная клауза дополнения], (добавление) [подчиненная клауза дополнения]]]] – [M (PR)=G/F [S=F/G [[S=F/G], [S=F]]]].

Например: *First of all, there are those who say there has been too little progress, that the Arab Spring has produced few tangible improvements in people's lives* (Cameron 8).

Пропозиция главной клаузы данного сложноподчиненного предложения имеет актант, выраженный местоимением *those*, отсылающий к референтной сущности, общей для главной и определительной клауз. Определительная клауза, в свою очередь, имеет дополнение, выраженное двумя дополнительными клаузами, объединенными сочинительными отношениями добавления информации. Смена фона и фигуры носит прогрессивный характер.

1.2.б. [Главная клауза [подчиненная клауза дополнения (точка референции) [подчиненная клауза определения] and [подчиненная клауза определения]]]]. [M=G [S (PR)=F/G [=F/G] and [S=F]]].

Например: *Nevertheless, we should acknowledge that this threat comes overwhelmingly from young men who follow a completely perverse and warped interpretation of Islam and who are prepared to blow themselves up and kill their fellow citizens* (Cameron 3).

Главная клауза данного сложноподчиненного предложения имеет дополнение, выраженное отдельной предикацией. Дополнительная клауза, в свою очередь, имеет общую точку референции с двумя определительными клаузами, связанными сочинительными отношениями добавления информации.

2. Взаимодействие структурно-смыслового, смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения.

2.А. Инициальная позиция главной клаузы, включенной в предложение структурно-смысловым инкорпорированием:

2.А.а. [Главная клауза [подчиненный блок дополнения = [[подчиненная клауза условия / уступки] or (добавление) [подчиненная клауза условия / уступки] главная клауза уступки]]] – [M=G1 [S=F1: [[S=G2] or [S=G2] M=F2]]].

Например: *Holding Islamists to account must also mean that if they attempt to undermine the stability of other countries or if they encourage terrorism instead of peace and conflict instead of partnership, then we will oppose them* (Cameron 8); *Amid all the noise and passion and rancor of our public debate, Tucson reminded us that no matter who we are or where we come from, each of us is a part of something greater – something more consequential than party or political preference* (Obama 4).

В терминах операций когнитивного конструирования распределение внимания осуществляется таким образом. Пропозициональное содержание главной клаузы предложения является фоном для интерпретации пропозиционального содержания трех последующих предикаций, образующих неразрывный структурно-семантический блок, включаемый в предложение структурно-смысловым инкорпорированием (отношения дополнения). Главная предикация предложения определяет эпистемические рамки действий / событий клауз блока. Клаузы блока объединены двумя типами связи: смысловым инкорпорированием и цепочным присоединением. Смысловое инкорпорирование соотносит пропозициональное содержание подчиненных клауз условия / уступки, объединенных цепочным присоединением, и финальной предикации, выполняющей функцию главной клаузы блока, соответственно, как условия осуществления аффективного действия и собственно действие и условия, не оказывающие влияние на состояние дел. Благодаря финальной позиции главной клаузы блока, в данной конфигурации наблюдается прогрессивное движение фигуры по ходу разворачивания синтагматической цепочки.

2.А.б. [Главная клауза [подчиненный блок дополнения = [[главная клауза] not just подчиненная клауза причины but (включение) подчиненная клауза причины]]] – [M=G1 [S=F1: [[M=F2/G2] not just S=F2/G2 but S=F2/G2]]].

Например: *And she told me she's earning her degree in biotechnology now, at 55 years old, not just because the furniture jobs are gone, but because she wants to inspire her children to pursue their dreams, too* (Obama 4).

Как и в предыдущем случае, пропозициональное содержание главной клаузы служит фоном для интерпретации пропозиционального содержания трех последующих предикаций, составляющих блок дополнения. Внутри блока клаузы причины, объединенные сочинительными отношениями включения с помощью двухкомпонентного союза, составляют фон для интерпретации содержания главной клаузы блока. Следовательно, наблюдается регрессивное движение фокуса внимания, связанное с необходимостью удерживать в сфере внимания пропозициональное содержание главной предикации, и, одновременно, прогрессивное продвижение фигуры в конец цепочки.

2.Б. Инициальная позиция подчиненной клаузы, включенной в предложение смысловым инкорпорированием: [подчиненная клауза причины [главная клауза [[подчиненная клауза дополнения] and (добавление) [подчиненная клауза дополнения]]]] – [S=G [M=F/G [[S=F/G] and [S=F]]]].

And because we've begun this work, tonight we can say that American leadership has been renewed and America's standing has been restored (Obama 4).

В данном случае пропозициональное содержание подчиненной клаузы причины, следующей первой в синтагматической цепочке, составляет фон для интерпретации пропозиционального содержания главной клаузы, дополнение которой выражено двумя подчиненными клаузами, объединенными сочинительными отношениями добавления информации. Соответственно, наблюдается прогрессивное движение фигуры.

Таким образом, четырехкомпонентные сложноподчиненные предложения с вкраплением сочинения в речи Б. Обамы и Д. Кемерона строятся на основе взаимодействия структурно-смыслового инкорпорирования с цепочным присоединением, а также взаимодействия структурно-смыслового, смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения. Роль базовой связи отводится подчинению.

При взаимодействии структурно-смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения имеет место прогрессивное движение фигуры, характерное для взаимодействующих типов связи.

При взаимодействии смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения, в конфигурациях с инициальной позицией подчиненной клаузы, вводимой в предложение смысловым инкорпорированием, направление фигуры определяется местом в синтагматической цепочке главной клаузы подчинения. В случае инициальной позиции главной клаузы, включаемой в предложении структурно-смысловым инкорпорированием, образуются конфигурации двухуровневой структуры, где роль базовой синтаксической связи отводится структурно-смысловому инкорпорированию. Структурно-смысловое инкорпорирование включает в предложение блок-дополнение (первый уровень подчинения), внутри которого предикации объединяются отношениями условия / уступки / причины (второй уровень подчинения). Цепочное присоединение объединяет подчиненные клаузы блока на основе отношений сочинения (добавления / включения). Распределение фона и фигуры зависит от позиции главной клаузы второго уровня подчинения.

3.2.3. Пятикомпонентные сложноподчиненные предложения с вкраплением сочинения

Пятикомпонентные сложноподчиненные предложения с вкраплением сочинения в речи Б. Обамы и Д. Кемерона строятся на основе взаимодействия структурно-смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения, смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения, а также структурно-смыслового, смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения.

1. Взаимодействие структурно-смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения: [главная клауза (точка референции)]
[определятельная клауза] (главная клауза (точка референции))
[определятельная клауза] (главная клауза (точка референции))

[[определяющая клауза] and [определяющая клауза]]] – [M=G (PR)=F/G [S=F/G] (M (PR)) =F/G [S=F/G] (M (PR)) =F/G [[S=F/G] and [S=F]]].

Например: *The Arab Spring has also brought progress in **Egypt** where the democratically elected President has asserted civilian control over the military, in Yemen and Tunisia where elections have also brought new governments to power and in Morocco where there's a new constitution – and a Prime Minister appointed on the basis of a popular vote for the first time* (Cameron 8).

В описываемом случае предложение строится с разрывом главной клаузы двумя подчиненными клаузами определения, имеющими с ней общие точки референции, вербализируемые языковыми выражениями *Egypt / Yemen and Tunisia*. Третья точка референции (*Morocco*) является общей для главной клаузы и двух определяющих клауз, объединенных цепочным присоединением. Движение фокуса внимания носит прогрессивный характер.

2. Взаимодействие смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения: [[[главная клауза] подчиненная клауза уступки], [подчиненная клауза уступки], [подчиненная клауза уступки] or [подчиненная клауза уступки] – [[[M=F] S=F/G], [S=F/G], [S=F/G] or [S=F/G]].

Например: *And we should never forget that – whether it's on the beaches of Normandy, whether it's in Korea, whether in Iraq, or whether now in Afghanistan* (Cameron 1).

Пропозициональное содержание главной клаузы является фигурой по отношению к пропозициональному содержанию четырех клауз уступки, объединенных цепочным присоединением. Соответственно, в данном случае наблюдается одновременно и регрессивное и прогрессивное движение фигуры.

3. Взаимодействие структурно-смыслового, смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения:

3.A. Инициальная позиция главной клаузы, включаемой в предложение структурно-смысловым инкорпорированием: [главная клауза [подчиненная клауза дополнения], [подчиненная клауза дополнения] and [подчиненный блок

дополнения = [[главная клауза] подчиненная клауза времени]]]] – [M=G1 [S=F1/G1], [S=F1/G1] and [S=F1/G1: [[M=F2] S=G2]]]].

Например: *They're asking if they can find a good job, if they are going to get a paycheck next month, and if there will be work for their children when they grow up* (Cameron 5).

Главная клауза вводит в предложение три дополнительных клаузы. Третья дополнительная клауза связана временными логико-смысловыми отношениями с финальной предикацией, выполняющей функцию придаточной клаузы времени и образует с ней неразрывный блок. Следовательно, в начале синтагматической цепочки наблюдается прогрессивное, а в конце (между предикациями блока) – регрессивное движение фигуры.

3.Б. Инициальная позиция подчиненной клаузы, включаемой в предложение смысловым инкорпорированием:

3.Б.а. [[Подчиненная клауза причины] and [подчиненная клауза причины [главная клауза (точка референции) [[подчинена клауза определения] – [подчиненная клауза определения]]]]]] – [[S=G] and [S=F/G [M (PR)=F/G [[S=F/G] – [S=F/G]]]]].

Например: *Because all this spending is popular with both Republicans and Democrats alike, and because nobody wants to pay higher taxes, politicians are often eager to feed **the impression** that solving the problem is just a matter of eliminating waste and abuse –that tackling the deficit issue won't require tough choices* (Obama 5).

Две первых предикации, вводимых в предложение смысловым инкорпорированием, составляют фон для интерпретации главной клаузы, структура которой осложнена наличием общей точки референции с двумя определительными клаузами, объединенными цепочным присоединением. Фокус имеет прогрессивный линейный характер движения благодаря финальной позиции главной клаузы.

3.Б.б. [Подчиненная клауза времени [главная клауза [[подчиненная клауза расширения] and [подчиненная клауза расширения (точка референции)

[подчиненная клауза определения]]]]] – [S=G [M=F/G [[S=F/G] and [S (PR)=F/G [S=F]]]]].

Например: *Now, before I took office, I made it clear that we would enforce our trade agreements, and that I would only sign **deals** that keep faith with American workers and promote American jobs* (Obama 4).

Пропозициональное содержание временной клаузы, включенной в предложение смысловым инкорпорированием, является фоном для интерпретации пропозиционального содержания главной клаузы сложной структуры. Клауза имеет два дополнения, выраженных подчиненными предикациями, объединенными цепочным присоединением. Вторая дополнительная клауза имеет общую точку референции с определительной клаузой, усложняющей ее структуру. Соответственно, наблюдается прогрессивное движение фигуры.

Таким образом, пятикомпонентные сложноподчиненные предложения с вкраплением сочинения в речи Б. Обамы и Д. Кемерона образуются при взаимодействии структурно-смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения, смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения, а также структурно-смыслового, смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения. Роль базовой связи принадлежит подчинению.

При взаимодействии структурно-смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения наблюдается прогрессивное движение фигуры, свойственное взаимодействующим типам связи.

При взаимодействии смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения направление движения фокуса внимания определяется местом в синтагматической цепочке главной клаузы подчинения.

При взаимодействии структурно-смыслового, смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения в случае инициальной позиции главной клаузы, включаемой в предложении структурно-смысловым инкорпорированием, образуются конфигурации двухуровневой структуры, где второй уровень подчинения представлен блоком, внутри которого

предикации связаны временными отношениями. Поскольку блок включается в предложение цепочным присоединением, распределение фона и фокуса определяется отношениями смыслового инкорпорирования только внутри блока. Структурно-смысловое инкорпорирование и цепочное присоединение задают прогрессивное движение фигуры. Характер распределения фигуры и фона внутри блока определяется местом главной клаузы.

При инициальной позиции подчиненной клаузы, включаемой в предложение смысловым инкорпорированием, распределение фона и фигуры зависит от позиции главной клаузы. Структурно-смысловое инкорпорирование лишь усложняет структуру клауз, а цепочное присоединение увеличивает число однотипных клауз.

3.2.4. Шестикомпонентные сложноподчиненные предложения с вкраплением сочинения

Такие предложения образуются **при взаимодействии структурно-смыслового, смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения:** [[подчиненная клауза условия] – [подчиненная клауза условия (точка референции) [подчиненная клауза определения] (подчиненная клауза условия) (точка референции) [подчиненная клауза определения [главная клауза (точка референции) [определятельная клауза]]]]] – [[S=G] – [S (PR=F/G) [S=F/G] (S (PR)) =F/G [S=F/G [M (PR)=F/G [S=F]]]]].

Например: *If we take these steps – if we raise expectations for every child, and give them the best possible chance at an education, from **the day** they are born until the **last job** they take – we will reach **the goal** that I set two years ago* (Obama 4).

Данное предложение представляет собой довольно сложное образование, где первая и вторая предикации, объединенные цепочным присоединением, определяют условия наступления состояния дел, выражаемого главной клаузой, функцию которой выполняет пятая предикация. Третья и четвертая предикации усложняют структуру второй условной клаузы, разрывая

ее определительными клаузами, поставляющими информацию о референтных сущностях, выраженных лексемой *the day* и словосочетанием *the last job*. Шестая предикация усложняет структуру главной клаузы определительной клаузой, имеющей с главной общую точку референции, вербализируемую лексемой *the goal*. Поскольку главная клауза располагается в конце синтагматической цепочки, движение фигуры имеет прогрессивный характер.

Таким образом, шестикомпонентные сложноподчиненные предложения с вкраплением сочинения в речи Б. Обамы и Д. Кемерона, образующиеся при взаимодействии структурно-смыслового, смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения, не выявляют новых закономерностей по сравнению с взаимодействием этих типов связей в предложениях с меньшим количеством составляющих.

3.3. Суггестивные и аргументативные паттерны сложных предложений, базирующихся на структурных связях подчинения

В результате структурно-семантического анализа основных типов синтаксических связей, а также когнитивного анализа распределения внимания в сложноподчиненных предложениях и сложноподчиненных предложениях с вкраплением сочинения в речи Б. Обамы и Д. Кемерона выявлено два паттерна аранжирования предикаций: суггестивный и аргументативный.

Схемы распределения внимания, задаваемые структурно-смысловым инкорпорированием, цепочным инкорпорированием и цепочным присоединением на базе сочинения, а также их взаимодействием, автоматизируют восприятие аудитории путем создания однотипного линейного ритмического рисунка за счет последовательной смены фона и фигуры при прогрессивном движении фокуса внимания в конец синтагматической цепочки.

Схемы распределения внимания, задаваемые смысловым инкорпорированием, а также цепочным присоединением на базе подчинения,

наоборот, деавтоматизируют восприятие аудитории и включают рациональное мышление, необходимое для понимания каузальных смысловых зависимостей подчинения, отображаемых пропозициональным содержанием объединяемых предикаций.

Смысловое инкорпорирование задает как одноуровневые, так и двухуровневые схемы распределения внимания, характеризующиеся нелинейным ритмическим рисунком, создающимся регрессивным движением фокуса на соответствующих участках синтагматической цепочки. Регрессивное движение фокуса внимания противоречит линейной динамике развертывания синтагматической цепочки: с одной стороны, по мере «нанизывания» предикаций поступает новая информация и аудитория вынуждена переключать внимание на пропозициональное содержание новых предикаций, а с другой стороны, смысловые зависимости подчинения требуют удерживать в сфере внимания информацию предыдущих предикаций, необходимую для понимания.

Что касается количественных показателей, то при калькуляции следует учитывать, что количество связей не соответствует количеству предикаций.

В результате количественных подсчетов распределения паттернов аранжирования предикаций сложноподчиненных предложений было выявлено, что, как в речи Б. Обамы, так и в речи Д. Кемерона, преобладает структурно-смысловое инкорпорирование: 79,4 % (2610) от общего количества связей подчинения (3290) и 74,3% (2060) от общего количества связей подчинения (2770), соответственно. На цепочное инкорпорирование приходится, соответственно, всего 0,6% (20) и 1,2 % (30). На смысловое инкорпорирование – 20 % (660) и 24,5% (680); см. Рис. 1 в Приложении.

Следовательно, в речи обоих политиков преобладают суггестивные паттерны (структурно-смысловое инкорпорирование и цепочное инкорпорирование) с незначительным превалированием этих паттернов в речи Б. Обамы (80% :: 75,5%).

В результате количественных подсчетов распределения паттернов аранжирования предикаций в сложноподчиненных предложениях

с вкраплением сочинения получены данные, согласно которым в речи Б. Обамы и Д. Кемерона структурно-смысловое инкорпорирование составляет, соответственно, 42% (210) от общего количества связей подчинения с вкраплением сочинения (500) и 36,3% (240) от общего количества этого типа связей (660); цепочное присоединение, опирающееся на связи сочинения, – 42% (210) и 44% (290); смысловое инкорпорирование – 16% (80) и 18,2% (120). Кроме того, в речи Д. Кемерона было выявлено цепочное инкорпорирование 1,5 (10); см. Рис. 2 в Приложении.

Таким образом, как и в собственно сложноподчиненных предложениях, в сложноподчиненных предложениях с вкраплением сочинения в речи обоих политических лидеров превалируют суггестивные паттерны (структурно-смысловое инкорпорирование, цепочное присоединение на основе сочинения и цепочное инкорпорирование).

Выводы к главе 3

1. Сложноподчиненный синтаксис публичных речей Б. Обамы и Д. Кемерона представлен предложениями, содержащими от двух до шести предикаций. Сложноподчиненные предложения объединяются в единое синтаксическое целое на основе различных конфигураций базовых синтаксических связей подчинения (смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования), а также цепочного инкорпорирования, занимающего промежуточную позицию между сочинением и подчинением.

1.1. Структурно-смысловое инкорпорирование обеспечивает линейную смену фона и фигуры по ходу разворачивания синтагматической цепочки. Смысловое инкорпорирование задает как линейную, так и нелинейную смену фона и фигуры в зависимости от позиции главной клаузы. Финальная позиция главной клаузы обеспечивает прогрессивное движение фокуса внимания, а инициальная / медиальная – регрессивное движение фокуса на соответствующих участках синтагматической цепочки. При цепочном инкорпорировании, опирающемся на смысловые связи подчинения, смена фона

и фигуры носит линейный характер благодаря фиксированной финальной позиции предикации, выполняющей логико-смысловую функцию главной клаузы.

1.2. При взаимодействии смыслового и структурно-смыслового инкорпорирования наблюдаются две конфигурации распределения внимания.

1.2.1. В первой конфигурации базовой синтаксической связью, образующей предложение, является смысловое инкорпорирование. Структурно-смысловое инкорпорирование лишь усложняет структуру главной или подчиненной клауз. Направление движения фокуса внимания определяется местом в синтагматической цепочке главной клаузы. Чем ближе к концу синтагматической цепочки находятся структурные части главной клаузы – тем проще предложение для восприятия, поскольку прогрессивная смена фона и фигуры соответствует линейной динамике разворачивания синтагматической цепочки. При инициальной / медиальной позиции структурных частей главной клаузы происходит столкновение двух разнонаправленных движений фокуса внимания. С одной стороны, наблюдается прогрессивное движение фокуса, как этого требует динамика разворачивания синтагматической цепочки, а с другой – регрессивное, так как для понимания смысла предложения интерпретатор должен удерживать в сфере внимания пропозициональное содержание структурных частей главной клаузы, находящихся в начале/середине синтагматической цепочки.

1.2.2. Во второй конфигурации, где главная клауза в инициальной позиции включается в предложение структурно-смысловым инкорпорированием и задает эпистемические рамки действий / событий последующих клауз, роль базовой синтаксической связи отводится структурно-смысловому инкорпорированию. Структурно-смысловое инкорпорирование включает в предложение блок-дополнение (первый уровень подчинения), внутри которого предикации объединяются отношениями условия / уступки / причины (второй уровень подчинения). Распределение внимания имеет двухуровневый характер. Большей коммуникативной значимостью обладает фигура второго

уровня. На первом уровне движение фокуса внимания носит прогрессивный характер. Движение фокуса внимания второго уровня зависит от позиции главной клаузы второго уровня подчинения.

1.3. При взаимодействии структурно-смыслового и цепочного инкорпорирования базовой синтаксической связью является цепочное инкорпорирование; структурно-смысловое инкорпорирование усложняет структуру инициальной или присоединенной клауз. Распределение фона и фигуры имеет линейный характер, свойственный обоим взаимодействующим типам связи.

1.4. При взаимодействии смыслового и цепочного инкорпорирования образуются предложения двухуровневой структуры, где клаузы, объединенные цепочным инкорпорированием, соотносятся с клаузой, включаемой в предложение смысловым инкорпорированием, как сложно организованная главная и придаточная. Базовой синтаксической связью является смысловое инкорпорирование. Распределение внимания носит двухуровневый характер. Благодаря инициальной позиции клаузы, вводимой в предложение смысловым инкорпорированием, а также линейной специфике распределения внимания при цепочном инкорпорировании, наблюдается прогрессивное движение фокуса внимания на обоих уровнях.

1.5. Дополнительное фокусирование внимания на значимой информации достигается: а) перемещением фокуса внимания в конец синтагматической цепочки с помощью расщепления подлежащего на структурное и смысловое; б) введением значимой информации в сферу внимания путем разрыва предикации.

2. Сложноподчиненный синтаксис с вкраплением сочинения в публичных речах Б. Обамы и Д. Кемерона представлен предложениями, содержащими от трех до шести предикаций. В составе этих предложений предикации связаны взаимодействием структурно-смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения; смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения; структурно-смыслового,

смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения. Роль базовой связи принадлежит подчинению.

2.1. При взаимодействии структурно-смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения имеет место прогрессивное движение фигуры, характерное для взаимодействующих типов связи.

2.2. При взаимодействии смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения направление движения фокуса внимания определяется местом в синтагматической цепочке главной клаузы подчинения.

2.3. При взаимодействии структурно-смыслового, смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения наблюдаются две конфигурации распределения внимания.

2.3.1. В первой конфигурации с инициальной позицией подчиненной клаузы, включаемой в предложение смысловым инкорпорированием, распределение фона и фигуры зависит от позиции главной клаузы смыслового подчинения. Структурно-смысловое инкорпорирование лишь усложняет структуру клауз, а цепочное присоединение увеличивает число однотипных клауз.

2.3.2. Во второй конфигурации с инициальной позицией главной клаузы, включаемой в предложение структурно-смысловым инкорпорированием, образуются предложения двухуровневой структуры, где второй уровень подчинения представлен блоком, внутри которого предикации связаны отношениями смыслового инкорпорирования. Структурно-смысловое инкорпорирование и цепочное присоединение задают прогрессивное движение фигуры в рамках предложения. Характер распределения фигуры и фона внутри блока определяется местом главной клаузы.

3. В аспекте речевого воздействия выявлено два паттерна аранжирования предикаций сложноподчиненного синтаксиса публичных речей Б. Обамы и Д. Кемерона: суггестивный и аргументативный.

3.1. Структурно-смысловое и цепочное инкорпорирование, а также цепочное присоединение, базирующееся на логико-смысловых связях

сочинения, способствуют автоматизации внимания аудитории, создавая суггестивный ритм, задаваемый однотипным паттерном последовательной смены фона и фигуры.

3.2. Смысловое инкорпорирование, а также цепочное присоединение, базирующееся на логико-смысловых связях подчинения, нарушают автоматизированность восприятия, сосредоточивая внимание аудитории на смысловых зависимостях между пропозициональным содержанием объединяемых в предложения предикаций.

3.3. Согласно результатам количественных подсчетов, в речи обоих политиков преимущественно наблюдаются суггестивные паттерны сложноподчиненного синтаксиса.

Основные положения данной главы отражены в следующих публикациях автора [244; 246; 245; 242; 247; 241].

ГЛАВА 4

АРГУМЕНТАТИВНО-СУГГЕСТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ, БАЗИРУЮЩИХСЯ НА СТРУКТУРНЫХ СВЯЗЯХ СОЧИНЕНИЯ

В задачи данной главы входит рассмотрение аргументативно-суггестивного потенциала сложносочиненных предложений, а также сложносочиненных предложений с вкраплением подчинения в речи Б. Обамы и Д. Кемерона.

4.1. Распределение внимания в сложносочиненных предложениях

Сложносочиненные предложения в речи Б. Обамы и Д. Кемерона представлены двух- и трехкомпонентными синтаксическими структурами.

Результаты структурно-семантического синтаксического анализа позволяют утверждать, что предикации сложносочиненных предложений объединяются в единое целое на основе **цепочного присоединения**.

Цепочное присоединение структурно опирается на **маркеры сочинительной связи** – союзной (*соединительной: and, both... and, neither...nor, not only... but also; противительной: but*) или бессоюзной (запятая, тире, точка с запятой).

В логико-смысловом аспекте цепочное присоединение довольно неоднородно и базируется на связях как сочинения, так и подчинения.

4.1.1. Двухкомпонентные сложносочиненные предложения

Двухкомпонентные сложносочиненные предложения в речи двух политических лидеров базируются на цепочном присоединении, опирающемся на логико-смысловые связи сочинения и подчинения.

1. Логико-смысловые связи сочинения. Согласно результатам анализа, в речи Б. Обамы и Д. Кемерона задействованы как соединительные, так и противительные логико-смысловые сочинительные связи.

1.1. Соединительные сочинительные связи включают *добавление информации* и *комбинирование информации*.

1.1.A. Добавление информации происходит на основе: утверждения: *That is the power of trade to drive growth **and** it's the same story the world over* (Cameron 7); *It is essential to our security **and** it is essential for our prosperity* (Cameron 5); отрицания: *Barack and I did not come into politics to cut public spending, **but neither did** we seek office to see our great economies decline or to land our children with unsustainable debts* (Cameron 5); отрицания vs утверждения: *That wasn't a decision taken by BP; it was a decision taken by the Scottish government* (Cameron 1).

С точки зрения когнитивных операций распределения внимания при добавлении информации пропозициональное содержание предыдущей предикации составляет фон для интерпретации пропозиционального содержания последующей предикации, соотносимой с фигурой: $[[I=G] \text{ and } [A=F]]$.

1.1.B. Комбинирование информации: ***Not only** were these dictators repressing their people, ruling by control not by consent, plundering the national wealth and denying people their basic rights and freedoms, they were funding terrorism overseas **as well*** (Cameron 8); *At stake are **not just** lives, it's our way of life* (Cameron 3).

В когнитивном аспекте при комбинировании информации распределение фона и фигуры осуществляется, как и при добавлении информации: пропозициональное содержание предыдущей предикации составляет фон для интерпретации пропозиционального содержания последующей предикации, соотносимой с фигурой. Однако, поскольку структурная взаимозависимость между предикациями здесь более тесная, пропозициональное содержание предыдущей предикации удерживается в непосредственном доступе для интерпретации последующей предикации: $[I=G - A=F]$.

1.2. Противительные сочинительные связи базируются на противопоставлении информации по схеме отрицательная информация vs

положительная информация: *Yes, we are dealing with the deficit, **but** we are also making sure our defenses are strong* (Cameron 3); положительная информация vs отрицательная информация: *Our infrastructure used to be the best, **but** our lead has slipped* (Obama 4).

При противопоставлении внимание интерпретатора распределяется, как и при комбинировании. Хотя между предикациями не существует структурной взаимозависимости (каждая из них структурно представляет собой полноценное предложение), между ними имеет место смысловая взаимозависимость. Противопоставление предполагает удерживание в непосредственном доступе пропозиционального содержания предыдущей предикации, т.к. для понимания высказывания для интерпретатора важны обе противопоставляемые сущности / ситуации: **[[I=G] but [A=F]]**.

2. Логико-смысловые связи подчинения образуют такую синтагматическую цепочку: [инициальная предикация = подчиненная клауза причины / уступки / времени [присоединенная предикация = главная клауза]]. Например: *America was actually on track to becoming completely debt-free, **and** we were prepared for the retirement of the Baby Boomers* (Obama 5); *They grew up as Americans and pledge allegiance to our flag, **and** yet they live every day with the threat of deportation* (Obama 4.); *Thirty-seven days later, Plan B succeeded, **and** the miners were rescued* (Obama 4).

В терминах когнитивных операций управления вниманием аудитории при цепочном присоединении, базирующемся на смысловых связях подчинения, фон всегда закреплен за подчиненной клаузой. Поэтому направление движения фокуса внимания зависит от позиции главной и подчиненной клаузы в синтагматической цепочке. В рассматриваемой конфигурации подчиненная клауза следует первой в синтагматической цепочке. В соответствии с типом подчинения, ее пропозициональное содержание определяет: причину, временные рамки или условия, не влияющие на совершение действия или наступление состояния дел, о которых сообщается в главной клаузе. В данном случае вторая предикация в синтагматической

цепочке соотносима с главной клаузой и с когнитивной точки зрения представляет собой фигуру, попадающую в фокус внимания интерпретатора. Следовательно, благодаря финальной позиции главной клаузы наблюдается прогрессивное линейное движение фокуса внимания по ходу разворачивания синтагматической цепочки: $[I/S=G [A/M=F]]$.

Таким образом, клаузы двухкомпонентных сложносочиненных предложений в речи Б. Обамы и Д. Кемерона объединяются в единое целое на основе цепочного присоединения. В логико-смысловом аспекте цепочное присоединение базируется на связях сочинения и подчинения. В когнитивном аспекте при цепочном присоединении, базирующемся на логико-смысловых связях сочинения, наблюдается последовательное передвижение фигуры вперед по мере линейного разворачивания дискурса. При цепочном присоединении, опирающемся на логико-смысловые связи подчинения, прогрессивное движение фокуса внимания обеспечивается инициальной позицией подчиненной и финальной позицией главной клаузы.

4.1.2. Трехкомпонентные сложносочиненные предложения

Результаты структурно-семантического анализа сложносочиненных предложений, состоящих из трех предикаций, позволяют заключить, что эти предикации объединяются в единое синтаксическое целое с помощью различных конфигураций цепочного присоединения, опирающегося на смысловые связи как сочинения, так и подчинения.

1. Конфигурации логико-смысловых связей сочинения включают лишь соединение (а именно, добавление информации на основе утверждения). Данная конфигурация отображается такой синтагматической цепочкой: $[[\text{инициальная предикация} = \text{сочинительная клауза}] \text{ and } [\text{присоединенная предикация} = \text{сочинительная клауза}] \text{ and } [\text{присоединенная предикация} = \text{сочинительная клауза}]]$. И соответствует схеме: $[[I=G] \text{ and } [A=F/G] \text{ and } [A=F]]$ (союз *and* отображает наиболее частотный маркер этой сочинительной связи). Например: *American combat patrols have ended, violence is down, and a new*

government has been formed (Obama 4.); Records will be broken, new champions will be crowned, history will be made (Cameron 7).

В контексте когнитивных операций управления вниманием аудитории в данной конфигурации пропозициональное содержание каждой предыдущей предикации, составляет фон для интерпретации пропозиционального содержания каждой последующей предикации, соотносимой с фигурой. Соответственно фигура последовательно перемещается вперед по мере линейного разворачивания дискурса.

2. Конфигурации логико-смысловых связей сочинения и подчинения

насчитывают несколько вариантов:

2.1. [[Инициальная предикация = сложносочиненная клауза] **and** (присоединение) [присоединенный блок: [главная клауза] подчиненная клауза причины]] – [[**I=G1 and [A=F1: [M=F2] S=G2]** (А здесь обозначает уже не простую присоединенную предикацию, а сложно организованный присоединенный блок). Например: *NATO remains the bedrock of our collective defense **and** it is the most successful alliance in history: it has kept Europe secure for 61 years* (Cameron 2).

Данное сложносочиненное предложение состоит из двух блоков, включающих, соответственно, одну и две предикации и связанных сочинительной смысловой связью (соединение: добавление информации), отражающей последовательность изложения событий. В рамках второго блока вторая и третья предикации включаются в предложение на базе подчинительной связи. Вторая предикация соотносится с придаточным клаузой, отображающей причину состояния дел, выражаемого третьей предикацией, соотносимой с главной клаузой: [[НАТО остается самым успешным союзом в истории] поскольку он обеспечивает мир в Европе уже 61 год]. Соответственно, третья предикация служит фоном для интерпретации содержания второй предикации, выполняющей функцию фигуры. Смена фона и фигуры приобретает иное направление движения: вместо последовательного передвижения вперед, наблюдаемого в начале

синтагматической цепочки, фигура перемещается в обратном направлении.

2.2. [Инициальный блок = [[главная клауза] подчиненная клауза причины] but [присоединенная предикация = сложносочиненная клауза]] – [I=G1: [[M=F2] S=G2] but [A=F1]]. Например: *Fiscal discipline and growth are not alternatives – you need one to get the other – but sound finances alone are not sufficient* (Cameron 7).

Рассматриваемое сложносочиненное предложение состоит из двух блоков, включающих, соответственно, две и одну предикации. Две первых предикации в синтагматической цепочке объединены причинно-следственной подчинительной связью: [[Фискальная дисциплина и рост – не альтернативы] поскольку одно предполагает другое]. Вторая предикация отображает причину состояния дел, выражаемого первой предикацией, и служит фоном для интерпретации ее содержания, соотносимого на этом этапе линейного разворачивания дискурса с фигурой. Соответственно, имеет место регрессивное движение фокуса внимания. Третья предикация в синтагматической цепочке присоединяется ко второй на основе сочинительной связи и соотносится с обеими предыдущими предикациями как противопоставление положительной информации – отрицательной [наличие роста, обеспеченного фискальной дисциплиной – факт позитивный] : [недостаточность этого для процветания – факт негативный]. Соответственно, в данной конфигурации фигура линейно сдвигается вперед на последнюю предикацию в синтагматической цепочке, а пропозициональное содержание двух предыдущих предикаций удерживаются в непосредственном доступе, обеспечивая фон для интерпретации пропозиционального содержания последней предикации.

2.3. [Инициальная предикация = подчиненная клауза уступки / причины but [присоединенная предикация = главная клауза уступки and (добавление информации) присоединенная предикация = главная клауза уступки]] – [I/S=G [A/M=F/G and A/M=F]]. Например: *This will be a tough job, but members of both parties have expressed an interest in doing this, and I am prepared to join them*

(Obama 4); *The road is not easy* – **but** *it is the right one* **and** *it can make countries safer in the end* (Cameron 8); *The global competitive race has never been faster; some countries will make it, some will not* (Cameron 7).

Первая предикация в синтагматической цепочке включается в предложение на базе подчинительной смысловой связи. Она определяет условия, могущие препятствовать совершению действия [This will be a tough job / Хотя работа предстоит тяжелая], или объясняет причину положения вещей [The global competitive race has never been faster / Поскольку глобальная конкуренция сейчас высока как никогда], выражаемых двумя последующими предикациями, объединенными сочинительной связью соединения (добавление информации). Соответственно, первая предикация выполняет функцию подчиненной клаузы уступки/причины и соотносится с последующими двумя предикациями как подчиненная клауза со сложно организованной главной клаузой.

На когнитивном уровне первая предикация составляет фон для интерпретации второй и третьей предикаций, соотносимых с фигурой. Поскольку вторая и третья предикации связаны отношениями добавления информации, фигура последовательно передвигается вперед со второй на третью предикацию по мере разворачивания дискурса.

2.4. [Инициальная предикация = подчиненная клауза причины, (добавление информации) присоединенная предикация = подчиненная клауза причины [присоединенная предикация = главная клауза]] – [I/S=G, A/S=F/G **and** [A/M=F]]. Например: *We will not relent, we will not waver, and we will defeat you* (Obama 4).

Первые предикации в синтагматической цепочке соотносятся с придаточными предложениями причины. Они независимы, информация «нанизывается». Каждая из этих предикаций, объясняет причины положения вещей, выражаемых последующей предикацией: [Поскольку мы не дрогнем и поскольку мы не станем колебаться [мы победим тебя]]. Первых две – придаточных – предикации соотносимы с фоном, а последняя – главная – с фигурой.

Таким образом, в речи Б. Обамы и Д. Кемерона сложносочиненные предложения с тремя предикациями образуются на основе цепочного присоединения. В логико-смысловом аспекте цепочное присоединение базируется на связях сочинения и подчинения. С точки зрения когнитивных операций распределения внимания при цепочном присоединении, базирующемся на логико-смысловых связях сочинения, наблюдается последовательное прогрессивное движение фигуры по мере линейного разворачивания дискурса. При цепочном присоединении, опирающемся на логико-смысловые связи подчинения, движение фигуры зависит от места в синтагматической цепочке предикации, включенной в предложение на основе подчинительной логико-смысловой связи. С учетом того обстоятельства, что фон всегда закреплен за подчиненной предикацией, возможно как прогрессивное, так и регрессивное движение фигуры по мере линейного разворачивания дискурса.

В целом, в речи обоих политиков количественно преобладает цепочное присоединение, строящееся на сочинительных логико-смысловых связях.

4.2. Распределение внимания в сложносочиненных предложениях с вкраплением подчинения

Сложносочиненные предложения с вкраплением подчинения в речи Б. Обамы и Д. Кемерона представлены трех-, четырех-, пяти- и шестикомпонентными синтаксическими структурами.

Согласно полученным результатам, сложносочиненные предложения с вкраплением подчинительной связи в речи Б. Обамы и Д. Кемерона образуются на основе **цепочного присоединения**. Цепочное присоединение включает в предложения как отдельные предикации, так и блоки, внутри которых предикации объединяются **структурно-смысловым** и **смысловым инкорпорированием**.

4.2.1. Трехкомпонентные сложносочиненные предложения с вкраплением подчинения

Конфигурации трехкомпонентных сложносочиненных предложений с вкраплением подчинительной связи опираются на логико-смысловые связи как сочинения, так и подчинения:

1. Конфигурации логико-смысловых связей сочинения:

1.1. Соединительные сочинительные связи.

1.1.1. Взаимодействия соединительных сочинительных связей и структурно-смыслового инкорпорирования.

1.1.1.A. Добавление информации.

1.1.1.A.a. Вкрапление подчинения в инициальную предикацию:
[инициальный блок = [главная клауза (точка референции) [подчиненная определительная клауза]] and (добавление информации) [присоединенная предикация = сложносочиненная клауза] – [I=G1: [M=G2(PR)=F2/G2 [S=F2/G2]] and [A=F1]]: *We're selling acres of federal **office space** that hasn't been used in years, and we'll cut through red tape to get rid of more* (Obama 4); *All 48 ISAF nations today reaffirmed our enduring commitment to **a mission that is crucial to our national security**, and we agreed today to enter a new phase in the campaign* (Cameron 2).

Сложносочиненное предложение такого типа состоит из двух структурно-смысловых составляющих, объединенных цепочным присоединением. Первая и вторая предикации объединяются структурно-смысловым инкорпорированием и, соответственно, являются одним цельным блоком, в котором имеются свои фон и фигура. Учитывая неразрывную структурно-смысловую связь первой и второй предикаций, закрепленную наличием общей точки референции, пропозициональное содержание первой предикации (фона) удерживается в непосредственном доступе для интерпретации пропозиционального содержания второй предикации (фигуры). Третья предикация вводится в предложение цепочным присоединением и представляет собой относительно самостоятельный

структурный компонент, поставляющий новую информацию по принципу добавления. С появлением новой информации фигура сдвигается вперед на третью предикацию, а пропозициональное содержание блока первых двух предикаций служит фоном для интерпретации ее пропозиционального содержания. Соответственно, в терминах когнитивных операций распределения внимания в данной конфигурации наблюдается прогрессивное движение фокуса внимания вперед по мере разворачивания синтагматической цепочки.

Разновидностью этой конфигурации есть вкрапление подчинения в инициальную предикацию с разрывом предикации [I=G1: [M=G2 (PR=F2/G2 [S=F2/G2] (I/M) = F2/G2] and [A=F1]], зарегистрированное только в речи Д. Кемперона: *As a result, in just two years we have cut the deficit we inherited by more than one quarter **and** our market interest rates are less than 2%* (Cameron 7).

1.1.1.А.б. Вкрапление подчинения в присоединенную предикацию: [[инициальная предикация = сочинительная клауза] and (добавление информации) [присоединенный блок = [главная клауза (точка референции) [подчиненная определительная клауза]]]] – [[I=G1] and [A=F1: [M (PR)=G2 [S=F2]]]].

Такая синтагматическая цепочка характерна только для речи Б. Обамы. Например: *That transition is already underway **and** about half of all Afghans currently live in areas where Afghan security forces are taking responsibility* (Обама; 9).

На когнитивном уровне распределение внимания осуществляется по принципу линейного передвижения фигуры вперед по синтагматической цепочке. Благодаря наличию общей точки референции, пропозициональное содержание второй предикации удерживается в непосредственном доступе для интерпретации пропозиционального содержания третьей предикации.

1.1.1.Б. Комбинирование информации: [инициальная предикация = сочинительная клауза and (комбинирование информации) присоединенный блок = [главная клауза [подчиненная расширительная клауза]]] или

[инициальная предикация = сочинительная клауза; (комбинирование информации) присоединенный блок = [главная клауза (точка референции) [подчиненная определительная клауза]]] – [I=G1 and A=F1: [M=G2 [=F2]]] / [I=G1; A=F1: [M (PR)=G2 [S=F2]]]. Например: *I'm in regular touch with senior management at BP, **and** the President is, too, to make sure that happens* (Cameron 1); *But after investing in better research and education, we didn't just surpass the Soviets; we unleashed **a wave of innovation that created new industries and millions of new jobs*** (Obama4).

В этом сложном предложении вторая и третья предикации объединяются структурно-смысловым инкорпорированием, и, соответственно, являются одним целым и неразрывным блоком, в котором имеются свои фон и фигура. Этот структурно-смысловой блок и первая предикация в синтагматической цепочке связываются в единое предложение с помощью цепочного присоединения на основе комбинирования информации. При комбинировании предикации структурно зависят друг от друга. Информация, содержащаяся в предыдущей предикации, составляет фон для последующей информации и при этом удерживается в непосредственном доступе.

1.1.2. Взаимодействия соединительных сочинительных связей и смыслового инкорпорирования: [[инициальный блок = [[главная клауза] подчиненная клауза времени / цели]] and (прибавление информации) [присоединенная предикация = сложносочиненная клауза]] – [[I=G1: [[M=F2] S=G2]] and [A=F1]]. Например: *We'll give our support to Kofi Annan **as** he makes the case for that transition, **and** we are ready to work with Russia and China for the same goal, including through a new United Nations Security Council resolution* (Cameron 1); *At the same time, we're renewing our commitment to improve maternal health and preventable deaths of children, and supporting the Global Fund for AIDS, TB and Malaria, **so that** we can realize our goal, **and** that's the beginning of the end of AIDS* (Obama 9).

Сложносочиненное предложение такого типа состоит из двух структурно-смысловых составляющих, объединенных цепочным

присоединением. Первая и вторая предикации составляют блок, в котором предикации объединяются на основе смыслового инкорпорирования: первая предикация выполняет функцию главной, а вторая – придаточной времени / цели. В терминах когнитивных операций распределения внимания подчиненная предикация составляет фон для интерпретации информации, содержащейся в главном предложении. Соответственно, на этом линейном участке разворачивания дискурса наблюдается регрессивное движение фокуса внимания. Поскольку третья предикация встраивается в предложение на основе смысловых отношений добавления информации, далее наблюдается линейное передвижение фокуса внимания вперед по синтагматической цепочке.

1.2. Противительные сочинительные связи реализуются только во взаимодействии со структурно-смысловым инкорпорированием.

1.2.A. Вкрапление подчинения в инициальную предикацию (с разрывом предикации): [[инициальный блок = [главная клауза (точка референции) [подчиненная определительная клауза] (главная клауза)]] but (противопоставление) [присоединенная предикация = сложносочиненная клауза]]: [[I=G1: [M (PR)=G2 [S=F2/G2] (I/M) =F2/G2]] but [A=F1]]. Эта конфигурация зарегистрирована только в речи Б. Обамы: *I thought **the beer we got** was excellent – **but** I did drink it cold* (Obama 3).

В терминах операций когнитивного конструирования эта конфигурация схожа с взаимодействием структурно-смыслового инкорпорирования и цепочного присоединения при добавлении информации с той лишь разницей, что в данном случае «нанизывание» информации происходит на основе отношений противопоставления.

1.2.B. Вкрапление подчинения в присоединенную предикацию: [[инициальная предикация = сочинительная клауза] but (противопоставление) [присоединенный блок = [главная клауза [подчиненная дополнительная клауза]]]] – [[I=G1] but [A=F1: [M=G2 [S=F2]]]] или [[инициальная предикация = сочинительная клауза] but (противопоставление)

[присоединенный блок: [главная клауза (точка референции) [подчиненная определительная клауза]]]] – **[[I=G1] but [A=F1 [M (PR)=G2 [S=F2]]]]**.

Например: *That ages some of you, I know, **but** I expect there are a few Pink Floyd fans here (Cameron 7); You see, most Americans tend to dislike government spending in the abstract, **but** they like the stuff it buys (Obama5).*

В терминах операций когнитивного конструирования в данной конфигурации наблюдается прогрессивное движение фигуры по мере разворачивания синтагматической цепочки дискурса.

2. **Конфигурации логико-смысловых связей подчинения**

представлены синтагматическими цепочками, где маркеры сочинительной связи соединяют структурные компоненты, связанные каузальными отношениями.

2.1. Причинно-следственные логико-смысловые связи подчинения.

2.1.1. Взаимодействие причинно-следственных подчинительных связей и структурно-смыслового инкорпорирования.

2.1.1.A. Вкрапление подчинения в инициальную предикацию:
[[инициальный блок = сложно организованная подчиненная клауза причины = [главная клауза [подчиненная дополнительная / предикативная клауза]] and (причинно-следственные отношения) [присоединенная предикация = главная клауза сложноподчиненного причины]]] – **[[I/S=G1 [M=G2 [S=F2]] and [A/M=F1]]**. Например: *We believe there is still time and space to pursue a diplomatic solution, **and** we're gonna keep coordinating closely with our P-5-plus-1 partners (Obama 9); We have listened to what business wants **and** we are delivering on it (Cameron 7); My understanding is, that the Prime Minister enjoyed our 312 beer **and** we may send him some more (Obama 3); That's what good schools can do, **and** we want good schools all across the country (Обама 4).*

При восприятии предикаций, объединяемых в предложение на основе структурно-смыслового инкорпорирования, наблюдается прогрессивное движение фигуры по мере разворачивания синтагматической цепочки. В предикациях, объединяемых в предложение цепочным присоединением

на основе причинно-следственных отношений, внимание распределяется как при смысловом инкорпорировании. Соответственно, пропозициональное содержание первых двух предикаций, которые на логико-смысловом уровне отражают причину наступления состояния дел, выражаемую пропозициональным содержанием третьей предикации, составляет фон для ее интерпретации.

2.1.1.Б. Вкрапление подчинения в присоединенную предикацию:

[инициальная предикация = подчиненная клауза причины and (причинно-следственные отношения) [присоединенный блок = сложно организованная главная клауза причины [главная клауза [подчиненная дополнительная клауза]]]] – [I/S=G1 and [A/M=F1: [M=G2 [S=F2]]]]. Например: *But as far back as the 1980s, America started amassing debt at more alarming levels, **and** our leaders began to realize that a larger challenge was on the horizon* (Obama 5).

В когнитивном аспекте первая предикация выполняет функцию подчиненной клаузы причины и служит фоном для актуализации информации двух последующих предикаций, выполняющих функцию сложно организованной главной клаузы сложноподчиненного причины. Благодаря финальной позиции главной клаузы, выполняющей логико-смысловую функцию сложноподчиненного причины, наблюдается прогрессивное линейное движение фигуры.

2.1.2. Взаимодействия причинно-следственных подчинительных связей и смыслового инкорпорирования: [инициальная предикация = подчиненная клауза времени [присоединенный блок = сложно организованная главная клауза сложноподчиненного времени [подчиненная клауза причины and (причинно-следственные отношения) [главная клауза сложноподчиненного причины]]]] – [I/S=G1 [A/M=F1: [S=G2 and [M=F2]]]]: *And as we mark this occasion, we're also mindful of the empty chair in this chamber, **and** we pray for the health of our colleague – and our friend – Gabby Giffords* (Obama 4).

В терминах когнитивного распределения внимания благодаря финальной позиции главной клаузы, выполняющей логико-смысловую функцию

сложноподчиненного причины в структуре блока, представляющего сложно организованную главную клаузу временного сложноподчиненного предложения, наблюдается прогрессивное линейное движение фигуры.

2.2. Логико-смысловые подчинительные связи уступки.

В этой конфигурации подчинительные логико-смысловые связи уступки реализуются во взаимодействии со структурно-смысловым инкорпорированием: [инициальный блок = сложноорганизованная подчиненная клауза уступки = [главная клауза [дополнительная клауза]] **but** (отношения уступки) [присоединенная предикация = главная клауза сложноподчиненного уступки]] –

[I/S=G1 [M=G2 [S=F2]] **but** [A/M=F1]]. Например: *I don't know if you've noticed, **but** they're doing just fine on their own* (Obama 4).

В этой конфигурации наблюдается прогрессивное движение фокуса внимания благодаря финальной позиции главной клаузы, выполняющей логико-смысловую функцию сложноподчиненного уступки.

Таким образом, трехкомпонентные сложносочиненные предложения с вкраплением подчинительной связи образуются на основе цепочного присоединения, опирающегося на логико-смысловые связи сочинения и подчинения (причины / уступки). Цепочное присоединение включает в предложения как отдельные предикации, так и блоки, внутри которых предикации объединяются структурно-смысловым и смысловым инкорпорированием.

В конфигурациях, опирающихся на некаузальные логико-смысловые связи (цепочное присоединение на основе логико-смысловых связей сочинения и структурно-смысловое инкорпорирование), смена фона и фигуры носит линейный характер. При каузальных логико-смысловых связях (цепочное присоединение на основе каузальных логико-смысловых связей подчинения и смысловое инкорпорирование) наблюдается как линейная, так и нелинейная смена фокуса и фигуры. Линейное прогрессивное движение фигуры имеет место в конфигурациях с финальной позицией главной клаузы каузации.

В конфигурациях с инициальной позицией главной клаузы каузации происходит нелинейное регрессивное движение фигуры на соответствующих участках синтагматической цепочки.

4.2.2. Четырехкомпонентные сложносочиненные предложения с вкраплением подчинения

Сочетания сочинительных и подчинительных логико-смысловых связей предикаций, образующих четырехкомпонентные сложносочиненные предложения с вкраплением подчинения, демонстрируют такие конфигурации:

1. Конфигурации логико-смысловых связей сочинения.

1.1. Соединительные сочинительные связи (добавление информации) взаимодействуют со структурно-смысловым инкорпорированием.

1.1.a. Вкрапление подчинения в финальную предикацию: [[инициальная предикация = сочинительная клауза]; (прибавление информации) [присоединенная предикация = сочинительная клауза] and (прибавление информации) [присоединенный блок = [главная клауза [подчиненная дополнительная клауза]]]] – [[I=G1]; [A=F1/G1] and [A=F1/G1: [M=F2/G2 [S=F2]]]].

Такая последовательность встречается только в речи Д. Кемерона. Например: *We will cut the number of command posts from 13,000 to less than 9,000; we will reduce the number of NATO agencies from 14 to three; **and** we will ensure that all decisions taken at this summit are funded from within NATO's existing resource plan* (Cameron 2).

Первые три предикации в синтагматической цепочке объединяются цепочным присоединением, логически опирающимся на отношения соединения (добавления информации). При цепочном присоединении предикации в структурно-смысловом аспекте независимы. Они связаны только последовательностью изложения событий; структурно их связывает пунктуация, а также союз *and*; просодически – интонационный рисунок речи. Имеет место «нанизывание» информации: информация, содержащаяся

в предыдущей предикации, составляет фон для интерпретации последующей информации. Фокус внимания последовательно перемещается вперед по ходу разворачивания дискурса.

Третья и четвертая предикации в синтагматической цепочке объединяются структурно-смысловым инкорпорированием, и, соответственно, являются одним целым и неразрывным блоком, в котором имеются свои фон и фигура. При структурно-смысловом инкорпорировании информация предшествующей в синтагматической цепочке предикации удерживается в непосредственном доступе для интерпретации информации последующей предикации. Это обусловлено структурно-смысловой взаимозависимостью объединяемых предикаций. Следовательно, в данной конфигурации наблюдается прогрессивное движение фокуса внимания по мере разворачивания синтагматической цепочки.

1.1.6. Вкрапление подчинения во вторую и финальную предикации:

[[инициальный блок = [главная клауза [дополнительная клауза]]] and (прибавление информации) [присоединенный блок = [главная клауза [дополнительная клауза]]] или [[инициальный блок = [главная клауза (точка референции) [определяющая клауза]]] and (прибавление информации) [присоединенный блок = [главная клауза [дополнительная клауза]]]] – [[I=G1: [M=G2 [S=F2]]] and [A=F1/G1: [M=G2 [S=F2]]]] / [[I=G1: [M (PR)=G2 [S=G2]]] and [A=F1: [M=G2 [S=F2]]]].

Например: *I recognize that some in this chamber have already proposed deeper cuts, **and** I'm willing to eliminate whatever we can honestly afford to do without.* (Obama 4); *And one day last summer, he saw **the news** that halfway across the world, 33 men were trapped in a Chilean mine, **and** no one knew how to save them.* (Obama 4); *This is **the biggest business summit** any British government has ever hosted **and** I think it is also the biggest Olympic business summit in history.* (Cameron 7).

В терминах операций когнитивного конструирования в данной конфигурации наблюдается прогрессивное движение фокуса внимания по ходу разворачивания дискурса.

1.2. Противительные сочинительные связи.

1.2.1. Взаимодействие противительных сочинительных связей и структурно-смыслового инкорпорирования: [[инициальный блок = [главная клауза (точка референции) [определятельная клауза]]] but (противопоставление) [присоединенный блок = [главная клауза (точка референции) [определятельная клауза]]]] – [[I=G1: [M (PR)=G2 [S=F2]]] but [A=F1: [M (PR=G2 [S=F2]]]]].

Такая последовательность характерна только для речи Б. Обамы. Например: ***These steps** we've taken over the last two years may have broken the back of this recession, **but** to win the future, we'll need to take on **challenges** that have been decades in the making* (Obama 4).

Это сложносочиненное предложение состоит из двух блоков, объединенных цепочным присоединением на базе противопоставления. Блоки представляют собой зеркальные синтаксические образования, компоненты которых объединяются структурно-смысловым инкорпорированием при наличии общей точки референции. Данная конфигурация создает условия для прогрессивного движения фокуса внимания.

1.2.2. Взаимодействие противительных сочинительных связей и смыслового инкорпорирования:

[[инициальный блок = [[главная клауза] подчиненная клауза времени]] **but** (противопоставление) [присоединенный блок = [[главная клауза] подчиненная клауза времени]]] – [[I=G1: [[M=F2] S=G2]] but [A=F1: [[M=F2] S=G2]]]. Например: *The Interior Department is in charge of salmon while they're in fresh water, **but** the Commerce Department handles them when they're in saltwater* (Obama 4).

Это сложносочиненное предложение, как и предыдущее, состоит из двух зеркальных блоков, объединенных цепочным присоединением на базе противопоставления. Отличие состоит в том, что компоненты блоков находятся в отношениях смыслового инкорпорирования: придаточная клауза, следующая за главной в синтагматической цепочке, образует фон для

ее интерпретации. Соответственно, в рамках этой конфигурации наблюдается регрессивное движение фокуса между компонентами двух блоков и прогрессивное между блоками в целом. При этом пропозициональное содержание первого блока удерживается в непосредственном доступе для интерпретации второго.

2. Конфигурации смысловых связей подчинения.

2.1. Взаимодействие подчинительных связей уступки и структурно-смыслового инкорпорирования.

2.1.a.: [инициальная предикация = подчиненная клауза уступки but (подчинение: уступка) [присоединенный блок = сложно организованная главная клауза уступки [главная клауза [придаточная клауза расширения (точка референции) [придаточная определительная клауза]]]]] – [I/S=G1 but [A=F1: [M=G2 [S (PR)=F2/G2 [S=F2]]]]].

Данная конфигурация встречается только в речи Д. Кемерона. Например: *Development has never been just about aid or money, **but** I am proud that Britain is a country that keeps its promises to the poorest in the world* (Cameron 8).

Первая предикация, вводимая в предложение цепочным присоединением, в логико-смысловом аспекте функционирует как придаточная клауза уступки по отношению к главной клаузе, состоящей из трех последующих предикаций. Соответственно, информация первой предикации служит фоном для интерпретации главного трехкомпонентного предложения. В то же время, вторая, третья и четвертая предикации в синтагматической цепочке объединяются структурно-смысловым инкорпорированием и, соответственно, являются одним структурным целым, в котором имеются свои фон и фигура. Поскольку при структурно-смысловом инкорпорировании информация, содержащаяся в каждой последующей предикации, профилируется относительно домена, определяемого предыдущей предикацией и служащего базой для ее интерпретации, распределение внимания осуществляется путем перемещения фокуса внимания в конец синтагматической цепочки на основе последовательной смены фона фигурой.

2.1.б.: [инициальный блок = сложно организованная подчиненная клауза уступки [подчиненная клауза подлежащего [главная клауза]] *but* (уступка) [присоединенный блок = сложно организованная главная клауза уступки [главная клауза [подчиненная дополнительная клауза]]]] – **[I=G1: [S=G2[M=F2]] *but* [A=F1: [M=G2 [S=F2]]]]**.

Например: *What I'm about to say is drawn from the British experience, **but** I believe there are general lessons for us all* (Cameron 3).

Данное сложносочиненное предложение состоит из двух блоков, объединяемых цепочным присоединением на основе логико-смысловых связей уступки. Компоненты блоков соединены структурно-смысловым инкорпорированием. В логико-смысловом аспекте первый блок отображает условие, не мешающее совершению действия, выражаемого пропозициональным содержанием второго блока. Соответственно первый и второй блоки соотносятся как подчиненная и главная клаузы сложноподчиненного уступки. Благодаря финальной позиции главной клаузы в этой конфигурации наблюдается прогрессивное линейное движение фокуса внимания.

2.2. Взаимодействие подчинительных связей уступки и смыслового инкорпорирования: [инициальный блок = сложно организованная придаточная клауза уступки [главная клауза [дополнительная клауза]] **but** (противопоставление) [присоединенный блок = сложно организованная главная клауза уступки [главная клауза] подчиненная клауза времени]] – **[I/S=G1: [M=G2 [S=F2]] *but* [A/M=F1: [M=F2] S=G2]]**. Такая последовательность характерна для речи Б. Обамы. Например, *It may make you feel like you're flying high at first, **but** it won't take long before you feel the impact* (Obama 4).

Это сложносочиненное предложение состоит из двух блоков, связанных между собой отношениями уступки, где первый блок функционирует как придаточная клауза, а второй – как главная клауза. Компоненты первого блока связаны структурно-смысловым инкорпорированием, а второго – смысловым

инкорпорированием. Структурно-смысловая связь и финальная позиция блока в функции главной клаузы уступки задают прогрессивное движение фокуса внимания. Однако позиция компонентов второго блока, где придаточная клауза времени следует за главной клаузой, меняет направление движения фокуса внимания на регрессивное.

Таким образом, четырехкомпонентные сложносочиненные предложения с вкраплением подчинительной связи образуются на основе цепочного присоединения, опирающегося на логико-смысловые связи сочинения и подчинения (уступки). Цепочное присоединение объединяет в предложения как отдельные предикации, так и блоки, внутри которых предикации связываются структурно-смысловым и смысловым инкорпорированием.

В конфигурациях, базирующихся на некаузальных логико-смысловых связях (цепочное присоединение на основе логико-смысловых связей сочинения и структурно-смысловое инкорпорирование), смена фона и фигуры носит линейный характер. Линейное движение фигуры наблюдается также при каузальных логико-смысловых связях (цепочное присоединение на основе логико-смысловых связей уступки и смысловое инкорпорирование) в случае финальной позиции главной клаузы каузации. Финальная позиция подчиненной клаузы каузации задает регрессивное движение фокуса внимания на соответствующих участках синтагматической цепочки.

4.2.3. Пятикомпонентные сложносочиненные предложения с вкраплением подчинения

Взаимодействие сочинительных и подчинительных логико-смысловых связей предикаций, образующих пятикомпонентные сложносочиненные предложения с вкраплением подчинения, реализуется в таких конфигурациях:

1. Конфигурации смысловых связей сочинения.

1.1. Взаимодействие соединительных сочинительных связей (прибавление информации) и структурно-смыслового инкорпорирования: [[инициальная предикация = сочинительная клауза] and (добавление информации)]

[присоединенный блок = [главная клауза [подчиненная дополнительная клауза (точка референции) [подчиненная определительная клауза [подчиненная предикативная клауза]]]]] – [[I=G1] and [A=F1: [M=G2 [S (PR)=F2/G2 [S=F2/G2 [S=F2]]]]]]. Такая конфигурация характерна только для речи Д. Кемерона. Например: *I've been absolutely clear about this right from the start, **and** in our meeting we had what we call a "violent agreement," which is that releasing the Lockerbie bomber, a mass murderer of 270 people, the largest act of terrorism ever committed in the United Kingdom, was completely wrong* (Cameron 1).

Это сложносочиненное предложение состоит из двух блоков, объединяемых цепочным присоединением на базе логико-смысловых отношений соединения (прибавления информации). Первый блок включает одну инициальную предикацию, а второй – четыре предикации, связанные отношениями структурно-смыслового инкорпорирования. Отношения сочинения, как и отношения структурно-смыслового инкорпорирования, задают прогрессивное движение фигуры. При структурно-смысловом инкорпорировании информация, содержащаяся в каждой предшествующей предикации, удерживается в непосредственном доступе для интерпретации содержания каждой последующей предикации.

1.2. Взаимодействие противительных сочинительных связей и структурно-смыслового инкорпорирования: [[инициальный блок = [главная клауза (точка референции) [определяющая клауза [дополнительная клауза]]]] and (противопоставление) [присоединенный блок = [главная клауза [дополнительная клауза]]]] – [[I=G1: [M (PR)=G2 [S=F2/G2 [S=F2]]]] and [A=F1: [M=G2 [S=F2]]]].

Такая синтагматическая цепочка характерна для речи Д. Кемерона. Например: *Now, there are **those that say that this terrorist threat is beyond our control**, **and** we passionately believe that is wrong* (Cameron 5).

Данное сложносочиненное предложение состоит из двух блоков, связанных отношениями противопоставления. Первый блок включают три предикации, а второй две. Компоненты обоих блоков объединяются

структурно-смысловым инкорпорированием. Эти синтаксические связи задают прогрессивное движение фокуса внимания.

1.3. Взаимодействие соединительных сочинительных связей (добавление), структурно-смыслового и смыслового инкорпорирования:
[[инициальный блок = [главная клауза [предикативная клауза]]] **and** (добавление) [присоединенный блок = [главная клауза [предикативная клауза]] временная клауза]] – [[I=G1: [M=G2 [S=F2]]] **and** [A=F1: [M=F2 [S=F2]] S=F/G2]]. Например, *That's what we did with Korea, **and** that's what I intend to do as we pursue agreements with Panama and Colombia and continue our Asia Pacific and global trade talks* (Obama 4).

Предложение состоит из двух блоков, объединенных отношениями добавления информации. Первый блок включает две, а второй – три предикации. Предикации первого блока вводятся в предложение структурно-смысловым инкорпорированием. Две первых предикации второго блока также вводятся в предложение структурно-смысловым инкорпорированием, а последняя – смысловым инкорпорированием. Структурно-смысловые связи цепочного присоединения и структурно-семантического инкорпорирования задают прогрессивное линейное движение фокуса внимания. Поскольку в рассматриваемой синтагматической цепочке главная предикация сложноподчиненного времени, составляющая неразрывное целое с предикативной придаточной, предшествует придаточной времени, фокус внимания перемещается в обратном направлении.

1.2. Конфигурации смысловых связей подчинения: [инициальная предикация = подчиненная клауза уступки *but* (подчинение: уступка) [присоединенный блок = [главная клауза (точка референции) [определятельная клауза [дополнительная клауза (точка референции) [определятельная клауза]]]]]] – [I/S=G1 **but** [A/M=F1: [M (PR)=G2 [S=F2/G2 [S (PR=F2/G2) [S=F2]]]]]].

Например: *We may have different backgrounds, **but** we believe in the same dream that says this is a country where anything is possible* (Obama 4).

Данное сложносочиненное предложение включает два блока, содержащих, соответственно, одну и четыре предикации. Блоки объединяются в предложение на основе цепочного присоединения (противительной сочинительной связи (союз *but*). В логико-смысловом аспекте инициальная предикация выполняет функцию придаточной клаузы уступки по отношению к сложно организованной главной клаузе, состоящей из четырех последующих предикаций, включенных в предложение структурно-смысловым инкорпорированием: [Хотя у нас разный социально-исторический опыт [но мы верим...]]. Соответственно, пропозициональное содержание инициальной предикации является фоном, необходимым для интерпретации сложно организованной главной клаузы. Поскольку при структурно-смысловом инкорпорировании информация, содержащаяся в каждой предыдущей предикации, служит фоном для интерпретации последующей предикации, выступающей фигурой, распределение внимания осуществляется путем перемещения фокуса внимания в конец синтагматической цепочки на основании последовательной смены фона фигурой. При этом информация инициальной предикации удерживается в доступе для интерпретации последующих.

1.3. Конфигурация смысловых связей сочинения и подчинения:

[инициальный блок = сложно организованная подчиненная клауза уступки [суб-блок = [главная клауза (точка референции) [определятельная клауза] (главная клауза)] and (добавление) [сочинительная клауза]] but (подчинение: отношения уступки) [присоединенный блок = сложно организованная главная клауза уступки [[сочинительная клауза] and (добавление) [сочинительная клауза]]]] – [I/S=G1: =[[M (PR=G2 [S=F2/G2] (M)=F2/G2] and [A]=F1/G1] but [A/M=F1/G1: [[A=G2] and [A=F2]]]]. Например, *Today, the threats we face are different and the world is in many ways more uncertain, but our alliance remains rock solid and Britain's commitment to it is as strong as ever* (Cameron 2).

Данное сложносочиненное предложение состоит из двух блоков. Первый блок включает три предикации. Две первых предикации блока, объединенных

структурно-смысловым инкорпорированием с разрывом инициальной (главной) предикации, образуют суб-блок внутри первого блока. Разрыв главной предикации здесь обусловлен необходимостью дать дополнительную, важную, с точки зрения говорящего, информацию о ключевой референтной сущности, обозначенной словосочетанием *the threats* (угрозы). Третья предикация включается в первый блок на базе цепочного присоединения (союз *and*). Четвертая и пятая предикации, объединяющиеся цепочным присоединением (союз *and*), образуют второй блок. Эти два блока структурно объединены противительной сочинительной связью. На логико-смысловом уровне пропозициональное содержание двух блоков соотносится по принципу уступки (как условие, противодействующее осуществлению действия / наступлению состояния дел и действие / состояние дел, имеющее место, несмотря на это условие). Благодаря финальной позиции предикаций, выполняющих функцию главной клаузы уступки, распределение внимания в данной случае имеет прогрессивный линейный характер: фокус передвигается вперед по мере разворачивания синтагматической цепочки.

Таким образом, пятикомпонентные сложносочиненные предложения с вкраплением подчинительной связи образуются на основе цепочного присоединения, базирующегося на логико-смысловых связях сочинения и подчинения (уступки). Цепочное присоединение объединяет в предложения как отдельные предикации, так и блоки, внутри которых предикации связываются структурно-смысловым и смысловым инкорпорированием. Пятикомпонентные сложносочиненные предложения с вкраплением подчинительной связи представляют собой более сложно организованные синтаксические единицы по сравнению с двух, трех и четырехкомпонентными, поскольку они могут включать не только блоки, но и суб-блоки внутри блоков в тех случаях, когда внутри одного блока взаимодействуют логико-смысловые связи подчинения и сочинения.

Распределение фокуса внимания в пятикомпонентных сложносочиненных предложениях с вкраплением подчинительной связи происходит по тем же самым

принципам, что и в трехкомпонентных и четырехкомпонентных предложениях. В конфигурациях некаузальных логико-смысловых связей (цепочное присоединение на основе сочинения и структурно-смысловое инкорпорирование), а также в случае финальной позиции главной клаузы каузации при каузальных логико-смысловых связях (цепочное присоединение на основе логико-смысловых связей уступки и смысловое инкорпорирование), смена фона и фигуры носит линейный характер. В случае финальной позиции подчиненной клаузы каузации имеет место регрессивное движение фокуса внимания на соответствующих участках синтагматической цепочки.

4.2.4. Шестикомпонентные сложносочиненные предложения с вкраплением подчинения

Взаимодействие сочинительных и подчинительных логико-смысловых связей предикаций, образующих шестикомпонентные сложносочиненные предложения с вкраплением подчинения, реализуется в конфигурациях смысловых связей сочинения и подчинения.

1. Конфигурация логико-смысловых связей сочинения опирается на взаимодействие цепочного присоединения (прибавления), структурно-смыслового инкорпорирования с разрывом предикации и смыслового инкорпорирования: [[инициальный блок = [главная клауза (точка референции) [определятельная клауза (точка референции) [определятельная клауза] (определятельная клауза) клауза условия]]]] and (добавление) [присоединенный блок = [главное (точка референции) [определятельное-3]]]] – [[I=G1: [M (PR)=G2 [S (PR=F2/G2 [S=F2/G2] [(S=F2/G2) S=G2]]]] and [A=F1: [M (PR)=G2 [S=F2]]]]. Например, *And we share the view that the future we seek is only possible if the rights and responsibilities of nations and people are upheld and that's a cause that we advance today* (Obama 9).

Предложение состоит из двух блоков. Первые четыре предикации в синтагматической цепочке составляют первый блок и объединяются

структурно-смысловым и смысловым инкорпорированием. Главная предикация данного блока [Мы разделяем точку зрения...] является фоном по отношению к дополнительной придаточной предикации [что будущее...возможно]. Разрыв придаточной дополнительной предикации обусловлен необходимостью дать уточняющую информацию о референте *the future*. Придаточная предикация условия [если гарантированы права и свободы граждан] задает условия совершения действия всех предыдущих предикаций и является фоном по отношению к ним. Две последние предикации в синтагматической цепочке также составляют единый блок и объединяются структурно-смысловым инкорпорированием. Главная предикация в данном блоке [это причина того...] является грунтом по отношению к придаточной определительной предикации [что мы продвигаемся сегодня вперед]. Два блока связаны цепочным присоединением, их связывает союз *and* и отношения добавления информации.

В когнитивном аспекте на участке синтагматической цепочки первого блока с четвертой по первую предикацию наблюдается регрессивное движение фокуса внимания, а затем – прогрессивное.

2. Конфигурации смысловых связей сочинения и подчинения:

2.1.1. Взаимодействие подчинительных связей уступки, структурно-смыслового и смыслового инкорпорирования: [инициальная предикация = подчиненная клауза уступки *but* (подчинение: отношения уступки) [присоединенный блок = сложно организованная главная клауза уступки [главная клауза (точка референции) [подчиненная определительная клауза [дополнительная клауза (точка референции) [[определительная клауза = главная клауза сложноподчиненного условия] подчиненная клауза условия]]]]]] – [I/S=G1] *but* [A/M=F1: [M (PR)=G2/F2 [S=G2/F2 [[S (PR)=G3/F3 [S/M=F3] S=G3]]]]]. Например: *We may have different opinions, **but** we believe in the same promise that says this is a place where you can make it if you try* (Obama 4).

Это сложное предложение представляет собой структуру трехуровневого подчинения. Оно состоит из двух логико-смысловых блоков первого уровня,

которые включают, соответственно, одну (инициальную) и четыре (последующих) предикаций. Предикации этих блоков объединяются цепочным присоединением. В логико-смысловом аспекте инициальная предикация выполняет функцию подчиненной уступки по отношению к сложно организованной главной клаузе, которая охватывает четыре последующих предикации. Внутри второго блока образуются блоки второго уровня: вторая и третья предикации в синтагматической цепочке, связанные структурно-семантическим инкорпорированием, функционируют как сложно организованная подчиненная дополнения. И, наконец, компоненты сложно организованной подчиненной дополнения образуют блоки третьего уровня: четвертая и пятая предикации функционируют как сложно организованная главная клауза по отношению к подчиненной клаузе условия. В терминах когнитивных операций управления вниманием фокус внимания меняет прогрессивное направление движения на регрессивное на отрезке синтагматической цепочки между четвертой и шестой предикациями.

2.1.2. Взаимодействие цепочного присоединения (уступка) и структурно-смыслового инкорпорирования с разрывом предикации: [инициальный блок = сложно организованная подчиненная клауза уступки [[сочинительная клауза] and (добавление информации) [сочинительная клауза]] but (уступка) [присоединенный блок = сложно организованная главная клауза уступки [[сочинительная клауза] and (добавление информации) [суб-блок = [главная клауза (точка референции) [определятельная клауза] (главная клауза) (точка референции) [определятельная клауза]]]]]] – [I/S=G1: [[I=G2] and [A=F2/G2]] but [A/M=F1: [[A=G2] and [A=F2: [M (PR)=G3 [S=F3/G2] (M) (PR)=F3/G3 [S=F3]]]]]].

Например, *So, yes, of course I want medals for Britain, **and** there will be no more passionate supporter of Team GB than me, **but** I have got another job to do this summer **and** a big part of that job is to get behind British business and do everything I can to help secure the trade and investment that will help get the world back to sustained, global growth (Cameron 7).*

Это сложносочиненное предложение состоит из двух блоков, связанных логико-смысловыми отношениями уступки. Первый блок образуется первыми двумя предикациями, связанными цепочным присоединением на основе сочинительной связи соединения (добавления информации) и в логико-смысловом отношении функционирует как сложно организованная придаточная уступки. Второй блок, представляющий собой сложно организованную главную предикацию уступки, включает сочинительную предикацию, а также суб-блок охватывающий три предикации, включающиеся в предложение структурно-смысловым инкорпорированием.

На когнитивном уровне благодаря финальной позиции сложно организованной главной клаузы уступки, а также тому обстоятельству, что ее составляющие связаны соединительными отношениями добавления информации и структурно-смысловым инкорпорированием, смена фона и фигуры имеет линейный прогрессивный характер.

Таким образом, шестикомпонентные сложносочиненные предложения с вкраплением подчинительной связи образуются на основе взаимодействия цепочного присоединения, опирающегося на логико-смысловые связи сочинения и подчинения, а также структурно-смыслового и смыслового инкорпорирования. Распределение фона и фигуры носит линейный характер. Являясь базовой связью, цепочное присоединение объединяет в предложения как отдельные предикации, так и блоки, внутри которых предикации связываются структурно-смысловым и смысловым инкорпорированием. Как и пятикомпонентные сложносочиненные предложения с вкраплением подчинительной связи, шестикомпонентные предложения являются сверхсложными синтаксическими единицы, структурно-семантические блоки которых содержат суб-блоки, внутри которых взаимодействуют логико-смысловые связи подчинения и сочинения.

Распределение фокуса внимания в шестикомпонентных сложносочиненных предложениях с вкраплением подчинительной связи

происходит по тем же самым принципам, что и в предложениях с меньшим количеством компонентов.

4.3. Суггестивные и аргументативные паттерны сложных предложений, базирующихся на структурных связях сочинения

В результате структурно-семантического анализа основных типов синтаксических связей, а также когнитивного анализа распределения внимания в сложносочиненных предложениях и сложносочиненных предложениях с вкраплением подчинения в речи Б. Обамы и Д. Кемерона выявлено два паттерна аранжирования предикаций: суггестивный и аргументативный.

Схемы распределения внимания, задаваемые цепочным присоединением на базе сочинения, автоматизируют восприятие аудитории путем создания однотипного линейного ритмического рисунка за счет последовательной смены фона и фигуры при прогрессивном движении фокуса внимания в конец синтагматической цепочки.

Схемы распределения внимания, задаваемые цепочным присоединением на базе подчинения, наоборот, деавтоматизируют восприятие аудитории, и включают рациональное мышление, необходимое для понимания каузальных смысловых зависимостей подчинения, отображаемых пропозициональным содержанием объединяемых предикаций.

Взаимодействие цепочного присоединения со структурно-смысловым и смысловым инкорпорированием задает как одноуровневые, так и двухуровневые, и трехуровневые схемы распределения внимания, характеризующиеся нелинейным ритмическим рисунком, создающимся регрессивным движением фокуса на участках синтагматической цепочки, аранжируемых смысловым инкорпорированием. Регрессивное движение фокуса внимания противоречит естественному прогрессивному движению фокуса внимания по мере разворачивания синтагматической цепочки.

Что касается количественных показателей распределения паттернов сочинительного синтаксиса, в речи обоих политиков преобладает цепочное присоединение, базирующееся на логико-смысловых связях сочинения: в речи Б. Обамы соотношение цепочного присоединения, базирующегося на сочинении и подчинении (53,2% (170) :: 46,8% (150)), а в речи Д. Кемерона (65,3% (320) :: 34,7% (170)); см. Рис. 3 в Приложении.

Что касается сложносочиненных предложений с вкраплением подчинения, в речи обоих политиков также преобладает структурно-смысловое инкорпорирование (48 % (360) в речи Б. Обамы и 53, 3% (330) в речи Д. Кемерона); цепочное присоединение на базе сочинения составляет, соответственно, 25,3% (190) и 27, 5% (170); цепочное присоединение на базе подчинения – 16 % (120) и 14, 6% (90); смысловое инкорпорирование – 10,7% (80) и 2,8% (20) от общего количества связей сочинения с вкраплением подчинения – (750) и (620); в речи Д. Кемерона также зарегистрированы случаи цепочного присоединения 1,8% (10); см. Рис. 4 в Приложении.

Следовательно, отношение суггестивных паттернов по отношению в аргументативным в речи Б. Обамы составляет 73,3% :: 26,7% а в речи Д. Кемерона – 82, 6% :: 17, 4%.

Эти данные свидетельствуют о том, что политические лидеры ориентированы на суггестивные способы речевого воздействия.

Выводы к главе 4

1. Сложносочиненный синтаксис публичных речей Б. Обамы и Д. Кемерона представлен предложениями, состоящими из двух или трех предикаций, объединенных цепочным присоединением, базирующимся на логико-смысловых связях сочинения и подчинения. При цепочном присоединении сочинения наблюдается последовательное прогрессивное движение фигуры по мере линейного разворачивания дискурса. При цепочном присоединении подчинения характер смены фона и фигуры определяется

местом в синтагматической цепочке клаузы, соотносящейся с главной клаузой подчинения.

2. Сложносочиненные предложения с вкраплением подчинительной связи в речи Б. Обамы и Д. Кемерона насчитывают от трех до шести предикаций и образуются на основе цепочного присоединения, опирающегося на логико-смысловые связи сочинения и подчинения (причины / уступки).

2.1. Цепочное присоединение может включать в предложения как отдельные предикации, так и блоки, внутри которых клаузы объединяются структурно-смысловым и смысловым инкорпорированием.

2.2. Пяти- и шестикомпонентные предложения с вкраплением подчинительной связи представляют собой сложно организованные синтаксические единицы двух- и трехуровневого подчинения с двух- и трехуровневым распределением фона и фигуры. Поскольку базовой синтаксической связью в этом типе синтаксических конструкций является цепочное присоединение – более значимой оказывается фигура первого уровня, помещающаяся в конце синтагматической цепочки в соответствии с прогрессивным характером распределения фона и фигуры при цепочном присоединении. Регрессивное движение фокуса внимания при смене фона и фигуры второго и третьего уровня наблюдается на отдельных участках синтагматической цепочки, включенных в предложение смысловым инкорпорированием.

3. В аспекте речевого воздействия выявлено два паттерна аранжирования предикаций сложносочиненного синтаксиса публичных речей Б. Обамы и Д. Кемерона: суггестивный и аргументативный.

3.1. Цепочное присоединение, базирующееся на логико-смысловых связях сочинения, во взаимодействии со структурно-смысловым инкорпорированием способствуют автоматизации внимания аудитории, создавая суггестивный ритм, задаваемый однотипным паттерном последовательной смены фона и фигуры.

3.2. Цепочное присоединение, базирующееся на логико-смысловых связях подчинения, а также смысловое инкорпорирование нарушают автоматизированность восприятия, сосредоточивая внимание аудитории на смысловых зависимостях между пропозициональным содержанием объединяемых в предложения предикаций.

3.3. Результаты количественного анализа свидетельствуют о том, что оба политических лидера ориентированы на суггестивные способы речевого воздействия.

Основные положения данного раздела отражены в следующих публикациях автора: [243; 240].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках когнитивно-дискурсивного подхода публичное выступление политического лидера трактуется как прототипический жанр политического дискурса, глобальной коммуникативной целью субъектов которого есть борьба за власть, осуществляемая с помощью речевого воздействия на объекты воздействия – аудиторию.

Основными способами речевого воздействия являются рациональная аргументация, основанная на доказательствах, способствующих обоснованию или опровержению той или иной точки зрения, и суггестия, основанная на подсознательном внушении той или иной точки зрения.

Результаты исследования аргументативных и суггестивных способов речевого воздействия в публичном выступлении политического лидера позволяют заключить, что разные структурно-семантические типы синтаксических структур обладают разным потенциалом речевого воздействия, ориентированным на убеждение или внушение.

Результаты структурно-семантического анализа связей между клаузами сложных предложений позволили выделить четыре структурно-семантических типа синтаксических связей: структурно-смысловое инкорпорирование (некаузальное подчинение), смысловое инкорпорирование (каузальное подчинение), цепочное инкорпорирование (каузальное подчинение / сочинение: цель действия – действие) и цепочное присоединение (каузальное и некаузальное сочинение).

Результаты анализа коммуникативного потенциала сложного синтаксиса анализируемых публичных выступлений англоязычных политических лидеров в терминах когнитивных операций управления вниманием показывают, что структурно-семантический тип синтаксической связи определяет линейность / нелинейность схемы распределения внимания.

При структурно-смысловом инкорпорировании / цепочном инкорпорировании / цепочном присоединении сочинения действует линейная схема смены фона и фигуры, поскольку фон закреплен за клаузой, следующей первой в синтагматической цепочке, а фигура – за последующей клаузой, содержащей более позднюю информацию.

При смысловом инкорпорировании / цепочном присоединении подчинения имеет место нелинейная схема фона и фигуры. Фон закреплен за придаточной клаузой, независимо от ее места в синтагматической цепочке, а фигура – за главной клаузой. Между клаузами существуют каузальные отношения: информация, содержащаяся в подчиненной клаузе, соотносится с информацией, отображаемой главной клаузой, как мотив для совершения действия / наступления состояния и действие / состояние.

При взаимодействии структурно-смыслового и смыслового инкорпорирования образуются сложные предложения двухуровневой структуры с двухуровневым распределением фона и фигуры. Структурно-смысловое инкорпорирование включает в предложение блок-дополнение (первый уровень подчинения), внутри которого предикации объединяются отношениями условия / уступки / причины (второй уровень подчинения). Распределение внимания имеет двухуровневый характер. Большей коммуникативной значимостью обладает фигура второго уровня. На первом уровне движение фокуса внимания носит прогрессивный характер. Движение фокуса внимания второго уровня зависит от позиции главной клаузы второго уровня подчинения.

При взаимодействии смыслового и цепочного инкорпорирования также образуются предложения двухуровневой структуры. Клаузы, объединенные цепочным инкорпорированием, соотносятся с клаузой, включаемой в предложение смысловым инкорпорированием, как сложно организованная главная и придаточная. Распределение внимания носит двухуровневый характер. Благодаря инициальной позиции клаузы, вводимой в предложение

смысловым инкорпорированием, а также линейной специфике распределения внимания при цепочном инкорпорировании, наблюдается прогрессивное движение фокуса внимания на обоих уровнях. Наиболее значимой есть фигура, помещающаяся в конце синтагматической цепочки.

При взаимодействии цепочного присоединения с другими видами связи образуются сложные предложения двух- и трехуровневой структуры с двух- и трехуровневым распределением фона и фигуры. Более значимой оказывается фигура первого уровня, помещающаяся в конце синтагматической цепочки в соответствии с прогрессивным характером распределения фона и фигуры при цепочном присоединении. Регрессивное движение фокуса внимания при смене фона и фигуры второго и третьего уровня наблюдается на отдельных участках синтагматической цепочки, включенных в предложение смысловым инкорпорированием.

Нелинейные паттерны синтаксического аранжирования предикаций сложного предложения, наделяющие его рационально-логическим потенциалом доказательства на основе отношений каузации, квалифицируются как единицы аргументации – аргументемы.

Линейные паттерны синтаксического аранжирования предикаций сложного предложения, наделяющие его потенциалом внушения за счет ритмизации речи и автоматизации ее восприятия, квалифицируются как единицы суггестии – суггестемы.

Аргументативные паттерны нарушают автоматизированность восприятия, сосредоточивая внимание аудитории на каузальных зависимостях пропозиций объединяемых в предложения предикаций.

Суггестивные паттерны обеспечивают линейную схему смены фона и фигуры. Линейная схема способствует ритмизации речи и автоматизирует восприятие аудитории.

Количественное преобладание суггестивных паттернов в анализируемых публичных выступлениях свидетельствует о том, что англоязычные

политические лидеры ориентированы на суггестивные способы речевого воздействия.

Перспективы исследования связываем с установлением роли аргументативных и суггестивных синтаксических паттернов в разных типах англоязычного персуазивного дискурса (в частности, рекламного, религиозного, публицистического, психотерапевтического), в рамках одного и того же типа дискурса в разных лингвокультурах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов А.П. Вариантные формы определительных предложений как средство выражения дейктических отношений (на материале современного английского языка) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / А.П. Абрамов. – М., 1975. – 28 с.
2. Аверина С.Н. Пословично-поговорочные паремии как аргументативные средства языка : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / С.Н. Аверина. – Краснодар : Кубан. гос. ун-т, 2005. – 23 с.
3. Адамец П. Порядок слов в современном русском языке / П. Адамец. – Praha : Academia, 1966. – 101 с.
4. Адмони В.Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики / В.Г. Адмони. – Л. : Наука, 1988. – 238 с.
5. Аكوпова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса / Д.Р. Аكوпова // Вестник Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Серия : Филология. – 2013. – № 6 (1). – С. 403–409.
6. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики : [монография] / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Гнозис, 2005. – 326 с.
7. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика (синонимические средства языка) : автореф. дис. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.19 «Общее языкознание» / Ю.Д. Апресян. – Минск : Беларус. ордена Трудового Красного Знамени гос. ун-т имени В.И. Ленина, 1984. – 37 с.
8. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык : [учебник для вузов] / И.В. Арнольд. – [5-е изд., испр, доп.]. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 384 с.
9. Аронсон Э. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения (повседневное использование и злоупотребление) : психологическая энциклопедия /

- Э. Аронсон, Э.Р. Пратканис. – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. – 384 с.
10. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. – М. : Сов. энциклопедия, 1998. – С. 136–137.
 11. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл (логическо-семантические проблемы) / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1976. – 383 с.
 12. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
 13. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – [2-е изд., испр.]. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.
 14. Архипов И.К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания / И.К. Архипов // *Studia Linguistica Cognitiva*. – М. : Гнозис, 2006. – Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – С. 157–171.
 15. Астахова Л.И. О сложносочиненном предложении / Л.И. Астахова // Вопросы языкознания. – 1993. – № 1. – С. 87–96.
 16. Астахова Л.И. Предложение и его членение. Прагматика. Семантика. Синтаксис / Л.И. Астахова. – Днепропетровск : Изд-во ДГУ, 1992. – 160 с.
 17. Базилевич Н.В. Дискурс рефлексії політичного лідера в лінгвокогнітивному ракурсі (на матеріалі історико-мемуарних творів В. Черчилля) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Базилевич Наталія Вікторівна. – Херсон : Херсон. держ. ун-т, 2015. – 200 с.
 18. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Иностран. литература, 1955. – 416 с.
 19. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику : [учеб. пособие] / А.Н. Баранов. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 360 с.
 20. Баранов А.Н. Когнитивные механизмы антологизации знания в зеркале языка (к лингвистическому изучению аргументации) / А.Н. Баранов, В.Н. Сергеев // Психологические проблемы познания действительности :

- Труды по искусственному интеллекту. – Тарту : Тартуск. гос. ун-т, 1988. – С. 21–39.
21. Баранов А.Н. Парламентские дебаты: традиции и новации / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. – М. : Знание, 1991. – 64 с.
 22. Баранов А.Н. Постулаты когнитивной семантики / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 1997. – Т. 56, № 1. – С. 11–22.
 23. Бардина Н.Е. Аксиологическая стратегия аргументативного дискурса современного английского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Бардина Надежда Евгеньевна. – Иркутск : Иркут. гос. лингв. ун-т, 2004. – 180 с.
 24. Бархударов Л.С. Грамматика английского языка / Л.С. Бархударов, Д.А. Штелинг. – [Изд. 4-е, испр.]. – М. : Высш. школа, 1973. – 420 с.
 25. Бархударов Л.С. К проблеме структуры сложного предложения / Л.С. Бархударов, Г.В. Колшанский // Профессору Московского университета академику В.В. Виноградову : сб. статей по языкознанию. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1958. – С. 40–53.
 26. Батурин В.К. Соціологія : учебник для вузов / В.К. Батурин ; под ред. В.К. Батурина. – [4 изд., перераб. и доп.]. – М. : Юнити-Дана, 2012. – 487 с.
 27. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин ; сост. С.Г. Бочаров, примеч. С.С. Аверинцев и С.Г. Бочаров. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
 28. Бацевич Ф.С. Основи комунікативної лінгвістики : підручник / Ф.С. Бацевич. – К. : ВЦ «Академія», 2009. – 374 с.
 29. Безменова Н.А. Оптимизация речевого воздействия : [монография] / Н.А. Безменова, Н.Н. Белянин. – М. : Наука, 1990. – 239 с.
 30. Беликов В.И. Социолінгвістика / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М. : РГГУ, 2001. – 439 с.

31. Белова А.Д. Лингвистические аспекты аргументации : [монография] / А.Д. Белова. – К. : Киев. ун-т им. Тараса Шевченко, ИИА «Астры», 1997. – 310 с.
32. Белошапкова В.А. Современный русский язык: синтаксис / В.А. Белошапкова. – М. : Высш. школа, 1977. – 248 с.
33. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 447 с.
34. Берков В.Ф. Аргументация как речь / В.Ф. Берков // Стратегии коммуникативного поведения : материалы докладов междунар. науч. конф. (Минск, 3–4 мая 2001 г.) : в 3-х ч. ; редкол. : Д.Г. Богусевич [и др.]. – Минск : Минск. гос. лингв. ун-т, 2001. – Ч. 1. – С. 118–122.
35. Бехтерев В.М. Гипноз, внушение, телепатия : сб. ст. / В.М. Бехтерев. – М. : Книжный клуб «Книговек», 2011. – 364 с.
36. Белёхова Л.І. Глосарій з когнітивної поетики / Л.І. Белёхова. – Херсон : Атлант, 2004. – 124 с.
37. Белёхова Л.І. Образний простір американської поезії: лінгвокогнітивний аспект : дис. ... доктора філол. наук : 10.02.04 / Белёхова Лариса Іванівна. – К., 2002. – 462 с.
38. Белова А.Д. Комунікативні стратегії і тактики : проблеми систематики / А.Д. Белова // Мовні і концептуальні картини світу : зб. наук. пр. – К. : Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – 2004. – № 10. – С. 11–16.
39. Биренбаум Я.Т. К теории сложного предложения (на материале английского языка) / Я.Т. Биренбаум // Вопросы языкознания. – 1982. – № 2. – С. 50–57.
40. Бисималиева М.К. О понятиях «текст» и «дискурс» / М.К. Бисималиева // Филологические науки. – 1999. – № 2. – С. 78 – 85.
41. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти / Р.М. Блакар // Язык и моделирование социального взаимодействия : сб. ст. / [общ. ред. В.В. Петрова ; сост. В.М. Сергеева, П.Б. Пашина]. – М. : Прогресс,

1987. – С. 88–125.
42. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики / М.Я. Блох. – М. : Высш. школа, 2004. – 239 с.
 43. Богданов В.В. Предложение и текст в содержательном аспекте / В.В. Богданов. – СПб. : Изд. дом Санкт-Петерб. гос. ун-та, 2007. – 280 с.
 44. Богданов В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты / В.В. Богданов. – Л. : Изд-во Ленинград. гос. ун-та, 1990. – 88 с.
 45. Богданов В.В. Семантико-синтаксическая организация предложения / В.В. Богданов. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1977. – 204 с.
 46. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики / В.А. Богородицкий. – М.; Л. : Соцэкгиз, 1935. – С. 207.
 47. Божеску М.Г. Сучасні дослідження політичного дискурсу / М.Г. Божеску // Вісник Луган. нац. ун-ту імені Тараса Шевченка. – 2013. – № 14 (273), Ч. I. – С. 6–11.
 48. Бойко Ю.І. PR-дискурс як інструмент маніпулювання / Ю.І. Бойко // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2013. – № 1051. – С. 118–122.
 49. Бойко Ю.П. Парадигма англійського гіпотаксису у синхронії та діяхронії : монографія / Ю.П. Бойко. – Хмельницький : Поліграфіст-2, 2012. – 450 с.
 50. Болтаева С.В. Ритмическая организация суггестивного текста : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / С.В. Болтаева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, 2003. – 25 с.
 51. Бондаренко Є.В. Мова і ідеологія: інформаційний вплив на картину світу / Є.В. Бондаренко // Мовні та концептуальні картини світу. – КНУ імені Тараса Шевченка. – 2015. – Вип. 55. – С. 65–71.
 52. Бондарко А.В. Теория и значение в системе функциональной грамматики / А.В. Бондарко. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – 736 с.

53. Бондарко А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондарко. – Л. : Наука, 1984. – 136 с.
54. Борботько В.Г. Элементы теории дискурса / В.Г. Борботько. – Грозный : Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981. – 113 с.
55. Будаев Э.В. Зарубежная политическая лингвистика : учеб. пособие / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов. – Москва : Флинта, 2006. – 252 с.
56. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология / Э.В. Будаев. – Нижний Тагил : Нижнетагил. гос. соц.-пед. акад., 2011. – 330 с.
57. Буніятова І.Р. Становлення складнопідрядного речення в давньогерманських мовах (IV–XIII ст.) : дис. ... доктора філол. наук : 10.02.04 / Буніятова Ізабелла Рафаїловна. – К. : КНЛУ, 2004. – 402 с.
58. Буркитбаева Г.Г. Об особенностях структуры и семантики сложноподчиненных предложений с подлежащей придаточной частью : сб. науч. тр. / Г.Г. Буркитбаева. – М., 1983. – Вып. 229. – С. 105–118.
59. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка / Ф.И. Буслаев. – М., 1959. – 386 с.
60. Бутова І.С. Прагматико-функціональні особливості політичного дискурсу США та України XXI століття : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.03.17 «Порівняльно-історичне і типологічне мовознавство» / Ірина Сергіївна Бутова. – Львів : Львів. нац. ун-т імені Івана Франка, 2011. – 20 с.
61. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер ; [пер. с нем. К. Бюлер ; общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной ; вступ. ст. Т.В. Булыгиной и А.А. Леонтьева]. – М. : Прогресс, 2001. – 528 с.
62. Варисова М.В. Сложноподчиненное предложение как единица речевой деятельности (на материалах английской диалогической речи) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04

- «Германские языки» / М.В. Варисова. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербург. ун-т, 1992. – 18 с.
63. Васильев Л.Г. Аргументативные аспекты понимания / Л.Г. Васильев. – М. : Ин-т психологии РАН, 1994. – 222 с.
 64. Васильев Л.Г. Аспекты аргументации. Материалы по общему языкознанию : Текст / Л.Г. Васильев ; [отв. ред. И.П. Сусов]. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 1992. – 56 с.
 65. Васильев Л.Г. Лингвистические аспекты понимания : дис. ... доктора филол. наук : спец. 10.02.19 / Наталья Николаевна Черкасская. – Калуга : Калуж. гос. пед. ун-т, 1999. – 251 с.
 66. Ващук Т.М. Прагматико-функціональні властивості німецького політичного дискурсу : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Ващук Тетяна Миколаївна. – Львів : Львів. нац. ун-т ім. Івана Франка, 2014. – 200 с.
 67. Вейхман Г.А. Лингвистика текста и проблема сложноподчиненных предложений / Г.А. Вейхман // Вопросы языкознания. – 1984. – № 5. – С. 95–108.
 68. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения / В.В. Виноградов // Исследования по русской грамматике : сб. научн. тр. – М. : Наука, 1975. – С. 254–294.
 69. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка) / В.В. Виноградов // Вопросы грамматического строя. – М. : Изд-во АН СССР. – 1955. – С. 389–435.
 70. Виттгенштейн Л. Логико-философский трактат / Л. Виттгенштейн // Философские работы. – М. : Гнозис, 1994. – С. 3–309.
 71. Вишнякова О.Д. Язык и концептуальное пространство /на материале современного английского языка / О.Д. Вишнякова. – М. : МАКС Пресс, 2002. – 377 с.
 72. Вінтонів М.О. Актуальне членування речення і тексту: формальні

- та функційні вияви : [монографія] / М.О. Вінтонів. – Донецьк : Донецький нац. ун-т, 2013. – 327 с.
73. Власян Г.Р. Природа речевого воздействия / Г.Р. Власян // Вестник Челябинск. гос. ун-та. – 2007. – Вип. 16. – № 20. – С. 31–35.
 74. Водак Р. Специальный язык и жаргон: о типе текста «партийная программа» / Р. Водак // Язык. Дискурс. Политика. – Волгоград, 1998. – С. 22–46.
 75. Волков А.А. Основы риторики : учеб. пособие для вузов / А.А. Волков. – М. : Академ. проект, 2005. – 304 с.
 76. Волков О.Г. Суб'єкт політичного дискурсу: сутність та існування : дис. ... доктора філос. наук : 09.00.03 / Волков Олександр Григорович. – Сімферополь : Тавр. нац. ун-т ім. В.І. Вернадського, 2012. – 360 с.
 77. Волкова С.С. К вопросу об обязательности и факультативности придаточных предложений (на материале некоторых типов придаточных предложений современного английского языка) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : 10.677 / С.С. Волкова. – К. : КГУ им. Тараса Шевченко, 1970. – 24 с.
 78. Вольфовська О.О. Ритмічна організація промов сучасних політичних діячів Німеччини (експериментально-фонетичне дослідження) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Вольфовська Ольга Олександрівна. – К. : КНЛУ, 2012. – 200 с.
 79. Востоков А.Х. Русская грамматика / А.Х. Востоков. – М. : Наука, 1974. – С. 465.
 80. Выготский Л.С. Избранные психологические исследования / Л.С. Выготский. – М. : АПН РСФСР, 1956. – 519 с.
 81. Гаврилова М.В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В.В. Путина и Б.Н. Ельцина) / М.В. Гаврилова. – СПб. : СПбГУ, 2004. – 300 с.
 82. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка [Текст] : учеб.

- для студ. ин-тов и фак-ов иностр. яз. – Ч. 1. Морфология ; – [2-е изд., испр. и доп.]. / В.Г. Гак. – М. : Высш. школа, 1986. – 312 с.
83. Гак В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – 768 с.
 84. Герасименко Н.А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе / Н.А. Герасименко // Политический дискурс в России – 2. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – С. 20–23.
 85. Герасимов В.И. Политический дискурс-анализ / В.И. Герасимов, М.В. Ильин // Политический дискурс: история и современные исследования : сб. науч. тр. – М., 2002. – 184 с. – (Политическая наука / РАН. Институт научной информации по общественным наукам; 2002. – № 3. Серия: «Политология»). – С. 61–71.
 86. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М. : Прогресс, 1992. – 224 с.
 87. Головин Б.Н. К вопросу о парадигматике и синтагматике на уровнях морфологии и синтаксиса / Б.Н. Головин // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. – М. : Наука, 1969. – С. 73–85.
 88. Головин С.Ю. Словарь психолога-практика / С.Ю. Головин ; – [2-е изд.]. – Минск : Харвест, 2003. – 976 с.
 89. Гордон Д. Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. – М. : Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 276–302.
 90. Горелик Л.М. Развитие сложноподчиненного предложения с дополнительным придаточным в английском языке : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 663 / Л.М. Горелик. – Л. : 1-й Лен. гос. пед. ин-т. ин. яз., 1955. – 18 с.
 91. Гоффман И. Представление себя другим / И. Гоффман // Современная зарубежная социальная психология. – М. : Моск. ун-т, 1984. – С. 188–196.

92. Грамматика английского языка. Морфология. Синтаксис / [Кобрина Н.А., Корнеева Е.А., Оссовская М.И. и др.]. – СПб. : СОЮЗ, 1999. – 496 с.
93. Гуйванюк Н.В. Формально-семантичні співвідношення у системі синтаксичних одиниць / Н.В. Гуйванюк. – Чернівці : Рута, 1999. – 336 с.
94. Гусева О.А. Риторико-аргументативные характеристики политического дискурса (на материале президентских обращений к нации) : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Гусева Ольга Александровна. – Калуга : Калужск. гос. пед. ун-т им. К.Э. Циолковского, 2006. – 18 с.
95. Данилова А.А. Манипулирование словом в средствах массовой информации ; [2-е изд.] / А.А. Данилова. – М. : Добросовет, Изд-во КДУ, 2011. – 232 с.
96. Даньшина Е.В. Стратегии и тактики американского предвыборного дискурса / Е.В. Даньшина // Вісник Сум. держ. ун-ту. Серія : Філологія. – 2007. – Т. 2, № 1. – С. 24–28.
97. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т.А. ван Дейк. – М. : Либроком, 2014. – 344 с.
98. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / Пер. с фр. и послесл. С.Н. Зенкина — М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1998. — 288 с. (серия “Gallicinium)
99. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З.Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М. : ИНИОН РАН, 2002. – № 3. –С. 32–43.
100. Демьянков В.З. Эффективность аргументации как речевого воздействия / В.З. Демьянков // Проблемы эффективности речевой коммуникации. – М. : ИНИОН АН СССР, 1989. – С. 13–40.
101. Денисюк Е.В. Манипулятивное речевое воздействие: коммуникативно-прагматический аспект : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.01 /

- Е.В. Денисюк. – Екатеринбург : Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, 2003. – 200 с.
102. Деррида Ж. О грамматиологии / Ж. Деррида. – М. : Ad Marginem, 2000. – 511 с.
 103. Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП: научное издание / Р. Дилтс. – СПб. : Питер, 2010. – 256 с.
 104. Дмитренко-Самохина В.А. Структурно-семантические особенности и функции сложных предложений и присоединительных конструкций с сочинительной связью (на материале английских диалогических текстов) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германская филология» / Дмитренко-Самохина Виктория Афанасьевна. – Одесса, 1989. – 17 с.
 105. Дмитрук О.В. Маніпулятивні стратегії в сучасній англомовній комунікації (на матеріалі текстів друкованих та Інтернет-видань 2000–2005 років) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Дмитрук Ольга Вікторівна. – К. : КНУ імені Тараса Шевченка, 2006. – 19 с.
 106. Дымарский М.Я. Текст – дискурс – художественный текст / М.Я. Дымарский // Текст как объект многоаспектного исследования : сб. ст. науч.-метод. семинара «Textus». – Вып. 3. – Ч. 1. – СПб – Ставрополь Изд-во СГУ, 1998. – С. 18–26.
 107. Екшмідт В.Р. Мовленнєва маніпуляція: персуазивність та сугестія / В.Р. Екшмідт // Мовні і концептуальні картини світу : зб. наук. пр. – 2015. – Вип. 1(52). – К. : Інститут філології КНУ імені Тараса Шевченка. – С. 275–281.
 108. Єфімов Л.П. Стилїстика англійської мови і дискурсивний аналіз : учбово-метод. посібник / Л.П. Єфімов, О.А. Ясінецька. – Вінниця : Нова Книга, 2004. – 240 с.
 109. Жаботинская С.А. Язык как оружие в войне мировоззрений. Майдан –

- антимайдан : словарь-тезаурус лексических инноваций [Электронный ресурс] / С.А. Жаботинская. – Режим доступа : http://uaclip.at.ua/zhabotinskaja-jazyk_kak_oruzhie.pdf.
110. Жулавська О.О. Актуалізація концепту ТЕРОРИЗМ у сучасному британському газетному дискурсі : дис. ... канд. наук : 10.02.04 / Жулавська Ольга Олександрівна. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2011. – 20 с.
 111. Завальська Л.В. Комунікативне ігнорування в політичному дискурсі / Л.В. Завальська // Мова : Науково-теоретичний часопис з мовознавства. – Одеса : Астропринт, 2014. – Вип. 22. – С. 40–45.
 112. Зайцев А.В. Лингвополитология VS политическая лингвистика: возможен ли диалог? [Электронный ресурс] / А.В. Зайцев // Litera : [научн. журнал]. – 2012. – № 1. – С. 25–81. – Режим доступа : http://www.e-notabene.ru/fil/article_150.html
 113. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст : [избранные труды] / А.А. Залевская. – М. : Гнозис, 2005. – 543 с.
 114. Залевская А.А. Проблема тело – разум в трактовке А. Дамазио / А.А. Залевская // Studia Linguistica Cognitiva. – М. : Гнозис, 2006. – Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – С. 82–105.
 115. Заньковська Г.Д. Актуалізація концепту conflict/конфлікт в англомовному політичному дискурсі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Г.Д. Заньковська. – Чернівці, 2015. – 21 с.
 116. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. – М. : Изд-во Московского университета, 1976. – 308 с.
 117. Зирка В.В. Манипулятивные игры в рекламе: Лингвистический аспект / В.В. Зирка. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

118. Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка : ученик / Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. – М. : Высш. школа, 1981. – 285 с.
119. Ивин А.А. Аргументации теория / А.А. Ивин // Философия : энцикл. словарь / [под ред. А.А. Ивина]. – М. : Гардарики, 2006. – С. 59–62.
120. Ивин А.А. Основы теории аргументации / А.А. Ивин – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 352 с.
121. Ивин А.А. Риторика: искусство убеждать / А.А. Ивин. – М. : ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 304 с.
122. Ившин В.Д. Коммуникативный синтаксис современного английского языка : Актуальное членение предложения : дисс. ... доктора филол. наук : 10.02.04 / Ившин Василий Дмитриевич. – Москва, 1992. – 429 с.
123. Ившин В.Д. Синтаксис речи современного английского языка (смысловое членение предложения) / В.Д. Ившин. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2002. – 320 с.
124. Изюров А.М. Актуализация речевого субъекта в политическом дискурсе: На материале современного немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук / Изюров Андрей Михалович. – СПб. : Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена, 2005. – 189 с.
125. Иофик Л.П. Сложное предложение в новоанглийском языке / Л.П. Иофик. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1968. – 214 с.
126. Иофик Л.Л. Существует ли сложносочиненное предложение в английском языке? (к вопросу о форме сложного предложения) / Л.Л. Иофик // НДВШ. Филологические науки. – 1958. – № 2. – С. 107–119.
127. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс ; [изд. 5-е]. – М. : ЛКИ, 2008. – 288 с.
128. Иссерс О.С. Речевое воздействие : учеб. пособие / О.С. Иссерс ; [2-е изд.]. – М. : Флинта : Наука, 2011. – 224 с.

129. Ільницька Л.Л. Англомовний сугестивний дискурс : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Ільницька Леся Леонідівна. – К. : КНУ імені Тараса Шевченка, 2006. – 222 с.
130. Ільницька Л.Л. Особливості використання сугестивних та маніпулятивних технологій у сучасному англомовному політичному дискурсі / Л.Л. Ільницька // Лінгвістика XXI століття: нові дослідження і перспективи. – К. : Логос, 2010. – С. 115–125.
131. Ільченко М.Л. Гендерна специфіка стратегій комунікативного домінування в американських передвиборчих теледебатах : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Ільченко Маргарита Леонідівна. – Харків : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2014. – 221 с.
132. Ільченко М.Л. Емоційна аргументація як стратегія американського електорального дискурсу (на матеріалі передвиборчих теледебатів) / М.Л. Ільченко // Науковий вісник Східноєвроп. нац. ун-ту ім. Лесі Українки. Сер. : Філологічні науки. Мовознавство. – Луцьк : СЛУ, 2013. – № 23 (272). – С. 35–39.
133. Ільченко О.М. Етикет англомовного наукового дискурсу : монографія / О.М. Ільченко. – К. : ІВЦ Політехніка, 2002. – 288 с.
134. Каблуков Е.В. «Пленарное заседание Государственной Думы»: дискурсивно-текстовой и прагматический аспекты : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е.В. Каблуков. – Екатеринбург : Урал. гос. ун-т имени А.М. Горького, 2007. – 23 с.
135. Казмин В.В. Сложные предложения с соподчинением в современном русском языке : учеб. пособие / В.В. Казмин. – Краснодар : Краснодар. книжное изд-во, 1978. – 134 с.
136. Калита А.А. Речевая манипуляция: определение, функция, механизм реализации / А.А. Калита, Л.И. Тараненко // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2012. – № 1022. – С. 10–19.

137. Каліщук Д.М. Психолінгвістичні прийоми мовленнєвого маніпулювання у політичному дискурсі. «Гра у простонародність» / Д.М. Каліщук // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2012. – № 1022. – С. 59–63.
138. Карасик В.И. Язык социального статуса / В.И. Карасик – М. : Ин-т языкознания РАН ; Волгоград . гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.
139. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
140. Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология / В.Б. Касевич. – М. : Наука, 1988. – 309 с.
141. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление / С.Д. Кацнельсон. – Л.: Наука, 1972. — 213 с.
142. Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / [пер. с фр. и португальского ; общ. ред. и вступ. ст. П. Серио ; предисл Ю.С. Степанова]. – М. : ОАО ИЦ «Прогресс», 1999. – 416 с.
143. Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы Языкознания. – 1994. – № 5 – С. 126 – 139.
144. Кибрик А.А. Функционализм / А.А. Кибрик, В.А. Плунгян // Фундаментальные направления современной американской лингвистики : сб. обзоров МГУ им. М. В. Ломоносова. – М. : Изд-во МГУ, 2010. – С. 276–339.
145. Кибрик А.А. Studies in Upper Kuskokwim Athabaskan, a language of interior Alaska / А.А. Кибрик // Осипова О.А. и др. (ред.). Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур : Материалы международной конференции «XXIII Дульзоновские чтения». – Ч. 1. – Томск : Изд-во ТГПУ, 2002. – С. 303–311.
146. Кибрик А.Е. Предикативно-аргументные отношения в семантически эргативных языках / А.А. Кибрик // Известия АН СССР, сер. литературы и языка. – N 4, т. 39. – 1980. – С. 324–335.

147. Ключев Е.В. Риторика : учеб. пособие для вузов / Е.В. Ключев. – М. : ПРИОР, 1999. – 272 с.
148. Ковтунова И.И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения / И.И. Ковтунова. – М. : Просвещение, 1976. – 239 с.
149. Ковшиков В.К. Психолінгвістика. Теорія речової діяльності : учебник для пед. и гуманитар. вузов / В.К. Ковшиков, В.П. Глухов – М. : Изд-во АСТ, 2009. – 346 с.
150. Колегаєва І.М. Хронотоп газетного дискурсу / І.М. Колегаєва // Записки з романо-германської філології. – Одеса : Фенікс, 2006. – Вип. 17. – С. 107–113.
151. Комарова З.И. Лингвополитология как частная парадигма современной лингвистики: методологический аспект / З.И. Комарова // Политическая лингвистика : [сб. научн. тр.] ; ред. А.П. Чудинов. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2012. – Вип. 4 (42). – С. 23–33.
152. Конецкая В.П. Социология коммуникаций : учебник / В.П. Конецкая. – М. : Международный университет бизнеса и управления, 1997 – 304 с.
153. Кравченко А.В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе / А.В. Кравченко // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство : сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 51–65.
154. Кравченко А.В. Является ли язык репрезентативной системой? / А.В. Кравченко // *Studia Linguistica Cognitiva*. – М. : Гнозис, 2006. – Вип. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – С. 135–156.
155. Красненко О.М. Лінгвопрагматичні засоби персуазивності у сучасній французькій мові (на матеріалі публікацій з міжнародних відносин) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.05 «Романські мови» / Красненко Оксана Миколаївна. – К. : КНУ імені Тараса Шевченка, 2011. – 20 с.

156. Краснова Т.И. Анализ политического дискурса: подходы и категории / Т.И. Краснова // Политическая лингвистика. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. – № 2(44). – С. 46–54.
157. Красных В.В. «Свій» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 375 с.
158. Криворучко С.И. Система речевого воздействия в терминах теории речевых актов / С.И. Криворучко // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2014. – № 1102. – С. 50–57.
159. Кронгауз М.А. Семантика : учеб. для вузов / М.А. Кронгауз. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 399 с.
160. Крушельницкая К.Г. К вопросу о смысловом членении предложения / К.Г. Крушельницкая // Вопросы языкознания. – 1956. – № 5. – С. 55–67.
161. Крылова О.А. Коммуникативный синтаксис русского языка / О.А. Крылова ; [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 176 с.
162. Кубрякова Е.С. Виды пространства, текста и дискурса / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира: пространство и время : материалы науч. конф. – М. : Диалог-МГУ, 1997. – С. 19–20.
163. Кубрякова Е.С. О связи когнитивной науки с семиотикой (определение интерпретанты знака) / Е.С. Кубрякова // Язык и культура. Факты и ценности. – М. : Языки славянской культуры, 2001а. – С. 283–291.
164. Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков / Е.С. Кубрякова // Вопросы филологии. – 2001б. – № 1(7). – С. 28–32.
165. Кусько К.Я. Когнітивно-дискурсивний потенціал інформативного трансферу / К.Я. Кусько // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна, 2004. – № 635. – С. 91–93.
166. Кусько К.Я. Проблеми дискурсивної лінгвістики / К.Я. Кусько // Іноземна філологія : Укр. наук. зб. – Л. : ЛНУ, 2001. – 158 с.
167. Кутуза Н.В. Рекламний та PR-дискурс : аспекти впливу : [зб. наук. статей] /

- Н.В. Кутуза. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго, 2015. – 288 с.
168. Лав Н. Когниция и языковой миф / Н. Лав // *Studia Linguistica Cognitiva*. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2006. – Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – С. 105–134. (Love N. Cognition and the language myth // *Language Sciences*. – 2004. – Vol. 26, № 6. – P. 525–544).
 169. Лаптева А.А. Нерешенные вопросы теории актуального членения / А.А. Лаптева // *Вопросы языкознания*. – 1972. – № 2. – С. 35–47.
 170. Левицкий Ю.А. О грамматических аналогах сочинения и подчинения / Ю.А. Левицкий // *Вопросы языкознания*. – 1990. – № 4 – С. 25–35.
 171. Левицкий Ю.А. Основы теории синтаксиса : учеб. пособие / Ю.А. Левицкий ; [3-е изд., испр. и доп.]. – М. : КомКнига, 2005. – 368 с.
 172. Леонтьев А.А. Восприятие текста как психологический процесс / А.А. Леонтьев // *Психолингвистическая природа текста и особенности его восприятия*. – Киев : КГУ, 1979. – С. 18–30.
 173. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М. : Мысль, 1969. – 214 с.
 174. Ломтев Т.П. О совещании по теории синтаксиса / Т.П. Ломтев // *Вестник МГУ. Сер. VII: Филология, журналистика*. – 1961. – № 5. – С. 61–71.
 175. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории / Т.П. Ломтев. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 197 с.
 176. Ломтев Т.П. Предмет и смысл языковых выражений / Т.П. Ломтев // *Исследования по современному русскому языку*. – М. : Изд-во МГУ, 1970. – С. 132–149.
 177. Ляпон М.В. Прагматика каузальности / М.В. Ляпон // *Русистика сегодня. Язык: система и её функционирование* / [отв. ред. Ю.Н. Караулов]. – М. : Наука, 1988. – С. 116–121.
 178. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

179. Малина А.Д. Политическая риторика: лингвистические стратегии аргументированного дискурса в современном английском языке (на материале публичных выступлений) [Электронный ресурс] / А.Д. Малина // III Общероссийская студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум» (15–20 февраля 2011 г.). – Режим доступа : <http://www.rae.ru/forum2011/18/1582>
180. Малишенко А.О. Гендерні особливості англомовного рекламного дискурсу друкованих засобів масової інформації : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / А.О. Малишенко. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2010. – 20 с.
181. Малишенко А.О. Одиниці аналізу англомовного рекламного дискурсу / А.О. Малишенко // Новітня філологія : науковий журнал. – Миколаїв : МДГУ імені Петра Могили. – 2009. – № 13(33). – С. 14–26.
182. Манілов І.Ф. Словесне психотерапевтичне навіювання: можливості вдосконалення / І.Ф. Манілов // Науковий вісник Миколаїв. нац. ун-ту імені В.О. Сухомлинського. Психологічні науки : зб. наук. пр. – Миколаїв : МНУ ім. В.О. Сухомлинського, 2014. – Вип. 2.13 (109). – С. 140–145.
183. Мартинюк А.П. Аргументація та сугестія як інструментальні стратегії дискурсу // Мовні і концептуальні картини світу. – Вип. 55. – Київ: КНУ імені Тараса Шевченка, 2015. – С. 238–246.
184. Мартинюк А.П. Дискурсивний інструментарій аналізу англомовної реклами / А.П. Мартинюк // Лінгвістика ХХІ століття: нові дослідження і перспективи. – 2009. – Вип. 3. – С. 159–167.
185. Мартинюк А.П. Когнітивні підвалини мовленнєвого впливу // Економіка, наука, освіта: матеріали міжнародної науково-практичної конференції (Братислава 18-21 січня 2016 року) : у 3-х т. – Т.3 – К.: Вид-во «Центр навчальної літератури», 2016. – С. 30–31.

186. Мартинюк А.П. Конструювання гендеру в англомовному дискурсі : [монографія] / А.П. Мартинюк. – Харків : Константа, 2004. – 292 с.
187. Мартинюк А.П. Регулятивний потенціал мовного значення (на матеріалі англомовної політичної образи) / А.П. Мартинюк // Наукові праці Камінець-Поділь. нац. ун-ту імені Івана Огієнка. – Серія : Філологічні науки. – 2010. – Вип. 22. – С. 3–6.
188. Мартынюк А.П. Когнитивно-дискурсивный инструментарий анализа сложноподчиненного синтаксиса англоязычного политического дискурса [Электронный ресурс] / А.П. Мартынюк, А.Ю. Поникарева // Когниция, коммуникация, дискурс : междунар. электрон. сб. науч. ст. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2013. – № 7. – С. 68–80. – Режим доступа : <https://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/vypusk-no7-2013/martynuk-a-p-ponikareva-a-u>.
189. Мартынюк А.П. Разграничение дискурса и текста с позиций интеграционного подхода / А.П. Мартынюк // Вісник ХНУ імені В.Н. Каразіна. Серія : Романо-германська філологія. Методика викладання іноземних мов. – 2009. – Вип. 59. – С. 49–54.
190. Марченко Е.П. Полипредикативные сложные предложения в современном русском языке: структурно-семантические, коммуникативные и текстообразующие потенции : дис. ... доктора филол. наук : 10.02.01 / Е.П. Марченко. – Краснодар, 2004. – 340 с.
191. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения / В. Матезиус // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. – М. : Прогресс, 1967. – С. 239–265.
192. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов : [Текст] = Media Discourses: Analysing Media Texts : науч. издание / Д. Матисон ; [пер. с англ.]. – Харьков : Гуманитарный центр, 2013. – 264 с.
193. Матурана У. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / У. Матурана, Ф. Варела ; [пер. с англ. Ю.А. Данилова]. –

- М. : Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.
194. Мебуришвили Л. Смысловая структура категории предикативности / Л. Мебуришвили // Сообщения Академии Наук Грузинской ССР. – 1982. – Т. 108, № 1. – С. 193–196.
 195. Мерло-Понти М. О феноменологии языка / М. Мерло-Понти // Знаки ; [пер. с фр.]. – М. : Искусство, 2001. – 428 с.
 196. Миронова П.О. Стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 «Русский язык» / П.О. Миронова. – Омск : ОмГУ, 2003. – 185 с.
 197. Мордовин А.Ю. Аргументативные стратегии языковой личности североамериканского политика : на материале дискурса Г. Киссинджера : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А.Ю. Мордовин. – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2004. – 239 с.
 198. Морозова Е.И. Ложь как дискурсивное образование: лингвокогнитивный аспект : [монография] / Е.И. Морозова. – Харьков : Экограф, 2005. – 300 с.
 199. Морозова Е.И. Мировоззренческие параллели в трактовке терминов «дискурс», «контекст», «ситуация» / Е.И. Морозова // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2010 (а). – № 897. – С. 99–105.
 200. Морозова Е.И. Фреймовые структуры знаний в языке дискурса / Е.И. Морозова // Науковий Вісник Херсонського державного університету. – Серія : Лінгвістика. – 2010 (б). – Вип. 11. – С. 268–272.
 201. Морозова И.Б. Грамматическая сущность термина «осложненное предложение» в современном английском языке / И.Б. Морозова // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2011. – № 954. – С. 166–172.
 202. Морозова И.Б. Предикативность и предикация в когнитивно-коммуникативной парадигме / И.Б. Морозова // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2011. – № 973. – С. 165–172.

203. Морозова И.Б. Регулятивная роль речевых сигналов в коммуникативном процессе / И.Б. Морозова // Науковий вісник Східноєвроп. нац. ун-ту імені Лесі Українки. – Серія : Філологічні науки. – Луцьк. – 2014. – № 4 (281). – С. 39–44.
204. Морозова И.Б. Речевая мимикрия как коммуникативная игра: гештальт-анализ / И.Б. Морозова // Записки з романо-германської філології. – Одеса : КП ОМД, 2015. – Вип. 1 (34). – С. 96–108.
205. Морозова И.Б. Речевые механизмы успешного диалогизирования (на материале современного англоязычного художественного диалога) / И.Б. Морозова // Науковий вісник Херсонського державного університету. Серія «Лінгвістика» : зб. наук. праць. – Вип. XX. – Херсон : ХДУ, 2013. – С. 128–134.
206. Морозова І.Б. Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світлі гештальт-теорії в сучасній англійській мові : монографія / І.Б. Морозова. – Одеса : Друкарський дім, 2009. – 384 с.
207. Морозова О.І. Лінгвальні аспекти неправди як когнітивно-комунікативного утворення (на матеріалі сучасної англійської мови) : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня докт. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Морозова Олена Іванівна. – К. КНЛУ, 2008. – 32 с.
208. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса / О.И. Москальская. – М. : Высш. школа, 1981. – 175 с.
209. Мудраченко Т.Б. Актуалізація концепту УКРАЇНА в сучасному англомовному газетному дискурсі : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Мудраченко Тетяна Борисівна. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2013. – 200 с.
210. Мудраченко Т.Б. Ритмізація як основа реалізації сугестивного потенціалу віршованого тексту (на прикладі англомовних католицьких молитов) / Т.Б. Мудраченко // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. –

2014. – № 1103. – С. 92–98.

211. Мусаева Е.Г. Фонетические аспекты речевого воздействия в британской политической речи / Е.Г. Мусаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2015. – № 1, Ч. 1. – С. 123–127.
212. Набокова І.Ю. Актуалізація концепту ПЕРША ЛЕДІ / FIRST LADY в англомовному політичному дискурсі ЗМІ : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / І.Ю. Набокова. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2015. – 20 с.
213. Найчук А.А. Політична мова як інструмент концептуалізації соціально-політичних відносин : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. політ. наук : спец. 23.00.01 «Теорія та історія політичної науки» / АА. Зайчук. – Київ : Нац. пед. ун-т ім. М.П. Драгоманова, 2015. – 19 с.
214. Никитин М.В. Основания когнитивной семантики : учеб. пособие / М.В. Никитин. – СПб. : Изд-во РГГУ, 2003. – 277 с.
215. Никитин М.В. Основы лингвистической теории значения : учеб. пособие / М.В. Никитин. – М. : Высш. школа, 1988. – 168 с.
216. Ніколайчук А.С. Паратаксис і гіпотаксис у складному реченні: історія вивчення : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.15 / Ніколайчук Анна Сергіївна. – Донецьк : Донец. нац. ун-т, 2014. – 200 с.
217. Новоселецька С.В. Теоретико-методологічні основи політичної комунікації / С.В. Новоселецька, Н.В. Шапран // Науковий вісник Волин. нац. ун-ту ім. Л. Українки. – 2011. – № 4. – С. 72–77.
218. Олексієнко А.В. Складне речення з детермінативним підрядним у сучасній німецькій мові : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Олексієнко Алла Валеріївна. – Херсон : Херсон. держ. ун-т, 2015. – 200 с.
219. Олянич А.В. Презентационная теория дискурса : монографія / А.В. Олянич. – Волгоград : Парадигма, 2004. – 507 с.
220. Охріменко В.І. Лінгвокогнітивні та прагматичні аспекти аргументації в іспаномовній рекламі : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.05 / Охріменко

- Валерія Ігорівна. – К. : КНУ імені Тараса Шевченка, 2002. – 233 с.
221. Ощепкова Н.А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе: прагмалингвистический анализ убедительности рассуждения (на материале политических дебатов) : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Н.А. Ощепкова. – Калуга : Калуж. гос. пед. ун-т имени К.Э. Циолковского, 2004. – 19 с.
 222. Павлова Е.К. Лексические проблемы глобального политического дискурса / Е.К. Павлова // Вестник Моск. ун-та. Сер. 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2005. – № 2. – С. 98–111.
 223. Падалка О.В. Просодика актуального членування промов сучасних політичних діячів Німеччини (експериментально-фонетичне дослідження) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Падалка Ольга Володимирівна. – Київ : КНЛУ, 2015. – 200 с.
 224. Панкратов В.Н. Психотехнология управления людьми : практическое руководство / В.Н. Панкратов. – М. : Изд-во Ин-та психотерапии, 2001. – 336 с.
 225. Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления / В.З. Панфилов. – М. : Наука, 1971. – 356 с.
 226. Панфилов В.З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. / В.З. Панфилов. – М. : Наука, 1982. – 357 с.
 227. Паршин П.Б. Идиополитический дискурс / П.Б. Паршин // Труды международного семинара «Диалог'96 по компьютерной лингвистике и ее приложениям» / П.Б. Паршин. – М., 1996. – С. 192–198.
 228. Паршин П.Б. Речевое воздействие: основные формы и разновидности / П.Б. Паршин // Рекламный текст: семиотика и лингвистика / [Пирогова Ю.К., Баранов А.Н., Паршин П.Б. и др.]. – М. : Издат. дом Гребенникова, 2000. – 270 с.
 229. Пауль Г. Принципы истории языка / Г. Пауль. – М. : Изд-во иностр.

лит-ры, 1960. – 501 с.

230. Первышева Н.В. Полипредикативные сложносочиненные предложения в современном русском языке: структурно-семантическая и коммуникативная организация [Текст] : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.01 / Н.В. Первышева. – Краснодар, 2001. – 27 с.
231. Петлюченко Н.В. Публічна харизматична комунікація / Н.В. Петлюченко // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2012. – № 1023. – С. 10–17.
232. Петренко В.Ф. Структура сознания в речевом воздействии / В.Ф. Петренко // Оптимизация речевого воздействия / [Безменова Н.А., Белянин В.П., Богомолова Н.Н. и др. ; отв. ред. Р.Г. Котов]. – М. : Наука, 1990. – С. 18–31.
233. Петрик В.М. Сугестивні технології маніпулятивного впливу : навч. посібник / [Петрик В.М., Присяжнюк М.М., Компанцева Л.Ф. та ін.; за заг. ред. Є.Д. Скулиша ; 2-ге вид.]. – К. : ЗАТ «ВІПОЛ», 2011. – 248 с.
234. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / А.М. Пешковский ; [7-е изд.]. – М. : Учпедгиз, 1956. – 512 с.
235. Пищикова Е.В. Стратегии доминирования в аргументативном дискурсе: гендерный анализ : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Е.В. Пищикова. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2002. – 21 с.
236. Пірог І.І. Аргументація у світлі когнітивних операцій (на матеріалі німецького аргументативного дискурсу) / І.І. Пірог // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2015. – № 1155. – С. 47–52.
237. Плеханова Т.Ф. Дискурсивно-диалогическая концепция художественного текста : автореф. дисс. на соискание учен. степени доктора филол. наук : спец. 10.02.04 «Германские языки» / Плеханова Т.Ф. – Минск : Минск. гос. лингв. ун-т, 2005. – 32 с.

238. Плоткіна М.Г. Синтаксис складного речення в романах Дж. Остін: структурний та функціональний аспекти : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Плоткіна Марина Геннадіївна. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2010. – 20 с.
239. Плотникова С.Н. Политическое дискурсивное пространство: принципы структурирования / С.Н. Плотникова, С.А. Домышева // Политическая лингвистика. – 2009. – № 27. – С. 103–108.
240. Поникарева А.Ю. Аргументативно-суггестивный потенціал двухкомпонентных сложносочиненных синтаксических конструкций (на материале англоязычного политического дискурса) / А.Ю. Поникарева // Когнітивно-прагматичні дослідження професійних дискурсів : V наук. конф. з міжнар. участю (19 березня 2016 р.) : тези доп. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2016. – С. 83–86.
241. Поникарёва А.Ю. Аргументативно-суггестивный потенциал сложноподчинённых синтаксических конструкций / А.Ю. Поникарёва // Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація : XV наук. конф. з міжнар. участю (5 лютого 2016 р.) : тези доп. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2016. – С. 156–157.
242. Поникарёва А.Ю. Аргументативно-суггестивный потенциал трехкомпонентных сложноподчиненных синтаксических конструкций с вкраплением сочинения (на материале англоязычного политического дискурса) / А.Ю. Поникарёва // Сучасний стан і перспективи лінгвістичних досліджень та проблем перекладу : всеукр. наук. конф. пам'яті доктора філол. наук, проф. Д.І. Квеселевича (1935–2003), 15 травня 2015 р. : тези доп. – Житомир, 2015. – С. 77–80.
243. Поникарёва А.Ю. Роль логико-смысловых связей сложносочиненных синтаксических конструкций в обеспечении речевого воздействия в англоязычном политическом дискурсе / А.Ю. Поникарёва // Вісник Харків. нац. ун-у імені В.Н. Каразіна. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна,

2014. – № 1124. – С. 59–65.
244. Поникарёва А.Ю. Синтаксическое аранжирование речи как средство достижения аргументативно-суггестивного потенциала (на материале сложноподчиненных предложений с двумя придаточными в речи Б. Обамы и Д. Кемерона) / А.Ю. Поникарёва // *Science and Education a New Dimension: Philology*. – Budapest, 2013. – № I(3), Issue: 13. – P. 128–132.
 245. Поникарёва А.Ю. Сложноподчиненный синтаксис как средство обеспечения суггестивно-аргументативного потенциала политического дискурса / А.Ю. Поникарёва // *Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація : XIII наук. конф. з міжнар. участю (7 лютого 2014 р.) : тези доп.* – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2014. – Ч. 2. – С. 67–68.
 246. Поникарёва А.Ю. Сложноподчиненный синтаксис как средство обеспечения суггестивного и аргументативного речевого воздействия в англоязычном политическом дискурсе (на материале речей Б. Обамы и Д. Кемерона) / А.Ю. Поникарёва // *Международ. сб. науч. ст. – Вып. 2.* – Белгород : ИПЦ «ПОЛИТЕРА», 2014. – 317 с.
 247. Поникарёва А.Ю. Суггестивно-аргументативный потенциал сложноподчиненного синтаксиса публичных речей Б. Обамы и Д. Кемерона / А.Ю. Поникарёва // *Сучасна англістика: до 85-річчя кафедри англійської філології: Шостий міжнар. наук. форум (23 вересня 2015 р.) : тези доп.* – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2015. – С. 116–118.
 248. Поникарёва А.Ю. Типы подчинительной связи в англоязычном политическом дискурсе / А.Ю. Поникарёва // *Науковий вісник Східноєвроп. нац. ун-ту ім. Лесі Українки.* – 2013. – № 17(266). – С. 81–85.
 249. Понікарьова А.Ю. Синтаксичне аранжування як засіб сугестивного впливу (на матеріалі політичних промов Д. Кемерона і Б. Обами) /

- А.Ю. Понікарьова // Каразінські читання: Людина. Мова. Комунікація : XII наук. конф. з міжнар. участю (1 лютого 2013 р.) : тези доп. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2013. – С. 257–258.
250. Понікарьова А.Ю. Структурно-семантичне аранжування головних членів простого речення як засіб сугестивного впливу (на матеріалі політичних промов Д. Кемерона і Б. Обама) / А.Ю. Понікарьова // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна. – 2012. – № 1023. – С. 205–211.
251. Попова З.Д. Структурная схема простого предложения и позиционная схема высказывания как разные уровни синтаксического анализа / З.Д. Попова // Словарь. Грамматика. Текст. – М. : Наука, 1996. – С. 255–268.
252. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Б.Ф. Поршнев. – М. : Мысль, 1974. – 487 с.
253. Поспелов Н.С. О грамматической природе сложного предложения : [текст] / Н.С. Поспелов // Вопросы синтаксиса современного русского языка ; под ред. В.В. Виноградова. – М., 1950. – С. 321–337.
254. Поспелов Н.С. Сложноподчинённое предложение и его структурные типы / Н.С. Поспелов // Вопросы языкознания. – 1959. – № 2. – С. 19–27.
255. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. – [2-е изд.]. – М. : Гос. учеб.-пед. изд-во Мин-ва просвещения РСФСР, 1958. – Т. 1–2. – 536 с.
256. Почепцов Г.Г. Информационные войны / Г.Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук; К. : Ваклер, 2000. – 280 с.
257. Почепцов Г.Г. (мол.) Теорія комунікації / Г.Г. Почепцов (мол.) – К. : Наукова думка, 1996. – 175 с.
258. Пригожин И.Г. Природа, общество и новая рациональность. В поисках нового миропонимания / И.Г. Пригожин // Философия и жизнь. – 1991. – № 7. – С. 64–67.
259. Приходько А.М. Складносурядне речення в сучасній німецькій мові :

- монографія / А.М. Приходько. – Запоріжжя : ЗДУ, 2002. – 292 с.
260. Прияткина А.Ф. Союзные конструкции в простом предложении современного русского языка : автореф. дисс на соискание учен. степени доктора филол. наук : / А.Ф. Прияткина. – Владивосток : ДГУ, 1977. – 46 с.
 261. Прокопчук А.А. Сложноподчиненное предложение и текст / А.А. Прокопчук. – Х. : Основа, 1990. – 192 с.
 262. Распопов И.П. Актуальное членение предложения: на материале простого повествования преимущественно в монологической речи / И.П. Распопов ; под ред. Д. Г. Киекбаева. – [2-е изд.]. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 168 с. (Из лингвистического наследия И.П. Распопова).
 263. Распопов И.П. Очерки по теории синтаксиса / И.П. Распопов. – Воронеж : ВГУ, 1973. – 264 с.
 264. Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / [под ред. Ф.М. Березина и Е.Ф. Тарасова]. – М. : Наука, 1990. – 136 с.
 265. Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью / Р. Рикер. – М. : Akademia, 1995. – 159 с.
 266. Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе : монография / Н.Б. Руженцева. – Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2004. – 294 с.
 267. Сальникова И.М. Речевое воздействие в англоязычном политическом медиа-дискурсе (на примере спортивного концепта 'лузер') / И.М. Сальникова // Вестник Челябин. гос. ун-та. Серия : Филология. Искусствоведение. – 2011. – Вып. 53, № 11(226). – С. 126–128.
 268. Сальтевська М.Ю. Метафоричне втілення концепту КРИЗА у сучасному англомовному газетному дискурсі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / М.Ю. Сальтевська. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2011. – 20 с.
 269. Самохина В.А. Современная англоязычная шутка : [монография] / В.А. Самохина. – Харьков : ХНУ имени В.Н. Каразина, 2008. – 356 с.

270. Самохіна В.О. Функціонально-комунікативний напрям досліджень у лінгвістиці / В.О. Самохіна // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2012. – № 1022. – С. 130–135.
271. Свинцов В.И. Истинностные аспекты коммуникаций и проблемы совершенствования речевого сообщения / В.И. Свинцов // Оптимизация речевого воздействия. – М. : Наука, 1990. – С. 68–86.
272. Свиридюк Т.В. Ідіоматика англomовного публічного виступу в епоху глобалізації: лінгвориторичний аспект (на матеріалі промов британських прем'єр-міністрів) : дис. ... канд. наук : 10.02.04 / Свиридюк Тетяна Володимирівна – Донецьк : Донец. нац. ун-т, 2011. – 20 с.
273. Селиверстова О.Н. Коммуникативная перспектива высказывания / О.Н. Селиверстова, Л.А. Прозорова // Теория функциональной грамматики: Субъективность. Объективность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность/неопределенность. – СПб. : Наука, 1992. – С. 191–194.
274. Селіванова О.О. Світ свідомості в мові. Мир сознания в языке : [монографічне видання] / О.О. Селіванова. – Черкаси : Ю. Чебаненко, 2012. – 488 с.
275. Селіванова О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О.О. Селіванова. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.
276. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М. : Прогресс, 1993. – 656 с.
277. Серль Дж. Основные понятия и исчисления речевых актов / Дж. Серль, Д.Вандервекен // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Лингвистический анализ естественного языка. – М. : Прогресс, 1986. – С. 242–263.
278. Сильвестров Ю.В. Семантико-стилістичні та прагматичні особливості російського рекламного тексту : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.02 «Російська мова» / Ю.В. Сильвестров. –

- К. : Київ. ун-т ім. Тараса Шевченка, 1996. – 25 с.
279. Сідак О.О. Когнітивна структура поняття «ІМІДЖ» (на матеріалі англomовного газетного дискурсу) / О.О. Сідак // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2009. – № 837. – С. 56–59.
 280. Сідак О.О. Роль комічного ефекту в реалізації конфронтаційної стратегії англomовної політичної образи : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Сідак Олеся Олександрівна. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2013. – 204 с.
 281. Славова Л.Л. Мовна особистість лідера у дзеркалі політичної лінгвоперсонології: США – Україна [Текст] : монографія / Л.Л. Славова. – Житомир : Вид-во ЖДУ ім. І. Франка, 2012. – 358 с.
 282. Славова Л.Л. Мовна особистість у сучасному американському та українському політичному дискурсі : автореферат дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук : спец. 10.02.17 «Порівняльно-історичне і типологічне мовознавство» / Славова Людмила Леонардівна. – К. : КНЛУ, 2015. – 36 с.
 283. Слущкина П.Е. Предикативность и модальность как конституирующие признаки предложения и содержания : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.21 / Полина Ефимовна Слущкина. – М. , 1983. – 19 с.
 284. Слюсарева Н.А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка / Н.А. Слюсарева. – М. : Наука, 1981. – 205 с.
 285. Слюсарь Н.А. На стыке теорий. Грамматика и информационная структура в русском и других языках / Н.А. Слюсарева. – М. : Эдиториал УРСС, 2009. – 416 с.
 286. Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка / А.И. Смирницкий ; [под ред. В.В. Пасека ; предисл. О.А. Смирницкой ; 3-е изд.]. – М. : ЛИБРОКОМ, 2009. – 296 с. – (Из лингвистического наследия А.И. Смирницкого).

287. Соболева А.К. Риторическая подготовка студентов–юристов, или Юридическая риторика как учебный предмет / А.К. Соболева // Предмет риторики и проблемы ее преподавания : тезисы докл. Первой всеросс. конф. по рекламе. – М. : Добросвет, 1998. – С. 194–206.
288. Современная американская лингвистика. Фундаментальные направления / [под ред. А.А. Кибрика, И.М. Кобозевой, И.А. Секериной ; 4-е изд.]. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 480 с.
289. Солощук Л.В. Вербальні і невербальні компоненти комунікації в англomовному дискурсі : [монографія] / Л.В. Солощук. – Х. : Константа, 2006. – 300 с.
290. Сорокіна Л.Є. Мовленнєва маніпуляція та інші види мовленнєвого впливу : термінологічне розмежування понять / Л.Є. Сорокіна // Науковий вісник Міжнар. гуманітар. ун-ту. Серія: Філологія. – Одеса : Видавничий дім «Гельветика», 2014. – Вип. 8, том 2. – С. 157–159.
291. Сотников А.В. Просодичні засоби актуалізації комунікативно-прагматичних інтенцій у британській політичній промові (експериментально-фонетичне дослідження) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Сотников Андрій В'ячеславович. – К : Київ. нац. лінгв. ун-т, 2012. – 190 с.
292. Стеблин-Каменский М.И. Спорное в языкознании / М.И. Стеблин-Каменский. – Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1974. – С. 34–47.
293. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца 20 века. – М. : Рос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 35–73.
294. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика / Ю.С. Степанов ; [2-е изд., стереотип.]. – Москва : URSS, 2002. – 360 с.
295. Степанов Ю.С. Семиотическая структура языка: Три функции, три формальных аппарата языка / Ю.С. Степанов // Изв. АН СССР. Сер. :

- ЛиЯ, 1973. – Т. 32, вып. 4. – С. 340–355.
296. Степанов Ю.С. К универсальной классификации предикатов / Ю.С. Степанов // Изв. АН СССР. – 1980. – № 4. – Т. 39. – С. 311–323.
 297. Стернин И.А. Введение в речевое воздействие / И.А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – 252 с.
 298. Страхова В.С. О коммуникативном аспекте сложноподчиненного предложения / В.С. Страхова // Язык и коммуникация : сб. науч. трудов. – Вып. 124. – М. : МГПИИ им. М. Горького, 1977. – С. 40–52.
 299. Стрелкова О.А. Особенности современного женского политического дискурса: На примере речевых портретов женщин-политиков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Стрелкова Ольга Анатольевна. – Курск : Курск. гос. ун-т, 2006. – 183 с.
 300. Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах / П.Ф. Стросон // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 17. Теория речевых актов. – М. : Прогресс, 1986. – С. 131–150.
 301. Сусов И.П. Семиотика и лингвистическая прагматика / И.П. Сусов // Язык, дискурс и личность. – Тверь : ТГУ, 1990. – С. 125–133.
 302. Тарасов Е.Ф. Методологические и теоретические проблемы речевого воздействия / Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия / [отв. ред. Р.Г. Котов ; АН СССР, Ин-т языкознания]. – М. : Наука, 1990. – С. 5–18.
 303. Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие: достижения и перспективы исследования / Е.Ф. Тарасов // Язык как средство идеологического воздействия. – М. : Наука, 1983. – С. 76–95.
 304. Тарасов Е.Ф. Речевое воздействие как проблема речевого общения / Е.Ф. Тарасов // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации / [отв. ред. Ф.М. Березин, Е.Ф. Тарасов]. – М. : Наука, 1990. – С. 3–14.
 305. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер ; [пер. с фр.]. – М. : Прогресс, 1988. – 656 с.

306. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис / Я.Г. Тестелец. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2001. – 800 с.
307. Тхір М.Б. Створення іміджу президента в американському політичному дискурсі: лінгвокогнітивний та комунікативно-когнітивний аспекти (на матеріалі політичних промов Барака Обама) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Тхір Маркіян Богданович. – Херсон : Херсон. держ. ун-т, 2014. – 200 с.
308. Успенский Б.А. Структурная типология языков / Б.А. Успенский. – М. : Наука, 1965. – 286 с.
309. Федорова Л.Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения [Текст] / Л.Л. Федорова // Вопросы языкознания. – 1991. – № 6. – С. 46–50.
310. Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг. : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / Филинский Алексей Анатольевич. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2002. – 15 с.
311. Фомина Т.Д. Динамика концепта в политическом дискурсе: на примере выступлений Д. Буша и Т. Блэра, посвященных второй военной кампании в Ираке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Фомина Татьяна Дмитриевна. – Москва : Моск. пед. гос. ун-т, 2006. – 197 с.
312. Фролова И.Е. Дискурсивные свойства стратегии конфронтации / И.Е. Фролова // Проблемы лингвистики и лингводидактики : Междунар. сб. науч. ст. – Вып. 1 / [под ред. С.А. Моисеивой, Л.Г. Петровой]. – Белгород : ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2013. – С. 322–330.
313. Фролова І.Є. Стратегія конфронтації в англomовному дискурсі: [монографія] / І.Є. Фролова. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. – 344 с.
314. Фуко М. Археологія знання / Мішель Фуко. – Київ : Знання, 1996. – 156 с.
315. Хаймович Б.С. Теоретическая грамматика английского языка /

- Б.С. Хаймович, Б.И. Роговская. – М. : Высш. школа, 1967. – 298 с.
316. Хомич В.І. Каузальні синтаксеми як вихідні моделі для похідних атрибутивних / В.І. Хомич // Наукові записки Ніжин. держ. ун-ту імені Миколи Гоголя. Філологічні науки: Науковий журнал. Кн. 1 ; відп. ред. Г.В. Самійленко. – Ніжин : НДУ ім. М. Гоголя, 2012. – С. 43–47.
 317. Цейтлин С.Н. Категория предикативности в ее отношении к высказыванию и предложению / С.Н. Цейтлин // Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков : сб. науч. тр. – Л. : Наука, 1975. – С. 168–170.
 318. Чейф У. Значение и структура языка / У. Чейф. – М. : Прогресс, 1975. – 432 с.
 319. Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Начала суггестивной лингвистики / И.Ю.Черепанова. – Пермь : Изд-во Перм. ун-та, 1995. – Ч. 1. – 213 с.
 320. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса / В.Е. Чернявская. – М. : Флинта, 2006. – 136 с.
 321. Чернявская В.Е. Дискурс как объект лингвистических исследований / В.Е. Чернявская // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса : сб. науч. ст. – СПб. : Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 11–22.
 322. Черняховская Л.А. Перевод и смысловая структура / Л.А. Черняховская. – М. : Междунар. отношения, 1976. – 262 с.
 323. Чесноков П.В. Предикативность и модальность как семантические признаки предложения / П.В. Чесноков // Единицы морфологии и синтаксиса в семантическом аспекте. – Ростов-н/Д. : Ростов.-на-Дону ГПИ, 1979. – С. 20–30.
 324. Чорна О.О. Комунікативні засоби творення іміджу політичного лідера (на матеріалі українського, російського та англійського політичного дискурсу) : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.15 / Чорна Олена Олегівна. – О. : Держ. заклад «Південноукр. нац. пед. ун-т ім. К.Д. Ушинського», 2013. – 200 с.

325. Чорновол-Ткаченко О.О. Вербалізація концепту ВЛАДА у сучасному британському газетному дискурсі : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.04 «Германські мови» / Чорновол-Ткаченко Ольга Олександрівна. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2007. – 20 с.
326. Чудинов А.П. Политическая лингвистика : учеб. пособие / А.П. Чудинов ; [2-е изд., испр.]. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 256 с.
327. Чуланова Г.В. Синтаксичні засоби вираження емоцій у текстах-регулятивах / Г.В. Чуланова // Філологічні трактати. – 2012. – Том 4, № 4. – С. 104–108.
328. Чуланова Г.В. Структура англоязычных рекламных текстов компании APPLE / Г.В. Чуланова // Філологічні трактати. – 2013. – Том 5, № 2. – С. 104–107.
329. Чуланова Г.В. Manipulation strategy and tactics of blurbs / Г.В. Чуланова // Філологічні трактати. – 2014. – Том 6, № 4. – С. 80–83.
330. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 624 с. Стереотипное воспроизведение издания 1941 года.
331. Шаховский В.И. Голос эмоций в русском политическом дискурсе / В.И. Шаховский // Политический дискурс в России – 2 : материалы рабочего совещания (Москва, 29 марта 1998 года) ; под ред. Ю.А. Сорокина и В.Н. Базылева. – М. : Диалог-МГУ, 1998. – С. 79–83.
332. Шведова Н.Ю. Входит ли лицо в круг синтаксических категорий, формирующих предикативность? / Н.Ю. Шведова // Русский язык за рубежом. – 1971. – № 4. – С. 48–56.
333. Шведова Н.Ю. О понятии «регулярная реализация структурной схемы простого предложения» / Н.Ю. Шведова // Мысли о русском языке : сб. ст. ; под ред. В.В. Виноградова ; сост. А.Н. Кожин. – М. : Просвещение, 1969. – С. 78–89.

334. Шведова Н.Ю. Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии) / Н.Ю. Шведова // Русский язык. Грамматические исследования. – М. : Наука, 1967. – С. 3–77.
335. Шевченко И.С. Дискурс и его категории / И.С. Шевченко // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2011(б). – № 973. – С. 6–12.
336. Шевченко И.С. Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен: единицы и категории / И.С. Шевченко // Лингвистические исследования : сб. ст. Ереван. гос. ун-та. – Вып. 5. – Ереван : Лимуш, 2015. – С. 146–158.
337. Шевченко И.С. Дискурс как мыслекоммуникативное образование / И.С. Шевченко, Е.И. Морозова // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2003. – № 586. – С. 33–38.
338. Шевченко И.С. Историческая динамика прагматики предложения: английское вопросительное предложение XIV–XX вв. : монография / И.С. Шевченко. – Х. : Константа, 1998. – 168 с.
339. Шевченко И.С. Концепты коммуникативного поведения и дискурс / И.С. Шевченко // Вісник Харків. нац. ун-ту імені В.Н. Каразіна. – 2013. – № 1072. – С. 15–20.
340. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
341. Шейгал Е.И. Семиотическое пространство политического дискурса / Е.И. Шейгал // Политический дискурс в России – 3 : материалы раб. совещ. (27–28 марта, Москва). – М. : Диалог-МГУ, 1999. – С. 114–123.
342. Шейгал Е.И. Структура и границы политического дискурса / Е.И. Шейгал // Филология – Philologica. – 1998. – № 14. – С. 22–29.
343. Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования : монография [Текст] / Е.В. Шелестюк. – Челябинск : ООО «Энциклопедия», 2008. – 232 с.
344. Шинкарук В.Д. Модус і диктум у структурі речення : дис. ... доктора філол. наук : 10.02.01 / Василь Дмитрович Шинкарук. – К. : Інститут

- української мови НАН України, 2003. – 479 с.
345. Штерн І.Б. Вибрані топіки та лексикон сучасної лінгвістики: енциклопедичний словник для фахівців з теоретичних гуманітарних дисциплін та гуманітарної інформатики / І.Б. Штерн. – К. : АртЕк, 1998. – 336 с.
 346. Шульжук К.Ф. Синтаксис української мови / К.Ф. Шульжук. – К. : Академія, 2004. – 406 с.
 347. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба // О частях речи в русском языке. – Л. : Наука, 1974. – С. 77–99.
 348. Эко У. Отсутствующая структура: введение в семиологию / У. Эко. – СПб. : Симпозиум, 2004. – 160 с.
 349. Юрченко В.С. К вопросу о предикативности / В.С. Юрченко// Вопросы структуры предложения / В.С. Юрченко. – Ульяновск, 1983. – С. 54.
 350. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика / Р. Якобсон // Структурализм «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – С. 193–231.
 351. Якубинский Л.П. Язык и его функционирование: Избранные работы / Л.П. Якубинский. – М. : Наука, 1986. – 206 с.
 352. Янко Т.Е. О понятиях коммуникативной структуры и коммуникативной стратегии (на материале русского языка) / Т.Е. Янко // Вопросы языкознания. – 1999. – № 4. – С. 28–55.
 353. Яновець А.І. Психолінгвістичні особливості дискурсу англomовного політика у стані емоційної напруги : дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Яновець Анжеліка Іванівна. – Херсон : Херсон. держ. ун-т, 2014. – 200 с.
 354. Ярцева В.Н. Исторический синтаксис английского языка / В.Н. Ярцева. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1961. – 308 с.
 355. Яскевич Я.С. Научная аргументация: логико-коммуникативные пара-метры / Я.С. Яскевич // Речевое общение и аргументация. – СПб., Амстердам : СПб. гос. ун-т, 1993. – Вып. 1. – С. 93–101.
 356. Bertalanffy L. General System Theory: Foundations, Development,

- Applications / L. Bertalanffy. – New York : George Braziller, 1968.
357. Blair J.A. Argumentation as Dialectical // Argumentation / J.A. Blair, R.H. Johnson. – 1987. – Vol. 1. – P. 41–56 .
 358. Blair J.A. Walton's Argumentation Schemes for Presumptive Reasoning: A critique and development / J.A. Blair // Proceedings of the 4 th ISSA. Ed. by F.H. van Eemeren et. al. – Amsterdam, 1998. – P. 56–61.
 359. Bolinger D. Two views of accent / D. Bolinger // Journal of Linguistics. – 1985. – V. 21. – P. 79–123.
 360. Boost K. Neue Untersuchungen zum Wesen und zur Struktur des deutschen Satzes / K. Boost // Des Satz als Spannungsfeld. – Berlin : Akademie Verlag, 1955. – 88 s.
 361. Brightland J. A grammar of the English tongue with the arts of logick, rhetorick, poetry, etc. Also useful notes giving the grounds and reason of grammar in general. The whole making a complete system of an English education [Electronic resource] / J. Brightland. – 1714 – Access mode : <http://galenet.galegroup.com/servlet/ECCO?c=1&stp=Author&ste=11&af=BN&ae=T143961&tiPG=1&dd=0&dc=flc&docNum=CW113149036&vrsn=1.0&srchtp=a&d4=0.33&n=10&SU=0LRK&locID=nla>
 362. Brown G. Discourse analysis / G. Brown, G. Yule. – Cambridge : Cambridge University Press, 1983. – 283 p.
 363. Brown P. Politeness: some universals in language use / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1987. – 345 p.
 364. Brown P. Speech as a marker of situation / P. Brown, C. Fraser // H. Giles, & K. Scherer (Eds.). Social markers in speech. – Cambridge : Cambridge University Press, 1979. – P. 33–62.
 365. Buck R.A. Towards an extended theory of face action: Analyzing dialogue in E.M. Forster's A Passage to India / R.A. Buck // Journal of Pragmatics. – 1997. – Vol. 27. – P. 83–106.
 366. Bullions P. An analytical and practical grammar of the English language /

- P. Bullions. – New York : Pratt, Woodford & Co., 1859 (1849). – 219 p.
367. Burton D. Dialogue and Discourse: A Sociolinguistic Approach to Modern Drama Dialogue and Naturally Occurring Conversation / D. Burton. – London : Routledge and Kegan Paul, 1980. – 210 p.
 368. Campbell R., Wales R. The study of language acquisition / R. Campbell, R.Wales // J. Lyon (ed.). New Horizons in Linguistics. – Harmondsworth : Penguin, 1970. – P. 242–260.
 369. Candlin C. Professional Communication across Languages and Cultures
 370. Chafe W. L. Discourse, consciousness and time: the flow and displacement of conscious experience in speaking and writing / W.L. Chafe. – Chicago : Chicago University Press, 1994. – 327p.
 371. Clark A. Being There: Putting Brain, Body and World Together Again / A. Clark. – Cambridge, MA : MIT Press, 1997. – 269 p.
 372. Clark A. Mindware: an introduction to the philosophy of cognitive science / A. Clark. – N.Y. : Oxford Univ. Press, 2001. – 210 p.
 373. Clausner T.C. Domains and image schemas / T.C. Clausner, W.Croft // Cognitive Linguistics. – 1999. – Vol. 10, № 1. – P. 1–31.
 374. Cohen D.H. Argument is War...and War is Hell: Philosophy, Education and Metaphors of Argumentation / D.H. Cohen // Informal Logic. – 1995. – Vol. 17, № 2. – P. 177–188.
 375. Cohen D.H. How to Lose an Argument / D.H. Cohen // Proceedings of the 4 th ISSA Conference [Ed. by F.H. van Eemeren et. al.]. – Amsterdam, 1998. – P. 85–89.
 376. Cook G. The Discourse of Advertising. / G. Cook. – London and New York : Routledge and Kegan Pau, 1992. – 250 p.
 377. Coseriu E. Glottologia e marxismo / E. Coseriu // Atti del Sodalizio Glottologico Milanese. – Milano, 1950. – P. 25–29.
 378. Crable R.E. Argumentation as Communication: Reasoning with Receivers / R.E. Crable. – Columbus (Ohio): A. Bell and Howell Company, 1976. –

276 p.

379. Croft W. Cognitive Linguistics / W. Croft, D.A. Cruse. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 356 p.
380. Crusius W.T. Discourse : A Critique and Synthesis of Major Theories / W.T. Crusius. – New York, 1989. – 167 p.
381. Cutting J. Pragmatics and Discourse. A Resource Book for Students / J. Cutting. – London and New York : Routledge, 2002. – 187 p.
382. Dieckmann W. Politische Sprache, politische Kommunikation: Vorträge, Aufsätze, Entwürfe / W. Dieckmann. – Heidelberg : Winter, 1981. – 279 p.
383. Deleuze G. A thousand Plateaus : Capitalism and Schizophrenia / G. Deleuze, F. Guattari. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 1987. – 610 p.
384. Dijk T.A. van. Critical News Analysis. Critical Studies, 1(1) / T.A. van Dijk. – 1989. – P. 103–126.
385. Dijk T.A. van. Discourse as interaction in Society / T.A. van Dijk // Van Dijk TA (editor). Discourse as social interaction. vol. 2. – London : Sage, 1997 (b). – P. 1–37.
386. Dijk T.A. van. Discourse, knowledge and ideology [Electronic resource] / T.A. van Dijk. – 2002 – Access mode : <http://www.discourse-in-society.org/dis-knoideo.htm>
387. Dijk T.A. van. Some aspects of text grammars / T.A. van Dijk. – The Hague : Mouton, 1972. – 331 p.
388. Dijk T.A. van. Studies in the pragmatics of discourse / T.A. van Dijk. – The Hague : Mouton, 1981. – 200 p.
389. Dijk T.A. van. Discourse and ideology // Teun A. van Dijk (Ed.). Discourse Studies / [Second edition]. – London : Sage, 2011. – P. 379–407.
390. Dressler W. The thread of Discourse / W. Dressler // Journal of Linguistics. – 1977. – Vol. 13, № 2. – P. 320–321.
391. Eemeren F.H. van. Argumentation, Communication and Fallacies. A Pragmatic-Dialectical Perspective / Eemeren F.H. van, Grootendorst R. – Hillsdale :

- Erlbaum, 1992. – 236 p.
392. Eemeren F.H. van. A Systematic Theory of Argumentation : The pragma-dialectical approach / Eemeren F.H. van, Grootendorst R. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 216 p.
 393. Eemeren F.H. van R. Snoeck Henkemans. Fundamentals of Argumentation Theory: A Handbook of Historical Backgrounds and Contemporary Developments / Eemeren F.H. van, Grootendorst R. – Mahwah (N.J.) : Erlbaum, 1996. – 424 p.
 394. Eemeren F.H. van R. Speech Acts in Argumentative discussions. A theoretical model for the analysis of discussions directed towards solving conflict of opinion / Eemeren F.H. van R., Grootendorst R. – Dordrecht, Berlin : Foris; De Gruyter, 1984. – 215 p
 395. Eemeren F.H. van. Strategic Maneuvering in Argumentative Discourse: Extending the Pragma-dialectical Theory of Argumentation / F.H. van Eemeren. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Pub., 2010. – 308 p.
 396. Eemeren F.H. van. The Silent's Argumentative Discourse / Eemeren F.H. van, Houtlosser P.W. // Proceedings of the 4 th International Society for Studing Argumentation Conference ; [ed. by F.H. van Eemeren et. al.]. – Amstredam, 1998. – P. 160–171.
 397. Ehninger D. Decision by Debate / D. Ehninger, W. Brockride. – New Yoric : Dodd, 1973. – 370 p.
 398. Eiser J.R. Social Psychology: Attitudes, Cognition and Social Behaviour / J.R. Eiser. – Cambridge University Press, 1986. – 400 p.
 399. Fasold R.W. The sociolinguistics of language / R.W. Fasold. – L.; N.Y. : Longman, 1990. – 201 p.
 400. Fauconnier G. Conceptual projection and middle spaces [Electronic resource] / G. Fauconnier, M. Turner // Technical report 9401, Department of cognitive science. – San Diego : Un-ty of California, 1994. – Access mode : <http://www.cogsci.ucsd.edu/research/files/technical/9401.pdf>.

401. Fauconnier G. The Way We Think. Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – N. Y., 2002. – 440 p.
402. Fillmore Ch. Frame semantics / Ch. Fillmore // *Linguistics in the morning calm: Selected papers from the SICOL – 1981.* – Seoul, 1982. – P. 111–137.
403. Fillmore Ch. The case for case / Ch. Fillmore // *Universals in linguistic theory* ; [Bach E. and R. T. Harnis (eds.)]. – N.Y. : Holt, Rinehart and Winston, 1968. – P. 1–88.
404. Fillmore Ch. The case for case reopened / Ch. Fillmore // *Syntax and Semantics* ; [Cole P., Saddock J. M. (eds.)]. – Vol. 8. *Grammatical Relations.* – N.Y. : Academic Press, 1977. – P. 59–81.
405. Firbas J. On defining the theme in functional sentence analysis / J. Firbas // *TLP*, 1964. – Vol. 1. – P. 267–280.
406. Fishman J.A. The sociology of language: an interdisciplinary approach to language in society / J.A. Fishman // *Advances in the sociology of language* ; [ed. By J.A. Fishman]. – The Hague : Mouton, 1976. – Vol. 1. – P. 217–404.
407. Freeley A.J. Argumentation and Debate. Critical thinking for reasoned decision making / A.J. Freeley ; [7 th ed.]. – Behnont (CA) : Wadsworth, 1981. – 440 p.
408. Freeman J.B. Dialectical Situations and Argument Analysis / J.B. Freeman // *Informal Logic.* – Dordrecht : Foris, 1985. – P. 151–162.
409. Fries Ch.C. The Structure of English / Ch. C. Fries. – N.Y., 1952. – V. 2. – 656 p.
410. Garret M.F. The active use of grammar in speech perception / M.F. Garret, T.G. Bever, J.A. Fodor // *Perception and Psychophysics.* – 1966. – Vol. 1, Issue 1. – P. 30–32.
411. Gilbert M.A. Goals in Argumentation / M.A. Gilbert // *Practical Reasoning.* – Bonn, 1996. – P. 1–8.
412. Golubev V. Looking at Argumentation through Communicative Intentions: Ways to Define Fallacies / V. Golubev // *Proceedings of the 4 th ISSA conference* ; [ed.

- by F.H. Van Eemeren et. al.]. – Amsterdam, 1998. – P. 239 – 243.
413. Gorina E.V. The Discourse of Primaries in American and Slavonic Linguo-Cultures [Electronic resource] / E.V. Gorina // Вісник ХНУ імені В.Г. Каразіна. – 2011. – № 954. – Access mode : <http://dspace.univer.kharkov.ua/handle/123456789/6499>.
 414. Govier T. Selected Issues in Logic and Communication / T. Govier. – Behnont CA : Wadsworth, 1988. – 207 p.
 415. Grimes J. The Tread of Discourse / J. Grimes. – The Hague : Mouton, 1975. – 408 p.
 416. Gronbeck B.E. A General Theory of Public Argumentation: Death and Rebirth / B.E. Gronbeck // Proceedings of the 4 th ISSA ; [ed. by. F.H. van Eemeren et. al.]. – Dordrecht ets : Foris, 1998. – P. 239–243.
 417. Grootendorst R. Some Fallacies about Fallacies / R. Grootendorst // Argumentation: Proceedings of the Conference on Argumentation ; [ed. by F.H. van Eemeren et al.]. – 1987. – P. 331–341.
 418. Haberland H. Text, discourse, discours: the latest report from the terminology vice squad / H. Haberland // Journal of Pragmatics. – 1999. – № 31. – P. 911–918.
 419. Halliday M.A.K. Language as social semiotic: The social interpretation of language and meaning / M.A.K. Halliday. – L. : Arnold. 1978. – 256 p.
 420. Halliday M.A.K. Notes on transitivity and theme in English (Part 1–3) / M.A.K. Halliday // Journal of Linguistics. – Cambridge University Press, 1967–68. – 3 (1). P. 37–81; 3 (2). P. 199–244; 4 (2). P. 179–215.
 421. Halliday M.A.K. The Place of «Functional Sentence Perspective» in the System of Linguistic Description / M.A.K. Halliday ; [ed. by F. Danes] // Papers on functional sentence perspective. – Prague : Mouton, 1974. – P. 43–53.
 422. Handbook of Argumentation Theory / [F.H. van Eemeren, B. Garssen, E.C.W. Krabbe and others]. – Dordrecht : Springer, 2014. – 988 p.
 423. Harré R. Discursive psychology / R. Harré // Rethinking Psychology. –

- London, 1995. – P. 143–159.
424. Harris Z.S. Discourse Analysis: A Sample Text / Z.S. Harris // *Language*. – 1952 (b). – № 28. – P. 474–494.
 425. Harris R. From an integrational point of view / R. Harris // *Linguistics Inside Out: Roy Harris and his critics* ; [ed. by G. Wolf, N. Love]. – Amsterdam : Benjamins, 1997. – P. 229–310.
 426. Harris R. *Rethinking Writing* / R. Harris. – L. : Athlone Press, 2000. – 254 p.
 427. Henkemans A.F. *Analyzing Complex Argumentation. The Reconstruction of Multiple and Coordinatively Compound Argumentation in a Critical Discussion* / A.F. Henkemans. – Amsterdam : Sicsat, 1992. – 170 p.
 428. Hitchcock D. Does the Traditional Treatment of Enthymems Rest on Mistake? / D. Hitchcock // *Argumentation*. – Netherlands, Dordrecht, 1998. – Vol. 12. – P. 15–37.
 429. Husserl E. *Die Idee der Phänomenologie* / E. Husserl. – The Hague, 1950 [1907].
 430. Hymes D.H. *Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach* / D. Hymes. – L. : Tavistok, 1977. – 248 p.
 431. Hymes D. Models of the interaction of language and social life / D. Hymes // *Directions in sociolinguistics: The Ethnography of communication*. – New York : Holt, Rinehart & Winston, 1972. – P. 35–71.
 432. Jackson S. Rational and Pragmatic Aspect of Argument / S. Jackson // *Argumentation: Proceedings of the Conference on Argumentation* ; [ed. by F.H. van Eemeren et. al.]. – 1987. – Vol. 1. – P. 217–227.
 433. Jacobs J. Fokus-Hintergrund Gliederung und Grammatik / J. Jacobs // H. Altmann (ed.). *Intonationsforschungen*. – Tübingen : Narr, 1988. – P. 89–134.
 434. Jacobs J. Fokus und Skalen / J. Jacobs. – Tübingen : Niemeyer, 1983. – 298 p.
 435. Jaworski A. *The Discourse Reader* / A. Jaworski, N. Coupland. – London / New York : Routledge, 1999. – 311 p.
 436. Jensen A.R. *Straight talk about mental tests* / A.R. Jensen. – New York : Free

- Press, 1981. – 288 p.
437. Jespersen O. Growth and Structure of the English Language / O. Jespersen ; [9th edition]. – Oxford : Blackwell, 1978. – 244 p.
 438. Johnson R. Charity begins at Home / R. Johnson // Informal Logic Newsletter. – 1981. – Vol. 3, № 3. – P. 4–9.
 439. Johnson M. Book Reviews / M. Johnson // Argumentation. – The Netherlands : Dordrecht, 1998. – № 12. – P. 115–123.
 440. Johnson M. The Body in the mind (the bodily basis of meaning, imagination, and reason) / M. Johnson. – Chicago, L. : The Un-ty of Chicago Press, 1987. – 233 p.
 441. Johnston D.P. The Art and Science of Presuasion [Text] / D.P. Johnston. – Dubuque, Iowa : W.C. Brown, 1994. – P. 156.
 442. Jones J.M. A Welsh grammar: Historical and Comparative. Phonology and accidence / J.M. Jones [Electronic resource]. – Oxford : Clarendon Press, 1970. – Access mode : oai:refdb.wals.info:4380
 443. Klein S. Identity management in argumentative discourse / S. Klein // Proceedings of the Conference on Argumentation ; [ed. by F.H. van Eemeren et. al.]. – Dordrecht ets : Foris, 1987. – Vol. 1. – P. 217–227.
 444. Kruisinga E. A Handbook of Present-Day English. / E. Kruisinga. Groningen: P. Noordhoff , 1931. – 550 p.
 445. Lakoff G. Foreword / G. Lakoff, E. Sweetser // G. Fauconnier. Mental Spaces. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – P. ix–xvi.
 446. Lakoff G. Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : Chicago Univ. Press, 1980. – 242 p.
 447. Lakoff G. More than cool reason: a field guide to poetic metaphor / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago; London : University of Chicago Press, 1989. – 230 p.
 448. Lakoff R. Persuasive discourse and ordinary conversation, with examples from advertising. talk. Georgetown Washington / R. Lakoff // Analyzing discourse: Text and University Round Table on Language and Linguistics. –

- Washington : Georgetown University Press, 1982. – P. 25–42.
449. Lakoff G. Women, fire and dangerous things: what categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago : University of Chicago Press, 1987. – 614 p.
 450. Lane A. A Key to the Art of Letters / A. Lane. – London : Facsimile reprint of 1st ed., London, Printed for A. and J. Churchil and J. Wild, 1700.
 451. Langacker R.W. Assesing the Cognitive Linguistic Enterprise / R.W. Langacker ; [ed. by Th. Janssen, G. Redeker] // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope and Methology. – Berlin, N.Y. : Mouton de Gruyter, 1999. – P. 13–59.
 452. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar : Theoretical prerequisites / R.W. Langacker. – Stanford : Stanford University Press, 1987. – Vol. 1. – 395 p.
 453. Larson Ch.U. Persuasion: reception and responsibility / Ch.U. Larson. – Cengage Learning, 2009. – 480 p.
 454. Levinson S.C. Pragmatics / S.C. Levinson. – Cambridge : Cambridge University Press, 1985. – 420 p.
 455. Lewis W.G. English Grammar / W.G. Lewis. – London, 1821. – 204 p.
 456. Linde C. Spatial Networks as a Site for the Study of Language and Thought / C. Linde, W. Labov // Language. – 1975. – Vol. 51, № 4. – P. 924–939.
 457. Lowth R. A short introduction to English grammar / R. Lowth. – London, 1783. – 118 p.
 458. Lyons J. Introduction to theoretical linguistics / J. Lyons. – Cambridge : Cambridge University, 1968. – 519 p.
 459. MacDonnell D. Theories of Discourse : An Introduction / D. MacDonnell. – Oxford : Blackwell, 1986.– 146 p.
 460. Matthiessen C. The structure of discourse and ‘subordination’ / C. Matthiessen, S. Thompson. – Defense Technical Information Center, 1987. – 68 p.
 461. Mills S. Rethinking Politnness, Impoliteness and Gender Identity. [Electronic

- Resource] / S. Mills. – Amsterdam, Philadelphia : John Benjamin's Publishing, 2002 – Chapter 3. – P. 69–90. – Access mode: <http://www.Lboro.ac.uk/departments/ea/politeness/GenderandPoliteness.htm>.
462. Moore T. Understanding language: towards a post-Chomskyan linguistics / T. Moore, C. Carling. – London : Macmillan, 1982. – 225 p.
463. Murray L. English exercises, adapted to Murray's English Grammar / L. Murray. – York : Thomas Wilson and Son, 1813. – 227 p.
464. Nakamura E.R. Complexity and Diversity / E.R. Nakamura. – Berlin : Springer, 1997.
465. Nosek J. Contributions to the syntax of the New English complex sentence / J. Nosek. – Praha : Universita Karlova, 1966. – 137 p.
466. Nunan D. Introducing Discourse Analysis / D. Nunan. – London : Penguin English Applied Linguistics, 1993. – 134 p.
467. Perelman Ch. The New Rhetoric. A Treatise on Argumentation / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. – London : University of Notre Dame Press, 1969. – P. 193–200.
468. Polanyi L. A formal model of the structure of discourse / L. Polanyi // Journal of Pragmatics. – 1988. – № 12. – P. 601–638.
469. Polanyi L. The linguistic structure of discourse / L. Polanyi // D. Schiffrin, D. Tannen, H. Hamilton (eds.). The Handbook of Discourse Analysis. – Oxford : Basil Blackwell, 2001. – P. 265–281.
470. Poutsma H. A grammar of late modern English / H. Poutsma. – Groningen : P. Noordhoff, 1929. – P. 634.
471. Priestley J. The Rudiments of English Grammar, Adapted to the Use of Schools; With Notes and Observations, for the Use of Those Who Have Made Some Proficiency in the Language / J. Priestley. – London : Printed for T. Becket and P.A. de Hondt, 1768.
472. Quirk R. A Comprehensive Grammar of the English Language / [R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. Svartvik]. – Longman Group Limited, 1985. – 1779 p.

473. Rountree C. Venomous speech : problems with American political discourse on the right and left / C. Rountree. – Santa Barbara, California : Praeger, 2013. – 459 p.
474. Schiffrin D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Oxford : Blackwell Publishers, 1994. – 460 p.
475. Schiffrin D. Discourse Markers: Language, Meaning and Context / Schiffrin D. // [Schiffrin D., Tannen D., Hamilton H.E. (eds.). The Handbook of Discourse Analysis]. – Malden, MA : Blackwell, 2001. – 874 p.
476. Schudson M. The sociology of news production revisited (again) / M. Schudson // J. Curran and M. Gurevitch (eds.). Mass media and society. – London : Arnold, Hodder Headlines, 1997.
477. Searle J.R. Speech acts: An essay in the philosophy of language / J.R. Searle. – Cambridge : CUP, 1969. – 212 p.
478. Selkirk E.O. Phonology and Syntax: the relation between sound and structure / E.O. Selkirk. – Cambridge : MIT Press, 1984. – 346 p.
479. Siegelman L. Understanding presidential rhetoric: The Vietnam statements of Lyndon Johnson / L. Sigelman, L. Miller // Communication Research. – 1978. – № 5. – P. 25–56.
480. Sinha C. Grounding, mapping, and acts of meaning / C. Sinha // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology ; [Ed. by T. Janssen, G. Redeker]. – Berlin, N.Y. : Mouton de Gruyter, 1999. – P. 223–255.
481. Stokoe H.R. The understanding of syntax / H.R. Stokoe. – London : W. Heinemann Ltd., 1937. – P. 263.
482. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language / M. Stubbs. – University of Chicago Press, 1983. – P. 272
483. Sweet H. The history of language / H. Sweet. – London : Dent, 1900. – P. 172.
484. Talmy L. Borrowing semantic space: Yiddish verb prefixes between Germanic and Slavic / L. Talmy // Proceedings of the Eighth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. – 1982. – P. 231–250.

485. Talmy L. Force dynamics in language and cognition / L. Talmy // Cognitive Science. – 1988. – Vol. 12. – P. 49–100.
486. Talmy L. Rubber-sheet cognition in language / L. Talmy // W. Beach, S. Fox, S. Philosoph (eds.). Papers from the Thirteenth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. – Chicago : Chicago Linguistic Society, 1977. – P. 612–28.
487. Talmy L. Semantic Structures in English and Atsugewi : Dr. philol. sci. diss. / L. Talmy. – Berkeley : University of California, 1972.
488. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics / L. Talmy // Concept Structuring Systems. – Vol. 1. – Cambridge, Massachusetts : The MIT Press, 2000. – 495 p.
489. Toulmin St. The Uses of Argument / St. Toulmin. – London, Cambridge : Cambridge University Press, 1958. – 415 p.
490. Turner M. Reading minds: the study of English in the age of cognitive science / M. Turner. – Princeton, NY : Princeton Univ. Press, 1991. – 318 p.
491. Walton D.N. A Pragmatic Theory of Fallacy / D.N. Walton. – London / Tuscaloosa : the University of Alabama Press, 1995. – 324 p.
492. Weil H. The order of words in the ancient languages compared with that of the modern languages; translated, with notes and additions, by Charles W. Super / H. Weil. – John Benjamins Publishing Company, 1879. – 114 p.
493. Wilson B. The Anatomy of Argument, Revised Edition / B. Wilson. – Lanham / New York / London : University Press of America, 1986. – 388 p.
494. Wittgenschtein L. Philosophical Investigations / L. Wittgenschtein ; [translated by G.E.M. Anscombe]. – Oxford : Basil Blackwell, 1978. – 259 p.
495. Zandvoort R.W. A handbook of English grammar / R.W. Zandvoort. – Groningen : J.B. Wolters' Uitgeversmaatschappij, 1948. – P. 377.

СПИСОК СПРАВОЧНЫХ И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

496. Мартинюк А.П. Словник основних термінів когнітивно–дискурсивної лінгвістики / А.П. Мартинюк. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2012. – 196 с.
497. ПС = Психологический словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://psychology.net.ru/dictionaries/psy.html?word>.
498. СЛТ = Словник літературознавчих термінів [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://onlyart.org.ua/?page_id=38859
499. СЭС = Советский Энциклопедический Словарь / [ред. А.М. Прохоров, М.С. Гиляров, Е.М. Жуков, Н.Н. Иноземцев, И.Л. Кнунянц, П.Н. Федосеев, М.Б. Хранченко]. – М. : Советская энциклопедия, 1981. – 1600 с.
500. ТССРЯ = Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М. : Аделант, 2013. – 800 с.
501. ФЭС = Философия [Электронный ресурс] : энциклопедический словарь / [под. ред. А.А. Ивина]. – М. : Гардарики, 2004. – 1072 с. – Режим доступа : http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/452/ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

502. Cameron 1 = David Cameron and Obama Press Conference; July 20, 2010. [Electronic resource]. – Access : http://blogs.suntimes.com/sweet/2010/07/obama_cameron_press_conference.html
503. Cameron 2 = David Cameron's Press Conference at the NATO Summit in Lisbon; November 20, 2010. [Electronic resource]. – Access : www.gov.uk/government/speeches/nato-summit-press-conference
504. Cameron 3 = David Cameron's Speech on Radicalisation and Islamic Extremism; February 5, 2011. [Electronic resource]. – Access : <http://www.newstatesman.com/blogs/the-staggers/2011/02/terrorism-islam-ideology>
505. Cameron 4 = David Cameron's Speech on the Big Society; February 14, 2011. [Electronic resource]. – Access : www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-on-big-society
506. Cameron 5 = President Obama & Prime Minister Cameron Joint Press Availability; May 25, 2011. [Electronic resource]. – Access : <http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/1105/25/se.01.html>
507. Cameron 6 = David Cameron and Obama Press Conference; March 14, 2012. [Electronic resource]. – Access : www.whitehouse.gov/the-press-office/2012/03/14/remarks-president-obama-and-prime-minister-cameron-united-kingdom-joint-
508. Cameron 7 = David Cameron's Speech at Global Investment Conference; July 26, 2012. [Electronic resource]. – Access : www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-global-investment-conference
509. Cameron 8 = David Cameron's address to the United Nations General Assembly; September 26, 2012. [Electronic resource]. – Access : www.gov.uk/government/speeches/david-camerons-address-to-the-united-nations-general-assembly
510. Cameron 9 = David Cameron's speech to the Conservative Party Conference 2012; October 10, 2012. [Electronic resource]. – Access : <http://www.>

independent.co.uk/news/uk/politics/conservative-party- conference-2012-in-birmingham-full-transcript-of-david-camerons-speech-8205536.html

511. Cameron 10 = David Cameron's Speech on Scottish Independence; February 16, 2012. [Electronic resource]. – Access : <http://www.newstatesman.com/uk-politics/2012/02/united-kingdom-scotland-world>
512. Cameron 11 = David Cameron's EU Speech at Bloomberg; January 23, 2013. [Electronic resource]. – Access : www.gov.uk/government/speeches/eu-speech-at-bloomberg
513. Cameron 12 = David Cameron's Speech to the Conservative Party Conference in Manchester; Oct 02, 2013. [Electronic resource]. – Access : <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/david-cameron/10349831/David-Camerons-speech-in-full.html>
514. Cameron 13 = David Cameron's Speech to the Australian Parliament; November 14, 2014. [Electronic resource]. – Access : www.gov.uk/government/speeches/australian-parliament-david-camerons-speech
515. Cameron 14 = David Cameron's Speech at the World Economic Forum (Davos) 2014; January 24, 2014. [Electronic resource]. – Access : www.gov.uk/government/speeches/world-economic-forum-davos-2014-speech-by-david-cameron-2
516. Cameron 15 = David Cameron's Speech: The importance of Scotland to the UK; February 7, 2014. [Electronic resource]. – Access: www.gov.uk/government/speeches/the-importance-of-scotland-to-the-uk-david-camerons-speech
517. Cameron 16 = David Cameron's Speech to the Conservative Conference; October 1, 2014. [Electronic resource]. – Access : <http://blogs.spectator.co.uk/coffeehouse/2014/10/david-camerons-speech-to-the-conservative-conference-full-text/>
518. Cameron 17 = David Cameron's EU Speech; November 28, 2014. [Electronic resource]. – Access : <http://www.bbc.com/news/uk-politics-30250299>

519. Cameron 18 = David Cameron's Speech on Immigration; May 21, 2015. [Electronic resource]. – Access : www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-on-immigration
520. Cameron 19 = David Cameron and Angela Merkel in Berlin: Press Conference; May 29, 2015. [Electronic resource]. – Access : www.gov.uk/government/speeches/david-cameron-and-angela-merkel-in-berlin-press-conference
521. Cameron 20 = David Cameron's Press Conference: G7 2015; June 8, 2015. [Electronic resource]. – Access : www.gov.uk/government/speeches/g7-2015-pm-press-conference
522. Cameron 21 = David Cameron's Speech: Magna Carta 800th Anniversary; June 15, 2015. [Electronic resource]. – Access : www.gov.uk/government/speeches/magna-carta-800th-anniversary-pms-speech
523. Cameron 22 = David Cameron's Speech on Opportunity; June 22, 2015. [Electronic resource]. – Access : www.gov.uk/government/speeches/pm-speech-on-opportunity
524. Cameron 23 = David Cameron's Speech: European Council; June 29, 2015. [Electronic resource]. – Access : www.gov.uk/government/speeches/european-council-june-2015-david-camerons-speech
525. Cameron 24 = David Cameron's Speech: Remembering Srebrenica Reception; July 7, 2015. [Electronic resource]. – Access : www.gov.uk/government/speeches/remembering-srebrenica-reception-pm-speech
526. Cameron 25 = David Cameron's Speech: Times CEO Summit 2015; July 14, 2015. [Electronic resource]. – Access : www.gov.uk/government/speeches/ceo-times-summit-2015-pm-speech
527. Cameron 26 = David Cameron's Speech: Extremism; July 20, 2015. [Electronic resource]. – Access : www.gov.uk/government/speeches/extremism-pm-speech
528. Cameron 27 = David Cameron's Speech in Singapore: Tackling Corruption; July 28, 2015. [Electronic resource]. – Access :

- www.gov.uk/government/speeches/tackling-corruption-pm-speech-in-singapore
529. Obama 1 = President Barack Obama's Indian Parliament Joint Session Speech; November 08, 2010. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
 530. Obama 2 = President Barack Obama's Speech to Troops at Bagram Air Field; December 03, 2010. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
 531. Obama 3 = David Cameron and Obama Press Conference; July 20, 2010. [Electronic resource]. – Access : http://blogs.suntimes.com/sweet/2010/07/obama_cameron_press_conference.html
 532. Obama 4 = President Barack Obama's State of the Union address; January 25, 2011. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
 533. Obama 5 = President Barack Obama's Address on the Violence in Libya; February 23, 2011. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
 534. Obama 5 = President Barack Obama's Speech on the Deficit; April 13, 2011. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
 535. Obama 6 = President Obama & Prime Minister Cameron Joint Press Availability; May 25, 2011. [Electronic resource]. – Access : <http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/1105/25/se.01.html>
 536. Obama 7 = President Barack Obama's Speech on Military Defense Strategic Review; January 05, 2012. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
 537. Obama 8 = President Barack Obama's Speech to the American-Israel Public Affairs Committee; March 04, 2012. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
 538. Obama 9 = President Barack Obama's Clinton Global Initiative Speech on

- Human Trafficking; September 25, 2012. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
539. Obama 10 = President Barack Obama's Comprehensive Immigration Reform Speech; January 29, 2013. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
540. Obama 11 = President Barack Obama's Newport News Speech on the Impact of the Sequester; February 26, 2013. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
541. Obama 12 = President Barack Obama's Gun Violence Reduction Speech in Colorado; April 03, 2013. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
542. Obama 13 = President Barack Obama's Northern Ireland Speech; June 17, 2013. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
543. Obama 14 = President Barack Obama's Civil Rights Summit Keynote Speech; April 10, 2014. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
544. Obama 15 = President Barack Obama's Immigration Reform and Border Security Speech; June 30, 2014. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
545. Obama 16= President Barack Obama's Update on Air Strikes and Humanitarian Aid in Iraq Speech; August 09, 2014. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
546. Obama 17 = President Barack Obama's Young Southeast Leaders Initiative Town Hall Speech; November 14, 2014. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
547. Obama 18 = President Barack Obama's Student Aid Bill of Rights Announcement; March 10, 2015. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>

548. Obama 19 = President Barack Obama's Transpacific Trade Pact Speech at Nike HQ; May 08, 2015. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
549. Obama 20 = President Barack Obama's Post G7 Conference Presser; June 08, 2015. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
550. Obama 21 = President Barack Obama's U.S. Conference of Mayors Address; June 19, 2015. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
551. Obama 22 = President Barack Obama's On the USSC Ruling on the Affordable Care Act; June 25, 2015. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
552. Obama 23 = President Barack Obama's Iran Nuclear Accord Agreement Announcement; July 14, 2015. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
553. Obama 24 = President Barack Obama's Post Iran Nuclear Accord Agreement Press Conference; July 15, 2015. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
554. Obama 25 = President Barack Obama's Kenya Civil Society Meeting; July 26, 2015. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
555. Obama 26 = President Barack Obama's Clean Power Plan Announcement; August 03, 2015. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>
556. Obama 27 = President Barack Obama's On Hurricane Katrina & 10-Year Aftermath; August 27, 2015. [Electronic resource]. – Access : <http://www.americanrhetoric.com/barackobamaspeeches.htm>

ПРИЛОЖЕНИЕ

Паттерны аранжирования предикаций

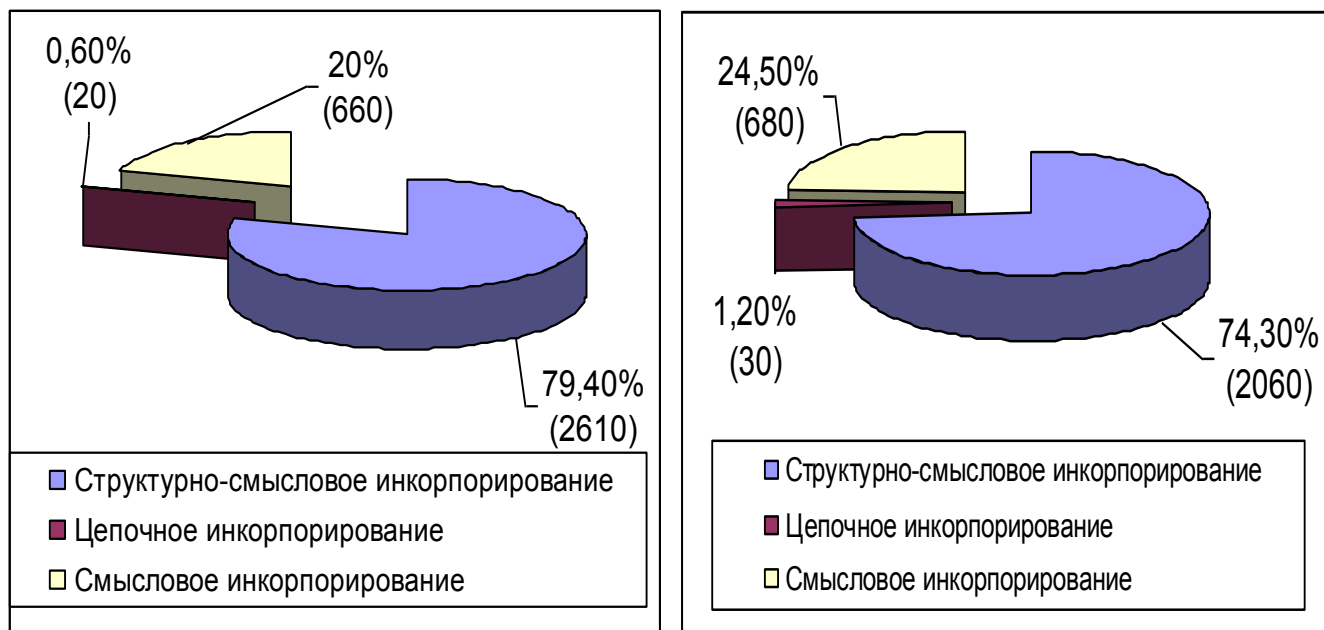
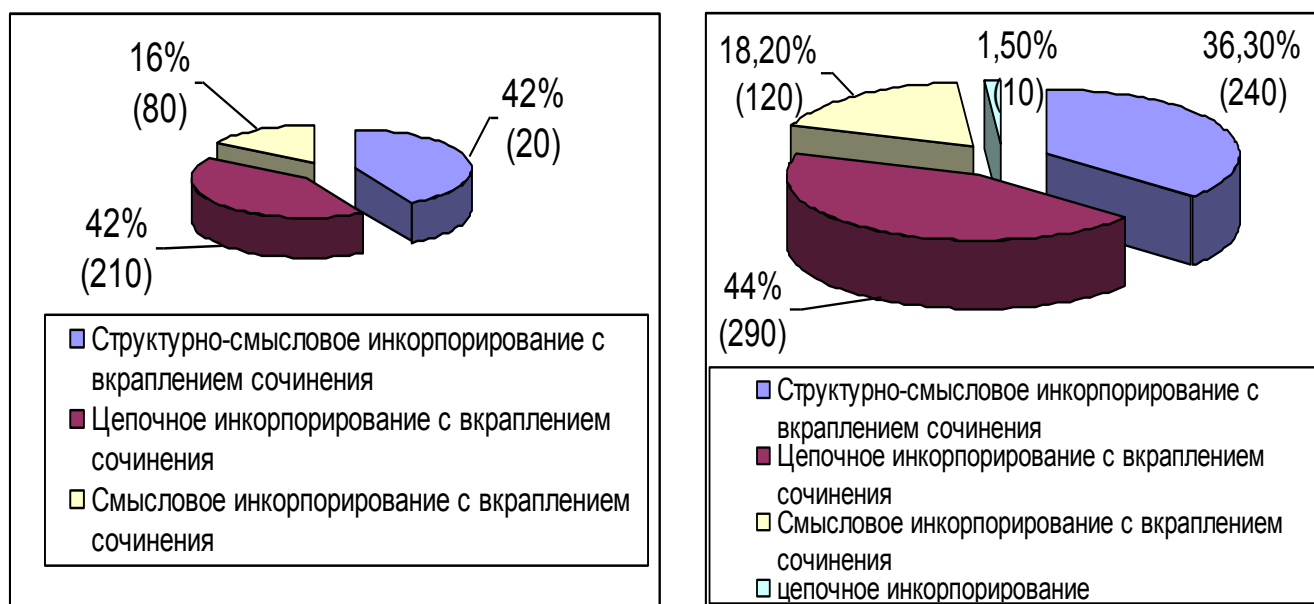

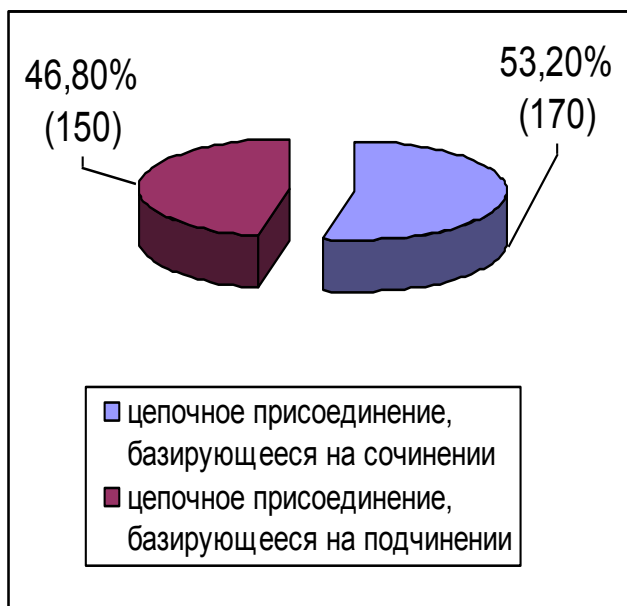
Рис. 1. Паттерны аранжирования предикаций
сложноподчиненных предложений

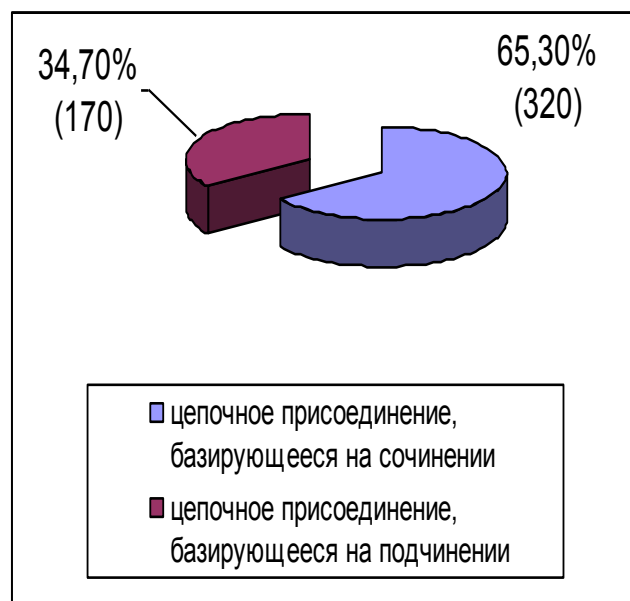
Речь Б. Обамы

Речь Д. Кемерона

Рис. 2. Паттерны аранжирования предикаций
сложноподчиненных предложений с вкраплением сочинения

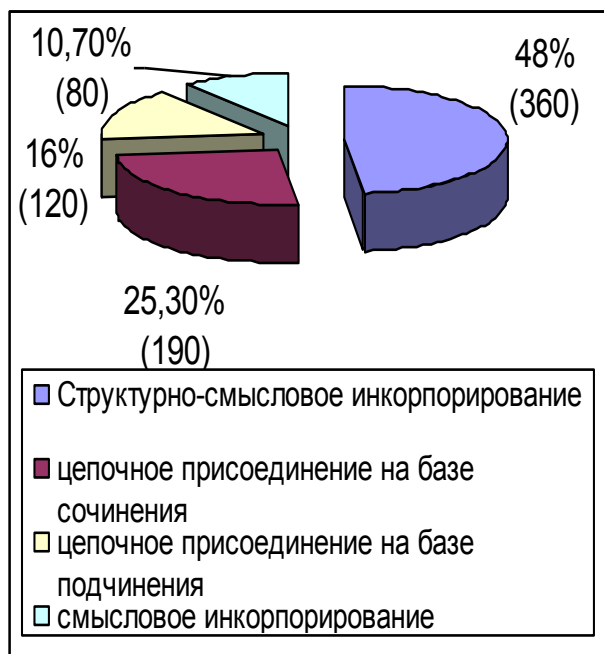

Речь Б. Обамы

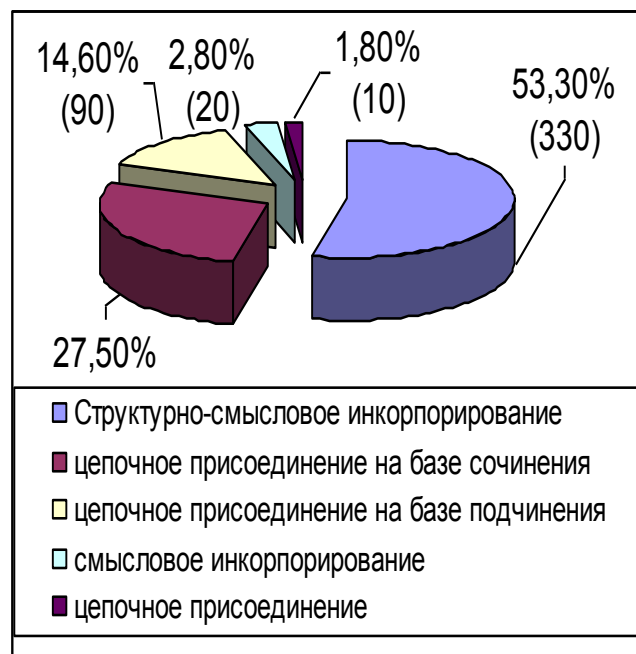

Речь Д. Кемерона

Рис. 3. Паттерны аранжирования предикаций сложносочиненных предложений

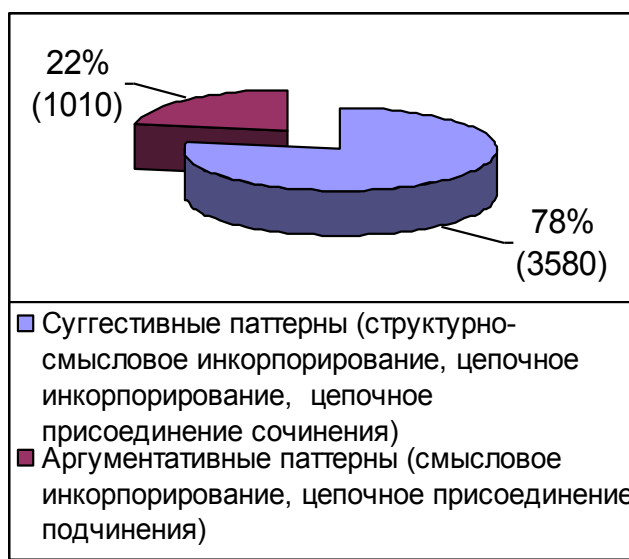
Речь Б. Обамы

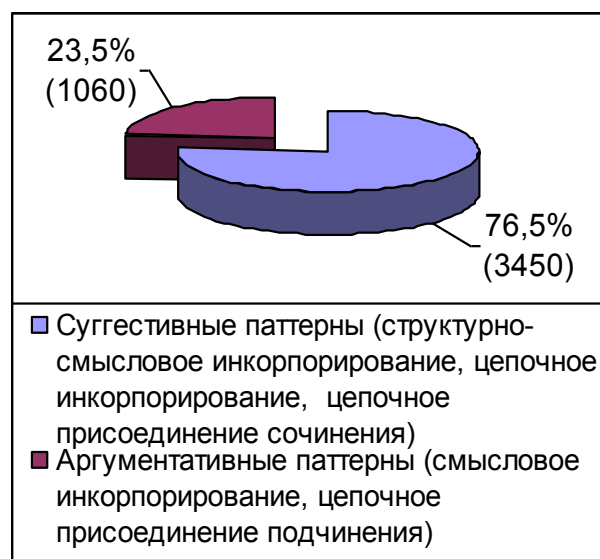
Речь Д. Кемерона

Рис. 4. Паттерны аранжирования предикаций сложносочиненных предложений с вкраплением подчинения

Соотношение суггестивных и аргументативных паттернов

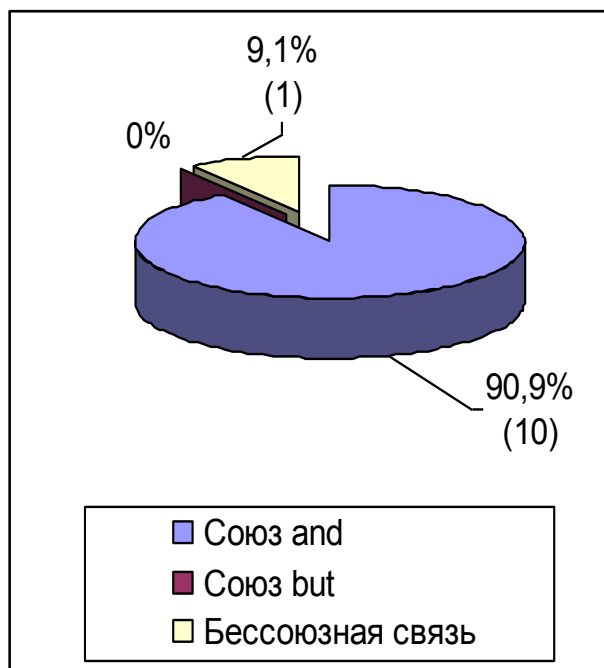

Речь Б. Обамы

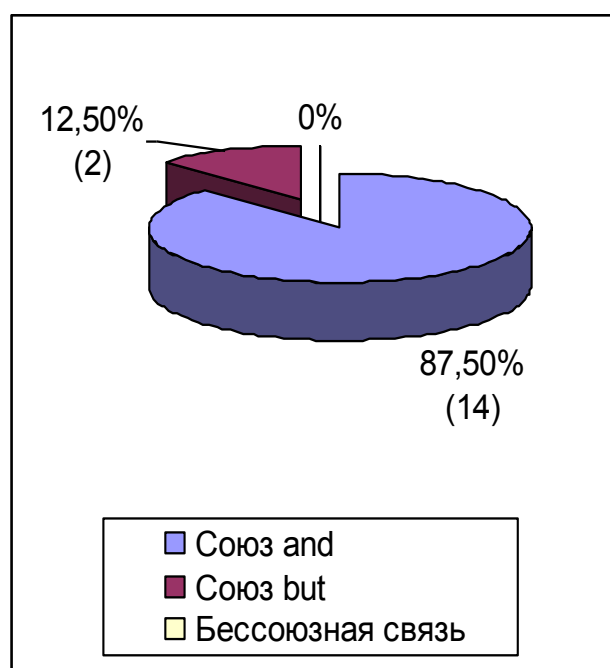

Речь Д. Кемерона

Рис. 5. Количественное соотношение суггестивных и аргументативных паттернов

Речь Б. Обамы

Речь Д. Кемерона

Рис. 6. Маркеры соединительной связи, основанной на добавлении информации